

№ 6
2007

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Ю. В. ГРУНИН**
(г. Жезказган), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ** (г. Алматы), **Н. Н. ЖОРОВ**
(г. Уральск), **В. Г. КОЧЕНОВ** (г. Астана), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**
(г. Астана), **И. М. ЛАМОНОВ** (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **А. У. САНДЫБАЙ**
(первый зам. главного редактора), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана),
А. М. ШВЫДКО (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ** (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

В. Романов. Устремлённость в грядущее 3

Поэзия

А. Ахетов. «Почтенье к отцам превыше всего...». Стихи 11

Л. Шашкова. Оживив огонь в золе 65

Н. Чернова. «Сказки детские степи...». Стихи 66

Т. Коти. «Наступило время возрождения...». Стихи 157

Проза

М. Розен. Элемент неожиданности. Повесть (окончание) 18

© «Нива», 2007, Астана

Документальная проза

- В. Гундарев.** Летопись, пропущенная через сердце 70
Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора 73
-

Культура. Общество. Личность

- В. Коченов.** Алгоритм будущего.
Беседа с профессором Н. Темиргалиевым 163
Литературная жизнь России 168
-

Далёкое — близкое

- В. Шестериков.** Казахский батыр, защищавший Пушкина 177
-

Критика и литературоведение

- Г. Муканова.** Время в поэзии Абая и Пушкина 183
-

Искусство

- А. Ахетова.** Казахи покоряют Европу 187
-

Краеведение

- В. Куприн.** Звёзды над озером Маралды.
(Ф. Достоевский в Павлодарском уезде)..... 190
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Булата Мекебаева. На первой странице обложки – «Три жуза», на четвёртой – «Натюрморт кочевника».

Владимир РОМАНОВ

Устремлённость в грядущее

Ныне наша республика находится на новом этапе своего развития. Последовательное воплощение Стратегии “Казахстан-2030”, а также Стратегического плана развития РК до 2010 года, начавшаяся реализация программы правительства на 2006-2008 годы обеспечили надёжную основу для дальнейшего прогресса страны. Избранный путь всесторонней ускоренной модернизации государства наглядно и впечатляюще прослеживается на примере молодой казахстанской столицы, ставшей своеобразным локомотивом развития экономики страны на рыночных принципах.

И в очередном Послании народу “Новый Казахстан в новом мире” Президент Н. А. Назарбаев среди других первоочередных задач на перспективу большое внимание уделил Астане. **В десятом направлении “Формирование и начало работы региональных центров экономического роста и конкурентоспособности” лидер страны отметил:**

“Важнейшим центром экономического роста стала, конечно же, наша столица Астана, превратившись всего лишь за десятилетие из провинциального города в современный мегаполис с огромными возможностями, причём не только для казахстанцев.

Нам надо и далее развивать эти возможности, если мы хотим реально конкурировать с признанными столицами мира.

Во-первых, надо приступить к строительству, по крайней мере, двух новых центров Астаны — на правом и на левом берегу в юго-восточном направлении.

Во-вторых, важно ускорить темпы строительства нового комплекса Национального центра биотехнологий в Астане.

В-третьих, Правительство должно продолжить реализацию программы по созданию медицинского кластера в Астане на базе вновь вводимых республиканских научных инновационных медицинских центров мирового уровня.

В-четвёртых, в Астане необходимо создать Евразийский центр воды, призванный в комплексе решать вопросы исследования и охраны водных ресурсов на континенте.

Поручаю акиму города Астаны и Правительству определить конкретные индикаторы социально-экономического развития, которые могут быть достигнуты в среднесрочном и долгосрочном периодах”.

Так что задачи перед столицей на ближайшую перспективу поставлены крупномасштабные. Но прежде чем коснуться практической реализации стратегических программ, необходимо напомнить некоторые вехи новейшей истории, обратиться к хронологии событий становления и развития главного города государства.

6 июля 1994 г. — Верховный Совет РК принял постановление “О переносе столицы Республики Казахстан”.

15 сентября 1995 г. — принят указ Президента РК, имеющий силу закона, “О столице Республики Казахстан”.

8 октября 1996 г. — указом главы государства создаётся Акмолинская специальная экономическая зона в административных границах территории города Акмолы.

5 апреля 1997 г. — в соответствии с указом Президента страны стратегические цели г. Акмолы включаются в список приоритетных направлений экономики РК в целях привлечения прямых инвестиций.

20 октября 1997 г. — Н. А. Назарбаев издаёт указ “Об объявлении г. Акмолы столицей Республики Казахстан”.

10 декабря 1997 г. в 11 часов местного времени на торжественном совместном заседании парламента и правительства Президент Н. Назарбаев в своей новой акмолинской резиденции провозгласил Акмолу столицей государства.

6 мая 1998 г. — принят указ Президента РК о переименовании города Акмолы в город Астану.

20 мая 1998 г. — принят Закон РК “О статусе столицы Республики Казахстан”.

9-10 июня 1998 г. — состоялась международная презентация новой столицы Республики Казахстан — города Астаны. С 1999 г. по установившейся традиции ежегодно празднуется День столицы (в последние годы он отмечается 6 июля).

8 апреля 1999 г. — указом главы государства административный центр Акмолинской области из Астаны переведён в г. Кокшетау.

Сентябрь 2001 г. — в Астане с государственным визитом побывал Папа Римский Иоанн Павел II.

Сентябрь 2003 г. — в Астане прошёл Первый съезд лидеров мировых и традиционных религий.

Лето 2005 г. — 175 лет со времени основания города.

12-13 сентября 2006 г. — в Астане прошёл Второй съезд лидеров мировых и традиционных религий.

А 10 декабря нынешнего года исполнится 10 лет как глава государства провозгласил город на Ишиме новой столицей суверенного Казахстана.

За этот краткий исторический срок в результате титанических усилий, концентрации созидательной энергии всего народа нашей многонациональной страны, всем сердцем воспринявшего дерзновенную мечту Нурсултана Абишевича Назарбаева о превращении провинциальной Акмолы не только в новую столицу государства, но и в дальнейшем в один из крупнейших центров Евразии, её жемчужину, в городе произошли грандиозные перемены.

Без сомнения, строительство молодой столицы нашей республики войдёт в историю как один из самых величественных проектов конца XX — начала XXI века на всём постсоветском пространстве.

Рост и преображение Астаны очевидны по всем параметрам. За минувшие годы валовой национальный продукт в городе увеличился более чем в 10 раз; в 11 раз возросли налоговые поступления, объём инвестиций в основной капитал вырос почти в 10 раз. Что касается темпов строительства, то они с момента обретения столичного статуса увеличились более чем в пять раз.

Бурное развитие столицы идёт в полном соответствии со Стратегией “Казахстан-2030” и Стратегией вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира.

Подлинным штабом по воплощению крупномасштабных проектов на территории Астаны является акимат города.

Выступая с отчётом перед жителями, столичный мэр Аскар Мамин, говоря об итогах прошлого года и приоритетах развития реального сектора экономики, сообщил, что численность населения Астаны за счёт миграции и увеличения рождаемости в 2006 году возросла почти на 22 тысячи человек и составила 572 тыс. жителей (рост к уровню 2005 г. на 4,3 %).

Устойчиво развивается экономика столицы, объём промышленного производства в прошлом году достиг 77 млрд. тенге, что на 16 % больше уровня предыдущего года.

Развитие реального сектора экономики является ключевой задачей повышения конкурентоспособности, динамичного роста объёмов выпуска продукции, обеспечения занятости населения.

В этом направлении налицо положительные тенденции, которые позволяют наращивать экономический потенциал. Реализуется программа по поддержке малого бизнеса. Сегодня в сфере предпринимательства производится продукция и услуг до 170 млрд. тенге, здесь занято 88 тыс. человек, собирается в бюджет до 18 млрд. тенге налогов и других платежей.

За прошлый год в разных отраслях экономики города добавилось свыше 15 тыс. рабочих мест, что позволяет обеспечить стабильное положение на рынке труда.

В условиях перехода экономики на путь индустриально-инновационного развития основное внимание уделяется созданию индустриального парка. Это станет "прорывным" проектом, стартовой площадкой для создания новых современных производств. Уже сейчас отобрано 17 предложений, инвесторы намерены вложить до 175 млн. долларов США, одновременно ведётся строительство инженерной инфраструктуры, для этого на 2007 год выделено 2 млрд. тенге бюджетных средств. Предполагается, что индустриальная зона станет мощным промышленным центром столицы, где в комплексе будут решены вопросы инновационного развития, подготовки кадров и занятости.

Выросли реальные доходы населения, сейчас среднемесячная зарплата составляет 60 тыс. тенге. По этому показателю Астана занимает третье место среди регионов страны после Атырауской и Мангистауской областей, которые имеют огромные сырьевые ресурсы и экономические возможности.

С каждым годом возрастает инвестиционный потенциал столицы. За прошлый год в развитие и застройку города направлено свыше

340 млрд. тенге, причём основной объём инвестиций (247 млрд.) осваивается в строительстве.

В этом году в экономику Астаны будет привлечено свыше 400 млрд. тенге. Кстати, по объёму инвестиций столица прочно занимает лидирующие позиции в стране (её доля свыше 12 процентов). Таким образом можно сказать, что Астана стала городом, в развитие которого выгодно вкладывать средства отечественным и зарубежным инвесторам. А это, в свою очередь, обеспечивает стабильный рост налогов и других поступлений в казну. Если в прошлом году бюджет города составил 132 млрд. тенге, то в нынешнем он определён в сумме 164,6 млрд. тенге.

Причём столичный бюджет имеет чёткую социальную направленность. Достаточно сказать, что в этом году на социальные нужды направляется 37,4 млрд. тенге, а это позволит обеспечить выполнение программ развития сферы образования, здравоохранения и культуры.

Инвестиции в жилищное строительство составили почти 115 млрд. тенге и по сравнению с 2005 годом увеличились на 16 млрд. тенге. Построено и введено свыше миллиона квадратных метров жилья. Кстати, и по этому показателю Астане принадлежит пальма первенства среди регионов страны. При этом следует подчеркнуть, что сегодня в городе начато и ведётся сооружение 200 жилых домов и комплексов, их общая площадь (с объектами обслуживания) составляет примерно 5 млн. квадратных метров. Разумеется, при таких масштабах жилой застройки объёмы ввода жилья ежегодно будут возрастать. (Кстати, в начале апреля состоялось открытие жилого комплекса “Москва”, затянувшееся строительство которого не давало спокойно спать городским властям. Дольщики первой очереди получили квартиры с чистой отделкой в здании высотой в 23 этажа). Однако есть и проблемы, которые акимат видит и старается комплексно решать. К примеру, сейчас запрещено строительство жилых домов за счёт уменьшения дворовых территорий. Что касается качества застройки, то акимат уже внёс предложения по исключению приёмки жилья с так называемой “черновой отделкой”, так как практика показывает, что это создаёт проблемы с эксплуатацией и обслуживанием новых домов. Сложившаяся практика надстройки мансардных этажей в целом себя также не оправдывает, создаёт дополнительные проблемы. Поэтому выдача разрешений по мансардным этажам с этого года будет прекращена. В рамках Государственной программы развития жилищного строительства в 2007 году за счёт целевых трансфертов и кредитных средств будет введено 3576 квартир, принято около 14 тыс. заявлений от граждан, желающих приобрести жильё по госпрограмме. В этом году также в рамках Государственной программы реализуется “пилотный” проект по возведению двухсот коттеджей в посёлке Ильинка (включённом в территорию города), причём стоимость одного квадратного метра не будет превышать 450 долларов США.

Продолжая эту тему, Аскар Мамин осветил вопросы индивидуального жилищного строительства, поскольку данная проблематика интересует многих горожан. Оказывается, потребность в выделении земельных участков весьма велика. Достаточно сказать, что сейчас на очереди более 50 тыс. желающих получить землю для строительства жилья. Учитывая сложившуюся ситуацию и согласно концепции корректировки

Генерального плана развития и застройки столицы на период до 2030 года, городская администрация предусматривает размещение десяти районов индивидуальной жилой застройки, которые до выделения земли застройщикам уже должны быть обеспечены необходимыми инженерными сетями и коммуникациями. В соответствии с этим сейчас ведутся работы по проектированию и инженерному обустройству по посёлкам Ильинка, Нефтяников и Железнодорожный, предусматривается выделение земельных участков для индивидуального жилищного строительства, в том числе по годам: 2295 участков в нынешнем году, 5900 — в 2008-2009 годах и 2200 — в 2010 году.

Следует подчеркнуть, что вся работа по развитию и застройке столицы проводится системно, на основании принятых Стратегического плана устойчивого развития города на период до 2030 года и Государственной программы социально-экономического развития Астаны на 2006-2010 годы. На региональном уровне разработаны конкретные мероприятия, обеспечивающие развитие столицы как современного центра международного и межрегионального сотрудничества. Акиматом завершается подготовка концепции Генерального плана до 2030 года, обеспечивается создание на Левобережье современного кластера медицинских услуг на базе новых центров, объединяющего основные направления современной медицины, при этом будут обеспечены высокое качество и доступность медицинских услуг для горожан.

Столица имеет уникальную возможность стать самым красивым по архитектуре, современным по комфортности для жителей городом в Евразии. На достижение этой задачи, поставленной главой государства Н. А. Назарбаевым, направлены усилия акимата и всех городских структур.

Решаются вопросы расширения специальной экономической зоны «Астана — новый город». Она увеличится более чем на три тысячи гектаров, где уже начаты работы по строительству нового университета международного уровня. 25 тысяч студентов станут обучаться по техническим и технологическим специальностям, здесь планируется также открыть филиалы крупнейших технических университетов мира. В университетском городке разместятся учебная и жилая зоны, спортивные сооружения, лабораторные корпуса, конструкторские бюро и университетский технопарк.

По оригинальному проекту знаменитого английского зодчего Нормана Фостера (автора астанинской «Пирамиды» — Дворца Мира и Согласия) будет построен крупнейший в мире торгово-развлекательный центр «Ханский шатёр». Под куполом огромного шатра высотой свыше двухсот метров на площади 110 тысяч кв. метров на четырёх террасах расположатся торговые, развлекательные, спортивные, фитнес- и кинозалы, а также тропический и субтропический сады и искусственный водоём с пляжем. Предполагается, что сооружение этого уникального комплекса займёт 2-2,5 года. Кроме того, намечается строительство своеобразного города под одной крышей «Батыгай».

В этом году начинается комплексная застройка проспекта Кабанбай-батыра, где к уже имеющимся объектам добавится тридцать высотных зданий. Так на въезде в город со стороны аэропорта будет создан единый архитектурный ансамбль, который станет «визитной карточкой» столицы.

В соответствии с концепцией Генерального плана на Аллее тысячелетия предусмотрено возведение семи жилых комплексов с современной инфраструктурой обслуживания (социальные и торговые объекты, паркинги, зоны досуга), в каждом таком комплексе площадь жилья и объектов сервиса составит до одного миллиона кв. метров (для сравнения: в прошлом году в Астане введено более миллиона кв. метров жилья).

Намечено строительство — опять же уникального — общественно-жилого комплекса на улице Манаса, где предусматриваются школа, детский сад, поликлиника и другие объекты социальной сферы.

В этом году также будет проведена реконструкция фасадов по проспекту Республики за счёт средств спонсоров на сумму свыше двух млрд. тенге. Ведётся разработка эскизных проектов светового оформления мостов, фасадов, жилых домов и общественных зданий, расположенных на центральных улицах города. Разрабатывается концепция развития наружной рекламы с привлечением на рекламное пространство Астаны большого количества широко узнаваемых мировых торговых брендов с использованием инновационных технологий.

Разумеется, вся масштабная программа по застройке столицы зависит от развития энергокомплекса, инженерной инфраструктуры и систем жизнеобеспечения. Поэтому наращивание мощностей, прокладка сетей тепло- и водоснабжения, строительство электроподстанций должны опережать возведение жилья и других объектов.

С этой целью на первом пусковом комплексе ТЭЦ-2 выполнены работы по монтажу станционного оборудования, завершено сооружение новой бойлерной, в декабре прошлого года запущен турбоагрегат № 4, который обеспечит дополнительные электрические мощности до 120 мВт. Эта работа продолжается. В этом году предусмотрено смонтировать котлоагрегат № 6, установить новое технологическое оборудование и устройство нового золотвала № 2. А в перспективе планируется продолжить расширение ТЭЦ-2 с установкой котлоагрегатов №№ 7 и 8, турбоагрегатов 5 и 6 и строительство новой водогрейной котельной, а также начать сооружение новой ТЭЦ-3.

По проекту развития тепловых сетей завершено строительство насосной станции № 6, теплового узла на пересечении улицы Манаса и магистральной автодороги № 13, ведётся прокладка пяти тепломагистралей.

Что касается энергоснабжения, в прошлом году построена ВЛ-110 кВ с реконструкцией пяти подстанций, проведено расширение распределительных сетей. Нынче завершится строительство ещё четырёх подстанций. Ведутся работы по проекту “Водоснабжение и канализация города Астаны”, которым предусмотрена замена 141,5 км сетей, в том числе почти 121 км водопроводных. Продолжается прокладка сетей водопровода в посёлке Коктал, по проспекту Тлендиева, сооружается магистральный водовод до Ильинки с насосной станцией и разводящими сетями.

Всё это позволяет не только иметь надёжные системы жизнеобеспечения города, но и действовать на опережение, с учётом дальнейшего роста столицы.

К сожалению, транспортная инфраструктура у нас по-прежнему остаётся узким местом и является, образно говоря, острой головной болью для городской администрации. Работа общественного транспорта,

строительство и ремонт дорог, а также разгрузка транспортных потоков — это те серьёзные проблемы, требующие своего практического решения. Пропускная способность наших дорог и вместимость парковок отстают от темпов развития столицы. И акимат принимает кардинальные меры по совершенствованию транспортной инфраструктуры.

В прошлом году введены в эксплуатацию мост М-1 через Ишим, транспортная развязка на пересечении улиц Гастелло и № 12, улица № 19, магистральная автодорога “Центр левого берега — проспект Аблайхана”, улица Манаса от ул. № 12 до ул. № 13. Построена автодорога вдоль набережной Ишима, а также завершена реконструкция проспекта Богенбая (второй участок от ул. Пушкина до ул. Валиханова), выполнен текущий и средний ремонт покрытия на 183 км улично-дорожной сети города, обновлено 120 павильонов на остановках общественного транспорта. Большой объём работ будет выполнен и в текущем году. В частности, в июле будет завершено сооружение моста М-2 через Ишим и моста через ручей Акбулак. Ведутся подрядные работы по строительству моста М-3, будет начато возведение ещё одного моста — в районе торгового центра “Рамстор”.

Кроме того, вводится новая транспортная развязка на пересечении улиц Иманова и Гумилёва, начнётся строительство Малой кольцевой дороги, по которой пойдёт транзитное и грузовое движение транспорта, что позволит разгрузить наиболее проблемные магистрали Астаны.

Всего предусмотрено в 2007 году построить 14 объектов транспортной инфраструктуры города, а также 21 многоуровневый паркинг на 7,5 тыс. автомобилей.

Растут объёмы пассажирских перевозок. В прошлом году открыто три новых автобусных маршрута, продлено движение на пяти маршрутах общественного транспорта. Но столица расширяется, и новые маршруты будут вводиться и нынче — с максимальным учётом предложений жителей. Плановмерно ведётся замена автобусного парка на современные модели в городском исполнении. В этом году будет обновлено двести автобусов и приобретено пятьсот таксомоторов новых моделей за счет средств частных инвесторов. В прошлом году проведена телефонизация новых жилых комплексов, микрорайонов “Юго=Восток” и “Коктал=2”, поселков Ондерис (район Лесозавода), Куйгенжар и агрогородка. Эти работы продолжаются и нынче в соответствии с планами развития ГЦТ “Астанателеком”.

Лицо столицы во многом определяется такими характерными чертами, как благоустройство города и работа коммунальных служб. От того как содержатся улицы, дворы, парки и скверы, как в зимнее время убирается и вывозится снег, а в весеннюю и осеннюю распутицу удаляется грязь, зависит социальное самочувствие и настроение горожан. И в этом направлении работы предстоит ещё очень много, причём при заинтересованном отношении к проблемам благоустройства и чистоты каждого жителя.

Исполнительная власть со своей стороны предпринимает значительные усилия, чтоб внешний облик Астаны был как можно более привлекательным.

Для укрепления коммунальных служб в городской казне предусмотрены на этот год средства для приобретения 195 единиц специализированной техники. С весны начаты работы по благоустройству

дворов, причём при ревизии существующего состояния внутриквартальных территорий соответствующие службы акимата постарались охватить весь двор. По Сары-Аркинскому району будет обустроено 150 дворов, по Алматинскому — 180. В кварталах производится асфальтирование, всего намечается оборудовать 400 детских игровых площадок и 70 спортивных площадок с искусственным покрытием и освещением.

Экологическая безопасность и создание благоприятных и здоровых условий для жизнедеятельности и отдыха населения — актуальная проблема всех крупных городов. К сожалению, быстро растущая Астана в этом плане не является счастливым исключением, что ставит новые задачи по охране окружающей среды.

Надо сказать, что в последний период многое сделано по стабилизации экологической ситуации: сокращены выбросы от объектов энергетики, завершается ликвидация накопителя Талдыколь, в прошлом году построено около 20 км приёмников и коллекторов ливневой канализации по очистке поверхностных стоков. В этом году работы по сооружению сетей и объектов ливневой канализации продолжатся, предусмотрено проложить до 10 км коллекторов, возвести комплекс очистных сооружений на площадке существующего отстойника в районе Промзоны. Акимат видит, что проблемы экологии надо решать кардинально и в комплексе, обеспечить не только сбор отходов и размещения их на полигоне — основная цель добиться полной утилизации и переработки твёрдых бытовых отходов, как это делается в других странах. Поскольку основной «вклад» в загрязнение атмосферы в городе вносит автотранспорт, не соблюдаются нормативы по выбросам токсичных газов, будут приниматься самые жёсткие меры к водителям, до конца года будет построено три пункта диагностики и технического контроля автомобилей. Будут закрыты двенадцать асфальтобетонных заводов, на которых не соблюдаются элементарные экологические нормативы по выбросам. Их заменять шесть новых заводов, работающих на современном оборудовании. При этом будет решена и проблема качества материалов, используемых при строительстве и ремонте дорог.

Постепенно улучшается ситуация и с озеленением. В прошлом году зелёный фонд столицы увеличился на 83 гектара, посажено около 30 тыс. деревьев и кустарников, сейчас в городе почти 230 гектаров газонов. Ныне озеленение будет проведено на 120 гектарах.

Астана — наш общий дом, где каждый житель должен вносить свой вклад в благоустройство, озеленение, наведение чистоты и порядка, принимать активное участие в проводимых общегородских экологических акциях, чтобы в столице дышалось легко и свободно, чтобы всё окружающее радовало глаз.

Окончание в следующем номере.

Амантай АХЕТОВ

“Почтенье к отцам превыше всего...”

Из цикла “Из дальних странствий”

Ночное фото с нью-йоркским полицейским

Май первого двухтысячного года,
И терроризм ещё не кляли рьяно.
Тогда кляли нью-йоркцы непогоду,
Грозу, что занесло вдруг с океана.

Но отгорел закат багровым цветом,
Стекли с бетона ржавые потоки,
И вновь запахло приближеньем лета,
Листвой младою и сопревшим мохом

Амантай Койшибаевич АХЕТОВ

родился 23 мая 1947 года в г. Кокчетаве. Член Союза писателей СССР и Казахстана, автор свыше двадцати оригинальных и переводных книг, награждён медалями “За трудовую доблесть” (1980), “К 200-летию А. С. Пушкина” (1996 г.), “Отличник печати СССР” (1985), лауреат премии Союза журналистов Казахстана (1992).

Семнадцать лет находился на государственной службе, возглавлял в различных министерствах управления СМИ, внутренней политики, отделы связей с религиозными конфессиями, издательской деятельностью и т. д.

Двадцать четыре года отдал журналистике, был главным редактором районных газет (1977-1980), республиканской газеты Союза журналистов Казахстана (1991-1992), общественно-политической газеты “Республика 2001” (2001-2002), заместителем главного редактора “Юридической газеты”, в настоящее время является гл. редактором газеты “Правда Казахстана”. Живёт в Алматы.

Редакция журнала “Нива” сердечно поздравляет своего постоянно автора Амантая Койшибаевича Ахетова с исполнившимся 60-летним юбилеем, желает новых творческих обретений на поприще литературы и журналистики, крепкого здоровья, житейских радостей и счастья!

Отголосок свадьбы на Бродвее

Глубокой ночью угасает и Бродвей,
Стихает буйство неоновых огней.
С Гудзона ветер прорывается на стриты,
Гремя жестянками по улицам немывтым.

Средь исполинов каменных блуждая,
Американского хочу понять природу рая,
Но понимаю, что сокрытый демон
Не приведёт меня в сады Эдема.

Здесь даже ясный месяц занемог,
За небоскрёб свой зацепивши рог.
А бедные нью-йоркские создания,
Как отщепенцы за воротами мироздания.

И даже вечный зов природы-матери
Подавлен здесь плодами технократии.
И в редких скверах, жалкой имитацией,
Пытаются поднять стволы акации.

Но вот под тусклый свет ночного бара
Из мрака улицы вдруг проступила пара.
Жених-атлет, с главою кучерявой,
Ступал с торжественностью величавой.

Лицо чернее африканской ночи,
И словно россыпь звёзд метали очи.
А рядом, — с изумленьем я глазел, —
Невеста словно грациозная газель,

Нет, не ступала, а скорей, порхала,
Фата короной белою сверкала.
Казалось, что вспорхнёт над мостовой,
Затмит рекламы чудной головой.

Её глаза восторженно сияли,
Сверкнула молния зубов из-под вуали.
И я с присущей азиатской простотой
Пошёл навстречу счастливой паре той.

Понятен чувств людских всегда язык,
Стал жениха теплее гордый лик,
Когда я руку ему крепкую пожал,
С восторгом взглядом на невесту указал.

И, руку свою к сердцу приложив,
Сказал я с искренностью пылкой: “Простите,

У вас невеста, как Сахары миражи,
Красой своей затмила Нефертити”.

Он понял всё, хотя и русского не знал,
И чёрного лица светлее стал овал,
А милая избранница его
Сияла солнцем лишь в двух шагах всего.

Пронзила сердце мне её улыбка,
Асфальт Бродвея стал как будто зыбким,
И пред глазами, из-за океана,
Любимой лик возник, как на экране.

Когда-то я шёл к алтарю, как бог,
Как будто мир распластан весь у ног.
Ведь рядом, грациозною сайгой,
Была моя избранница со мной.

Была готова тоже воспарить,
Чтоб в небе звёзды ранние затмить.
Был лик её нежней июльской ночи,
Созвездьем в нём её сияли очи,

И тотчас стал как будто бы светлей
От грёз ночных очнувшийся Бродвей.
А пара негритянская отныне
Вписалась в память в белом лимузине.

Как в зеркале мелькнул
чужого счастья миг,
Но истину я важную постиг.
Моя смуглянка и негритянка жгучая
Таят в себе порыв любви могучей,

Дарованной всем нам в иных мирах.
Светлее с ними ночи долгой мрак,
Призывом зорьки их полны уста,
Любовь познать зовут нас с чистого листа.

... Всё так же ветерок тянул с Гудзона,
Но только месяц вышел из полона.
Застыл он над Бродвеем, как маяк,
И резкий контур улицы обмяк.

Любовь вдохнувши в каменные джунгли,
Раздул в сердцах он тлеющие угли.
И каменных громад весь привкус горький
Развела мне эта ночь в Нью-Йорке.

Воспоминания о буддистском храме

У каждого народа своя Мекка,
Свой бог под куполами храмов дремлет.
Буддистский храм тринадцатого века
Со свастикою на фронтоне древнем.

Багрянец опускает синий вечер,
Макушки сосен солнце золотит,
Вхожу я в храм, чтобы поставить свечи
За упокой, да пусть Аллах простит.

Ведь каждый храм Создателю угоден,
И, не деля симпатии мирские,
Своих пророков каждому народу
Послал прозреть обители людские.

Да только вот верна ли Богу паства?!
Но это чисто риторический вопрос.
Ведь люди ценят плоды земного царства,
Пока Господь их не отправит на погост.

Вот и Сеул оброс давно церквями,
В сердца проник американский протестантский бог.
И разве только в этом древнем храме
Буддистский запах сохранил порог.

Изменой веру здесь не оскверняют,
Здесь аура царит совсем иная.
Старушки здесь колени преклоняют,
Своих мужей усопших поминая.

От воспоминаний трудно оторваться,
Как будто в храм вливаются чрез двери.
Ещё девчонками, во время оккупации,
Хранили верность своей исконной вере.

Учили их родной язык свой презирать,
Но сберегли детей от святотатства.
Народный дух тогда спасала мать,
Чтоб перед Богом корейкою остаться.

Но век двадцатый всё взвихрил на свете
И объявил великий передел.
Вдруг стало две Кореи на планете,
И каждая в своей была беде.

В одной казармы с красными флагами,
В другой костёлов пышных громадьё,
Не только Будду потеряет память
В такое вот народа бытиё.

Но угоден Богу каждый человек,
Как племена и целые народы.
И древний храм вызывает в новый век
Души не растерять при переходе.

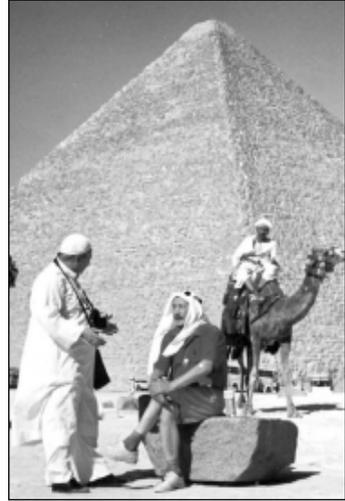
Урок пирамиды Хеопса

Древний мир здесь становится вроде бы ближе
И на рассветы сфинкса глазами глядит.
Солнце земное встаёт над гробницами Гизы,
Контурсы грея совсем не земных пирамид.

Может, вселенская память в их гранях
Вписана формулой вечного разума нам.
И в этом величьи надменном из камня
Сокрыты посланья ко всем временам.

Пирамида Хеопса

 плавёт как корабль над песками,
Тени былого величья бросая к ногам.
Огромные блоки поднимали под небо руками
Не рабы из чужбины,
А люди из нильской долины,
Что поклонялись царям, как богам.

А рядом гробница находится сына,
В чьё царство Египет в роскоши процветал.
Но ниже отцовской его пирамида — причина:
Сын, как Бога, отца своего почитал.

Когда наступала о вечности думать пора,
Египтяне пеклись о будущем царского тела.
Фараон для гробницы своей не жалеет добра,
И приближённые сразу берутся за дело.

“Пусть восторгаются смертные люди,
Пирамиду вам возведём выше всех, господин”.
Но сумел отказать Хефрен лизоблюдам:
“Выше отца своего не должен быть сын!”

И возвёл пирамиду отцовской на метр он ниже,
И в Гизе теперь стоят две великих гробницы.
Жаркий песок века основанья их лижет,
На стенах гробниц фараонов отражаются лица.

Время застыло в склепе гробницы Хефрена,
Время свергло египетских древних богов.
Но, слава Богу, в глуби казахского гена
Почтенье к отцам до сих пор превыше всего.

Мой сын пирамиду

 воздвигнуть, конечно, не сможет,
Пусть их омывает под солнцем лишь Нил.
Иная печаль моё сердце отцовское гложет,
Чтоб он сущность казахской души сохранил.

Маргарита РОЗЕН

ЭЛЕМЕНТ НЕОЖИДАННОСТИ

Повесть

(Окончание. Начало в № 5 за 2007 год)

Глава 6

Утром Ане стало ещё хуже, чем накануне. Какао, которым её немилосердно потчевала Клара Григорьевна, не пожелало оставаться в желудке. Выходя из ванной на дрожащих ногах, Аня поймала на себе внимательный взгляд квартирной хозяйки.

— Девонька, а ты, часом, не “того”? — без привычного многословия спросила Клара Григорьевна.

— Чего — “того”? — не поняла Аня, и тут же густо покраснела, догадавшись. Клара Григорьевна только покачала головой.

— Эх, девки, девки... Ничему вас жизнь не учит.

Она подошла к висевшему на стене календарю, некоторое время раздумывала о чём-то, потом сказала:

— Вот, двенадцатого Лена Львовна принимает. Приходи после обеда в нашу больницу, она тебя посмотрит.

Догадка потрясла Аню. Она почему-то никогда не задумывалась о таком исходе любви. Но ведь так и получается, они ведь взрослые люди. Аня ещё не знала — как отнестись к тому, что происходило в её теле. Радоваться? Печалиться? А как к этому отнесётся Вячеслав Леонидович? Ему решила пока ничего не говорить. Вот сходит к врачу, тогда.

Сикорского в этот день не было на работе. Что-то случилось? Опять вызвали на бюро? Аня терялась в догадках и, нервничая, напутала в реестрах. Сослуживцы смотрели на неё с сожалением. Что-то знали? Или просто — после вчерашнего визита мадам Сикорской?

Кое-как Аня досидела до конца рабочего дня. Звонить Вячеславу Леонидовичу домой она не решалась, но неизвестность была невыносима. На выходе, поймав за рукав Мишу Самарина, Аня, путаясь в словах, попросила его позвонить из автомата.

— Зачем? — серьёзно спросил Миша.

— Нужно.

— Сейчас — не нужно. Его нет дома, он в больнице. Инфаркт, — коротко информировал Миша, осторожно высвободил рукав и пошёл восвояси.

Аня оглушённо смотрела ему вслед, боясь вникнуть в смысл сказанного. Инфаркт? У кого? У Вячеслава Леонидовича? Это невозможно. Этого просто не может быть, и всё! А она? Кто теперь позаботится о ней? Сначала отец, потом — мама, а теперь и Вячеслав Леонидович... Почему все, кто ей дорог, покидают её? Разве это справедливо?

Не видя дороги, Аня брела куда придётся. Ей сигналили машины, она натыкалась на прохожих. Инфаркт. Это так страшно! Но, может быть, всё обойдётся?

Может быть, Вячеслав Леонидович выздоровеет, и всё станет по-прежнему? Аня понимала, что это — трусливые мысли. Даже если он выкарабкается, они уже никогда не встретятся. Разве не её любовь стала причиной его болезни? Но, но... Ведь без него — и жизни нет! Как — без него? “В гроб вогнать...” — всплыло вдруг из глубин сознания. Нет. Он должен жить, во что бы то ни стало, должен!

Она не помнила, как добралась до дома. Не слыша, внимала воркотне Клары Григорьевны о промоченных ботинках, простуде и ревматизме, как автомат, не чувствуя вкуса, пила горячий липовый чай. Клара Григорьевна испугалась не на шутку:

— Да что случилось-то?

Аня только посмотрела страдальческими глазами. Разве можно об этом говорить? Это — только её горе, и она должна справиться сама. Неужели непонятно?

Клара Григорьевна перестала тормозить впавшую в апатию Аню. Постелила ей постель, уложила. Выходя, неплотно притворила за собой дверь — мало ли что...

Аня смотрела в окно, в едва синеющие сумерки и вяло думала о том, что сказка кончилась. Начиналась обыденность, серая, тягостная. И надо было как-то жить, если не ради себя, то ради того, чья крошечная клеточка начала делиться в её теле, ещё не имея очертаний живого существа. Значит, надо жить.

Решив всё в эту страшную ночь, Аня уже не раздумывала, она действовала. Написала заявление об увольнении, собрала накопившиеся в кабинетике вещицы. Ушла тихонько, не прощаясь ни с кем. Зачем? Близких ей людей в группе не было, а чужим её уход — только повод почесать языки.

Дома начала было собирать чемодан, да присела на кровать. Куда теперь? В деревню, в заколоченный дом? Народ смешить? Чтобы говорили, что бородинская девка из города в подоле привезла? Нет, туда нельзя. Так куда же? Тоска захватила Аню. Тоска по сильным рукам Вячеслава Леонидовича, по безвозвратно прошедшему времени, по прежней беззаботности. Аня знала, что любовь бывает мучительной, но разве могла она предполагать, что настолько? Полезла в сумку за носовым платком, под рукой хрустнула бумажка. Письмо. Она так и не отдала его, не успела. Не перечитывая, порвала на мелкие клочки. Какие глупости она могла сообщить человеку, находящемуся на рубеже жизни и смерти? Зачем они ему? Этот вопрос — зачем, доминировал в Аниных мыслях. Всё на свете было — зачем?

Она так и не собрала чемодан. До утра просидела в кресле у окна, смотрела на кусочек звёздного неба, вспоминала. К рассвету разболелась голова. Терпела-терпела, но всё-таки полезла в аптечку в ванной. В замке входной двери лязгнул ключ, потом Клара Григорьевна заглянула в ванную.

— Сума сошла! — крикнула она и выбила из Аниных рук какую-то коробочку.

— Голова... болит, — устало сказала Аня.

— Фу ты, Господи. А я уж неизвестно что подумала, — шумно вздохнула Клара Григорьевна.

Она быстро разделась, вскипятила чай, налила Ане и коротко приказала: — Рассказывай.

Аня поёжилась, но делать нечего, — вкратце обрисовала ситуацию.

— И ты скисла? — хмыкнула Клара Григорьевна, — не спорю, Вячеслав Леонидович — человек достойный, такого можно полюбить. Но ведь нужно было и о будущем подумать. У него же семья. Впрочем, зачем тебе сейчас эти проповеди. Лучше подумаем, как дальше быть. Не дрейфь, проживём!

Прожить оказалось не так-то просто. “Лимитчица” — это слово было слагбаумом на пути к нормальной жизни, и преодолеть эту преграду было невероятно трудно. Без энской прописки нечего было и думать о хорошей работе, да и на

не очень престижных предприятиях тоже смотрели косо. В расстроенных чувствах Аня пришла к знаменитой Лене Львовне, которую знала вся женская половина Энска. Пожилая докторша осмотрела Аню и вынесла вердикт: беременность. Нельзя сказать, чтобы это известие испугало Аню, она уже догадывалась о своём состоянии, более того, решила — как поступить. Лена Львовна напрасно тратила красноречие, уговаривая сохранить первого ребёнка, Аня и так берегла живот, как зеницу ока. Ведь это — дитя Вячеслава Леонидовича. Плоть от плоти, кровь от крови. Это всё, что у Ани осталось от её первой любви.

Клара Григорьевна ждала свою жилищку с нетерпением.

— Ну что?

— То, — коротко ответила Аня.

— И что делать будешь?

— Ничего.

— Растить собралась! — всплеснула руками старушка, — вытянешь ли?

— Попробую.

И Аня стала ждать ребёнка. С работой тянуть было нельзя, живот обнаружится, потом вообще никуда не возьмут. Устроилась в больницу, в которой работала Клара Григорьевна. Конечно, место санитарки — вовсе не то, к чему стремилась, но надо же где-то работать. Поначалу было тяжело, потом привыкла. Как-то, возвращаясь с работы, Аня увидела у подъезда Сикорского. Профессор похудел, осунулся. Он вообще выглядел так, словно его долго мяли и колотили. Даже пышная седая шевелюра поникла и поредела, как молью траченная.

— Здравствуй, Анюта, — тихо произнёс Сикорский.

— Здравствуй... те, — запоздало выговорила положенную вежливую добавку Аня. — Как себя чувствуете?

— Пойдёт, — махнул рукой профессор.

Аня, унимая колотящееся сердце, взгляделась пристальней в тёмные глаза бывшего любовника. Они тоже изменились. Теперь смотрели тоскливо, по-старчески. У Ани защемило в груди от жалости.

— Пойдёмте, я вас чаем напою, — позвала она.

— Неловко, Анюта.

— Клара Григорьевна дежурит. Идёмте.

Пока Аня снимала плащ, Сикорский неприкаянно мыкался по прихожей, мял в руках серую кепку. Аня отняла у него головной убор и повесила на крюк вешалки.

— Раздевайтесь, Вячеслав Леонидович.

Она вновь удивилась нерешительности профессора. Куда что девалось, он вёл себя как школьник в кабинете директора. Робко повесил лёгкую куртку, пошёл за Аней на кухню. Пока грелся чайник, смотрел в сторону, барабанил пальцами по столу. Неловкость Сикорского странным образом передалась Ане, она смущённо подала ему чашку с чаем, налила себе и молча села. Выматывающее душу молчание заполнило кухню. "Господи, зачем он пришёл? — думала Аня, — ведь только успокаиваться начала...". О чём думал профессор, Аня так никогда и не узнала.

Сикорский отставил чашку с недопитым чаем, поблагодарил и наконец-то решился поднять взгляд на Аню. На мгновение обрёл прежнюю уверенность, но тут же сник.

— Аня, — заговорил он каким-то виноватым голосом, — ты прости меня за то, что я сделал с тобой.

— За что простить-то, за любовь? — удивилась Аня. — Вы же любили меня.

— И сейчас люблю, — признался Вячеслав Леонидович.

— Не надо об этом, — попросила Аня.

Было слишком тяжело ворошить былое, а будущего у них не было, это Аня понимала ясно. Странно только, что Вячеслав Леонидович не понимал. Иначе бы он не сказал то, что прозвучало в следующий момент:

— Аня, давай начнём всё сначала. Я разведусь с женой, мы с тобой распишемся...

— Тсс, — Аня приложила палец к губам. — Прошу вас. То, что между нами было, — прекрасно. Не будем же губить воспоминания.

Она в самом деле так думала. Чудесная сказка о любви кончилась, оставив о себе светлую память. Аня не разлюбила Вячеслава Леонидовича, она просто повзрослела. И поняла, что присвоила себе любовь, принадлежавшую другой женщине, сделав ту несчастной. Разве на этом можно строить свою жизнь? Вот и Вячеслав Леонидович — прошедшая сказка звала его, не давала покоя измученной душе. А ведь старость должна иметь мудрость и покой. У Ани своя дорога, ей растить сына или дочь, устраивать собственную судьбу. Не на чужом несчастье.

Аня подошла к Сикорскому и, наклонившись, поцеловала его в лоб. Профессор понял, болезненно поморщился, поднимаясь.

— Прощай, Аня. Не держи зла на старика.

Аня не ответила, боясь передумать, обнять родного человека, навсегда ушедшего из её судьбы, остановить...

Весь вечер она была задумчива. Возилась с ужином, гладила платье на завтра, а сама думала о том, что всё прошло, теперь окончательно завершилось и больше уже никогда не повторится. И ещё — что она сама так решила. Эта мысль придавала ей силы, необходимые для того, чтобы выносить, родить ребёнка, вырастить человека.

Это оказалось отнюдь не просто — выносить ребёнка. С самого начала беременности Аню мучили токсикозы. Она похудела, лицо стало почти прозрачным. Однако слабости не чувствовала, с работой справлялась. В отделении к ней относились хорошо, не обижали. На работе было легче, чем дома, Аня чувствовала себя нужной беспомощным послеоперационным больным, круговорот бытовых дел не давала задуматься о собственных бедах. Любовь, от которой она отказалась, до сих пор мучила Аню яркими воспоминаниями былого счастья. Иногда Аня пыталась переоценить происшедшее и убеждалась в том, что доведись начать всё сначала, она поступила бы так же. Она вовсе не думала об аморальности своего поведения — какое дело любви до морали? И разве настоящая любовь может быть безнравственной? Глупо оглядываться на условности общества, когда без человека дышать не можешь. Вячеслав Леонидович оставался для Ани светом в окне, перестав быть любовником. Она чувствовала — так лучше. Ему спокойней, да и ей меньше тревог.

Не находя выхода своим эмоциям, Аня начала писать Вячеславу Леонидовичу длинные письма. Она их никогда не отправляла, но они создавали иллюзию общения. Аня рассказывала листу бумаги о своей работе, о самочувствии, о том, что сказала знаменитая Лена Львовна, когда Аня была у неё в последний раз. Случалось, что выплёскивала на бумагу всю боль своей задушенной любви. Такие письма она не хранила, их было бы слишком тяжело перечитывать.

Физиологическое ли состояние так подействовало на Аню, или же потеря близкого человека, но прежняя наивность как-то сама собой улетучилась, сменившись ожиданием подвоха со стороны судьбы. Она больше не верила в удачу, дорожила простым, земным. Ну его, это небо в алмазах! Из небогатой зарплатны санитарки умудрялась откладывать что-то на сберкнижку — для ребёнка.

Понимала, что одной будет нелегко. Иногда почему-то вспоминала леденцовых “петушков” своего детства, купленных вместо карамели к чаю. Пожалуй, эти “петушки” и определили Анины отношения с фортуной. Потянувшись за красивым и желанным, можно потерять и привычное. Аня больше не хотела рисковать.

Хорошо что в эти дни рядом с ней была Клара Григорьевна. Старушка вновь обрела обычную свою разговорчивость, строила планы о том, где они поставят детскую кроватку, учила Аню специальной гимнастике для беременных. Аня понимала, что одиночество Клары Григорьевны и её собственное — две стороны одной медали, принимала ворчливую старушечью заботливость как благо. А Клара Григорьевна старалась повкусней накормить свою жиличку, лишний раз сказать ей доброе слово. Может быть, Аня напоминала ей дочь, жившую в невообразимо далёкой Аргентине? Редкие письма не заменяли Кларе Григорьевне дочери, да и были они коротки, суховаты. Случается и так. Старушка радовалась тому, что её дитяtko неплохо устроилось в жизни.

Этот день начался для Ани как обычно. Тусклая энская осень незаметно переходила в зиму, не менее тусклую, с неба сеялась какая-то мерзость, не то снег с дождём, не то дождь со снегом. Аня шла к автобусной остановке и думала, что вот, пройдёт много лет, и она, Аня, станет взрослой женщиной. Может быть, даже растолстеет. У неё будет большой сын, и вся её семья будет состоять из них двоих. Каким-то чудом в этом далёком будущем у Ани появлялась собственная квартира, хорошая работа. Тихая, размеренная жизнь без особых всплесков эмоций, такая, какую вели Анины родители. Что может быть лучше?

Задумавшись, Аня едва не прошла мимо остановки. Если бы не возглас: “Ба-ба-ба, знакомые все лица!”, точно прошла бы. Не мешаясь в толпу, как-то сам по себе, в модной болоньевой куртке стоял Миша Самарин. Аня, смущаясь уже заметного живота, подошла к нему.

- Ну здравствуй, душа моя, — сказал Миша и раскрыл объятия.
- Здравствуйте, — просто ответила Аня, уворачиваясь от Миши.
- Ого, да мы никак с прибылью, — криво усмехнулся тот.
- А вам что за дело? — оцетинилась Аня.

Миша только покрутил головой. Аня уловила исходящий от него запах вина и поморщилась.

- Старик знает? — серьёзно спросил Миша.
- Нет. И не должен.
- Зря ты так.
- Каждому — своё.

Автобус избавил Аню от дальнейшего разговора, становившегося неприятным. Не то чтобы она не любила Самарина, просто он был нетрезв, поэтому слишком развязен. Вообще-то Аня относилась к Мише нормально и ничего не имела против болтовни с ним. С трезвым, разумеется.

На работе тоже всё было как обычно. Ира, работавшая в одну смену с Аней, неожиданно сказала:

— Счастливая ты, Анька. Ребёнка ждешь. А мне, видно, так и куковать до старости одной.

Ира была поразительно некрасивой — маленькие глазки, упрятанные глубоко в глазницы, узкое вытянутое лицо, украшенное чрезмерно длинным носом, тонкие, в ниточку, губы. Кроме всего перечисленного, Ира прихрамывала на левую ногу, которая была короче правой. Больные с жестокостью людей, переносящих физические страдания, за глаза называли бедную Иру “Упырём”. В отличие от неё Ане досталось прозвище детское и безобидное, из-за округлившегося живота её звали “Колобком”. Она это знала и не обижалась.

С утра Аня протёрла полы в своих палатах и в коридоре, накормила лежащего Васильича, перенёсшего тяжёлую операцию. В соседней палате лежал парень с сотрясением мозга. Его привезли позавчера на “скорой”, после пьяной драки. Парень и сам был порядком пьян, плюс большая кровопотеря и сотрясение. Хирург Николай Ильич поколдовал над пробитой головой удалца, теперь всё зависело больше от организма, чем от лекарств. Аня наведалась и к этому больному. Он увидел её, улыбнулся.

— А, медицина. Привет. Как мои дела?

— Это у вас надо спрашивать, — как ваши дела, — ответила Аня.

— Ну и как же они на ваш взгляд?

Аня усмехнулась и начала протирать пыль на подоконниках. Дядька со сломанной ногой, который лежал у окна, сказал ей, что таких бездельников и шалопутов, как этот новенький, надо выписывать без сожаления. Ещё рана не заросла, а туда же — сёстрами интересуется.

— Ну и что? — хмыкнула Аня, — он же молодой.

— А я что — старый, по-твоему? — обиделся дядька.

Аня закончила уборку в этой палате и уже собиралась уходить, когда парень с пробитой головой вновь окликнул её:

— Сестрица, а вы замужем?

— Не видишь — дитя ждёт, бестолковый, — проворчал дядька.

— Ну и что? Сейчас для этого замужество необязательно.

Аня забрала свои санитарские причиндалы и закрыла дверь палаты. А новенький-то — нахал. Надо пореже попадаться ему на глаза.

Дежурство шло своим чередом, из реанимации переводили новых послеоперационных больных, на “скорой” привезли женщину со сломанной ключицей. Аня суетилась, топотала по отделению в мягких старушечьих тапках, было много тяжёлых больных, надо было успеть к каждому. Няня в хирургическом — не просто полоумка, это ещё и внимание, доброта. У Ани получалось неплохо, во всяком случае, больные её любили.

Уже ночью, когда отделение успокоилось, медсестра Наташа, дежурившая в одну смену с Аней, сказала:

— Иди-ка ты, мать, поспи в ординаторской, а я посижу.

Наташа всегда старалась помочь Ане, жалела её. По законодательству Аня давно уже не должна была дежурить по ночам, но людей не хватало, Аня даже не заикалась о своём положении. Наташа, красивая и рослая девушка с закрученной в узел пшеничного цвета косой, всегда заступалась за Аню перед другими, в случае какого-либо недоразумения принимала Анину сторону. Сердито глядя большими, слегка навывкате, серыми глазами, она говорила:

— Ишь, нашли на ком оторваться. Она же ещё сама ребёнок. Небось, с Алёной связываться не стали бы...

Алёна тоже работала няней, но сварливый характер защищал её от каких-либо придинок. Стоило Алёну задеть, как она становилась в позу оскорблённого достоинства, и её высокий голос с истерическими нотками разносился по всему отделению. Аня принимала замечания молча, не пытаясь оправдываться, поэтому ей доставалось больше, чем Ирине или Алёне.

Аня уместилась на жёстком диване в ординаторской и мгновенно уснула. Она теперь всё время хотела спать, уставала даже от обычной работы.

Поспать удалось до полуночи, тогда привезли тяжёлого пациента после автомобильной аварии. После операции его направили в реанимацию, но тихая суматоха, поднявшаяся в отделении, всё же не дала спать Ане. Она сидела на

сестринском посту с Наташей, и слушала её рассказы о деревне. Наташа приехала в Энск откуда-то с Урала, из деревни Куркулихи. Поступала в мединститут, да срезалась, окончила медучилище. Семьёй Наташа так и не обзавелась, хоть и казалась Ане необыкновенно красивой, жила в общежитии. Наташа была серьёзной, обстоятельной девушкой, крупного телосложения, высокого роста, с чистым русским лицом и большими серыми глазами. Несмотря на то что Наташа всего-то на три года была старше Ани, она казалась какой-то солидной, зрелой. Себя Аня считала подростком.

— Поехали с отцом корову искать, — певуче рассказывала Наташа, — да и до ночи по лесу заплутали. Лошади притомились, куда деваться, пришлось ночевать. Отец сосновых лап нарубил, шалаш сделал, костерок малой развели. У отца всегда с собой чай да соль, да хлеба краюха. Вскипятили чай, хлеб пополам поделили — ничего вкуснее не едала! Чай с дымком, по-лесному, значит, хлеб с солью — язык проглотить. Залезли в шалаш, лошади рядом травой хрумкают, далеко не отходят, от комаров за дым костерка прячутся. Хорошо! Так бы туда и побежала...

— А что корова-то?

— Корова? Сама на другой день пришла, она у нас ледащая была, всё шастала, где ни попадя.

Наташа умела очень хорошо рассказывать об обыденных вещах, рассказывала так, что хотелось непременно побывать в её родных местах, искупаться в речке Куркуле, вдохнуть хвойный запах леса. Аня была родом из сырой, болотистой земли, богатой клюквой и грибами, зато лес там был чахлый, близкая вода расти не давала. Аня заслушивалась Наташиными рассказами и искренне недоумевала — чего это подруга застряла в простудном Энске, почему не возвращается в свою Куркулиху. Наташа об этом не говорила, сворачивала беседу на другое.

Утром, перед тем как сдать дежурство, Аня прошлась с мокрой тряпкой по палатам, заглянула и в четырнадцатую, где лежал "шалопут" с проломленной головой. Он уже не спал. Уставил на Аню карие глаза и шёпотом спросил:

— А всё-таки скажите, сестричка, замужем вы или нет?

— Ну не замужем, дальше что? — сердито спросила Аня.

— А как же это? — парень кивнул на Анин живот.

— А вам какое дело?

Аня рассердилась, наскоро протёрла в палате пыль и вышла.

По дороге домой зашла в гастроном, купила немного сыру, Лена Львовна рекомендовала побольше сыру есть. Домой шла медленно, пешком. Лезть в автобусную давку не хотелось. Шла и думала о Вячеславе Леонидовиче. Как он сейчас? Что делает? Давно пора было забыть о таких думках, но у Ани не получалось, всё бередила старые раны.

За ночь выпал снежок, но непохоже было, чтобы он остался надолго. Слякотный Энск, кажется, представления не имел о настоящей зиме, здесь круглый год была осень — то поздняя, то ранняя, а зима и лето так и не наступали. Зябко ёжась в плащике с тёплым подбоем, Аня поспешила домой, пока снег не превратился в чавкающую под ногами жижу.

Клара Григорьевна уже была дома и даже успела сварить какао. Протягивая Ане дымящуюся кружку, поинтересовалась, как прошло дежурство.

— Как всегда, — пожалала плечами Аня.

Прихлёбывая какао, принялась рассказывать. О Наташе и Ире, о Васильиче и "шалопуте" из четырнадцатой палаты.

— Ну вот, к ней жених вяжется, а она отбрыкивается, — полушутя сказала Клара Григорьевна.

— Какой там жених, что вы! — возмутилась Аня. — Его же пьяным привезли, мне только такого не хватало. И потом — куда с животом замуж?

— Ещё и не так-то выходят, — поучительно молвила Клара Григорьевна. — А насчёт “шалопута”, это ты зря. Парень как парень. Кстати, Игорем зовут.

— Да пусть хоть Геркулесом, — рассердилась Аня.

— Ну-ну... — непонятно протянула Клара Григорьевна и умолкла.

Позавтракав, Аня уже расхотела спать, вместо этого села за стол и достала заветную тетрадку. Стихи, размышления... Всё это повергало Аню в сладкую тоску, ностальгию по прошедшему, и отказаться от этого не было сил.

По-старинному высокое окно приняло на себя натиск непогоды. В Энске была самая настоящая метель. Белым завьюжило, закружило узкое ущелье улицы Пролетарской, снег шелестел о стёкла окна, вился по карнизу. Проснувшись, Аня не сразу поняла — что происходит, а поняв, бросилась к окну. Это было здорово! Совсем как дома. Аня вспомнила: потрескивали дрова в печке, вьюга ломилась в окна, крутилась вокруг трубы. От этого дребезжали печные вьюшки, дрова начинали трещать чаще, а кот, дремавший на полочке у кирпичного бока печи, лениво поднимал голову.

В животе Ани мягко повернулся ребёнок, потёрся чем-то твёрдым, не то локотками, не то коленочками. Аня положила руку на живот и подумала о том, что у этого ребёнка обязательно будет вот такая уютная печка, вьюга за окном и кот, мурлыкающий на коврике. Иначе — что это за детство?

А вьюга неистовствовала, удивляя и подчиняя своей стихийной воле чопорный гранитно-чугунный Энск, белые струи сухого снега неслись вдоль ночных улиц, закручивались в крохотные торнадо у подворотен, сыпались ледяной пылью за шиворот запоздалому прохожему, рвали плащ-палатку на бедном постовом, неизвестно для какой надобности поставленном на углу у аптеки. Аня смотрела на это буйство стихии, и на душе становилось мягче, спокойней. Счастливое и мучительное прошлое отпускало Аню, умудрившуюся остаться сиротой в двадцать лет, а в двадцать один — уже соломенной вдовой, да ещё и беременной. Стоит ли дальше длить муки памяти? Пришла зима, она заметёт редким здесь снегом всё, что было раньше, и жизнь можно будет начать с чистого листа.

Свой выходной Аня посвятила походу по магазинам. Подходило время покупки пелёнок, распашонок, трогательных крошечных чепчиков. Даже в Энске, славящемся своим снабжением, с детским приданым было непросто — на прилавках лежали тусклых расцветок лиловые и жёлтые одежки, изредка попадалось что-то стоящее, вроде нарядного чепчика в лентах и кружевах. Аня долго вертела находку в руках, любуясь розовым атласом лент. А что, если родится мальчик? Розовое как-то не принято надевать на мальчиков. Не устояла, купила, уж больно хороша была вещица.

Клара Григорьевна по вечерам стучала древней швейной машиной “Зингер”, шила что-то белое, нежное. Увидев Аню, прятала свою работу. Узорные чугунные ноги машинки обиженно гудели, когда хозяйка оставляла шитьё.

Аня притихла в ожидании самого главного в жизни женщины тайнства. Честно говоря, было страшновато. На память приходили жуткие истории о женщинах, умерших во время родов, но Аня гнала от себя эти мысли. Она ещё работала, дотягивала последнюю неделю перед декретным отпуском. Несмотря на огромный живот, Аня не утратила прежнюю живость, работа не казалась ей тяжёлой. Оклемавшийся Васильич, который теперь ожидал выписки, говорил, что Аня родит на работе, да и не заметит. С Игорем из четырнадцатой палаты Аня уже познакомилась. По-хорошему парня давно должны были выписать, но он

всякий раз находил у себя новые болезненные симптомы, получал пачку новых направлений на обследования и — оставался. Аня называла Игоря симулянтом, он только усмехался в ответ.

Игорь явно ухаживал за Аней, это в отделении замечали все, кроме неё самой. Уж чем она его оболестила — большим животом, что ли? Ане было не до флирта, всё вокруг стало второстепенным, центром мира стала она, Аня, и её живот. Точнее, то существо, которое с каждым днём настойчивей билось в нём, мягко поворачивалось, просилось в жизнь. От этого Аня просыпалась по ночам, долго не могла уснуть, прислушиваясь к происходящему в её теле. Поэтому ухаживания Игоря оставались незамеченными и не вызывали у Ани никаких эмоций.

Отправляя Аню в предродовой отпуск, Лена Львовна сказала, что та родит вскоре после Нового года, а конкретней — десятого января. Аня безоговорочно верила великой Лене Львовне, спокойно готовилась встречать Новый год. За день до тридцать первого появился неожиданный гость — Игорь. Клара Григорьевна была дома, она его и впустила.

— Как, ты не родила ещё? — удивился Игорь.

— А тебе-то что? — ревниво спросила Аня. — Не твоё ведь.

— Хотел на малыша посмотреть перед отъездом.

Эту фразу Игорь сказал с таким разочарованием, что Ане стало неловко за свою грубость. Клара Григорьевна пригласила гостя пить чай, за столом Игорь рассказал, как выманивал Анин адрес в отделе кадров больницы. Аня не поняла — зачем?

— Попрощаться хотел. Я ведь нездешний, приезжал брата навестить.

— И устроил пьяную драку, — подъерывнула Аня.

— Ну, предположим, не я устроил. И — если бы не драка, с тобой бы не встретился.

— А это так важно?

— Для меня — да.

Ане не хотелось огорчать парня, она промолчала. Клара Григорьевна, усердно подливавшая Игорю чай, попутно расспрашивала о родственниках, о житье-бытье в этом Игоревом Казахстане. Дивилась: как это — степь да степь, на много километров. Да разве так бывает?

— У нас вообще-то и река есть — Иртыш, и лес рядом. Правда, пойменный, небольшой, — охотно объяснил Игорь, — вообще Павлодар и стоит на Иртыше.

— Это тот самый Иртыш, на диком берегу которого сидел Ермак, объятый думой? — поинтересовалась Аня.

— Он, — обрадовался Игорь, — у нас даже городок небольшой Ермаком называется. Приезжайте, посмотрите.

Ане как-то не хотелось ехать смотреть город, названный именем сибирского первопроходца. А Игорь разливался соловьём:

— У нас места хорошие — рыбалка, грибы, ягоды... Живи — не хочу.

Он ушёл, заручившись обещанием женщин приехать взглянуть на его Павлодар. Для этого и оставил свой павлодарский адрес. Моя посуда, Аня заметила:

— Потрясающе бесцеремонный тип.

— Простой, обычный, — поправила её Клара Григорьевна, — это тебе не научное окружение.

Зачем она так? Аня старательно пыталась избавиться от воспоминаний. Но, видно, человек не волен распоряжаться своей памятью. Перед глазами встал Вячеслав Леонидович, ещё не тот, жалкий, словно милостыни, просящий любви, а прежний — сильный и добрый мужчина, отец её ребенка. Ане сделалось грустно, она тихо составила вымытые чашки в посудницу и ушла в свою комнатку.

Задумавшись, рвала на мелкие клочки адрес, оставленный Игорем. Он был здесь явно лишним.

Новый год Аня праздновала одна, Клара Григорьевна дежурила. Аня изжарила курицу, приготовила пирог, вместо ёлки поставила в вазу для цветов ветки, подобранные на одном из многочисленных ёлочных базаров. На эти ветки навешала мишуры и прицепила пару блестящих ёлочных шаров. Жаль, что Клары Григорьевны нет, и похвалиться некому. По телевизору весь день шла праздничная программа, Аня смотрела “Новогодние приключения Маши и Вити”, мультфильм “Двенадцать месяцев”, а вечером — “Толубой огонёк”. “Огонёк” она досмотреть не успела. Живот побаливал с вечера, да и утром было как-то неуютно. Аня относилась к этому с учётом съеденного вчера пирожного, должно быть, крем был несвежий. Когда под пение Кобзона боль в животе усилилась, Аня поняла — пирожное здесь ни при чём. Но ведь Лена Львовна сказала, что десятого... Врачи тоже могут ошибаться, даже очень хорошие. Аня подошла к телефону и уже собралась взять трубку, как живот отпустило. Ну вот. То-то бы посмеялись над ней, глупой, вызови она “скорую” из-за несвежего пирожного. А ещё медработник! Аня вернулась к телевизору, но теперь ей было не до “Толубого огонька”, она прислушивалась к своему животу. И, как оказалось, не напрасно. “Скорую” вызывать всё-таки пришлось.

К тому, что с ней происходило, Аня была готова, но ей казалось, что что-то идёт не так, как надо. Почему её так долго держат в предродовой палате? Ведь она вот-вот родит. Зачем ей вводят промедол¹, разве она жаловалась на боль? Как выяснилось, дежурный врач роддома, определив у Ани крупноплодие, послал за главврачом, перестраховался. Поэтому Аню и держали так долго.

К утру мучения кончились, и Ане показали большую, всю в родовых гематомах, девочку. Наташа — первое имя, которое пришло Ане в голову. Её дочь звали Наташей, так она хотела. Аня очень устала, её была крупная дрожь. Акушерки переложили родильницу на каталку, укрыли тощим казённым одеялом и, казалось, забыли. Господи, скорее бы в палату! Ане казалось, что она уже два дня лежит здесь, в коридоре у дверей родильного зала, казалось, что и рубашка и одеяло — мокрые, от этого бил озноб и лязгали зубы. Никогда Аня не чувствовала себя хуже. И только попав в палату, она сумела угреться и уснуть. Это неправда, что, едва родив, женщина уже чувствует себя другой, Аня просто устала и измучилась, вот и всё...

Глава 7

Дочь оказалась горластой и требовательной девочкой. Она жадно хватала материнский сосок, прижимала его беззубыми дёсенками, досадуя на то, что молоко, по её мнению, идёт слишком медленно. Голубоватые от рождения глаза ребёнка уже к выписке потемнели, стали отливать знакомой сталью некогда любимых Аней глаз. Девочка уродилась в отца — тот же прямой римский нос, тот же лобик, обещавший стать высоким, даже жиденькие родильные волосёнки тёмного цвета так же своенравно курчавились на макушке. Впрочем, волосы Ани тоже вились, и чьи они у девочки — отцовские или материнские, сказать было трудно.

С появлением Наташи Анины дни превратились из серенького застойного омутка в “глаз тайфуна”. В центре, где находилась новорождённая с мамой, были тишь да гладь, вокруг же кипели страсти. Возмутительницами спокойствия стали, отчасти Клара Григорьевна, уверенная, что Аня совсем не умеет обращаться с детьми, отчасти сама Наташа. Будучи захваченной врасплох суетливой старушкой, осыпаемая поцелуями, Наташа изо всех сил выворачивалась из рук Клары Григорьевны

¹ Промедол — наркотический анальгетик, синтетический аналог опия.

и при этом голосила так, что позванивали висюльки на старой люстре. Перепуганная Клара Григорьевна поспешно отдавала дитя Ане, и оно мгновенно успокаивалось. Аня заметила, что на глазках хитрюги не появлялось ни одной слезинки, значит все эти вопли были чистой воды демонстрациями.

Едва появившись в старой квартире на Пролетарской, Наташа решительно заявила о своём главенстве. Теперь всё здесь делалось тихо, если она спала, быстро, если она чего-то требовала, и не делалось вовсе, если маленькому тирану это не нравилось. Вот невзлюбила пылесос, и убирать в квартире приходилось тогда, когда Наташа в сопровождении мамы отправлялась на прогулку. Не захотела купаться в специально купленной цинковой ванночке, и девочку мыли во взрослой ванне, пугая друг друга возможностью упустить дитя из рук.

Сюрприз, подготовленный Кларой Григорьевной при помощи швейной машинки, оказался кокетливой кружевной простынкой, именуемой в просторечии “уголком”. Этот “уголок” маленького деспота умилял, пока, вернувшись с прогулки, Аня разворачивала многочисленные одеяльца и покрывальца, Наташа ловко застаскивала в ротик изящное “ришелье” простынки и смачно его сосала.

Вокруг периодически сменялись, отжив своё, генсеки, на кухнях и в очередях шушукались о политике, периодически пропадало с прилавков то одно, то другое, а в сто одиннадцатой квартире дома номер девяносто шесть на Пролетарской улице подрастала девочка Наташа, заменившая своей маме весь мир.

Аня с ужасом думала о том, что скоро придётся отдать Наташу в ясли. Денег не хватало, нужно было выходить на работу. А при Аниной работе требовались круглосуточные ясли. Расстаться с ребёнком немислимо, даже если это расставание всего на день или ночь. Каково будет своенравной девочке в яслях? Кто там будет выполнять её капризы? Клара Григорьевна задумывалась об этом не реже Ани и, наконец, решилась:

— Не мучь ребёнка всякими там садиками. Я выхожу на пенсию.

Вообще-то старушке уже лет пять, как на пенсии пора быть, да только скучно ей было без работы. Дочка Сарочка — далеко, даже внуков не понянчишь, а чего дома без толку сидеть? Теперь толк появился, можно было нянчить Наташу. Хотя и не родная внучка, но всё-таки...

Как раз перед тем как Ане выйти на работу, пришло письмо из Казахстана. Аня даже не сразу сообразила — от кого. Какой-то Игорь Корилин. Кто это? Разорвала конверт, пробежала глазами пустяковое письмецо. Надо же — “шалопут” из четырнадцатой палаты объявился. Игорь всё звал в свой Павлодар, расписывал красоты природы. Аня дотянулась до открытой форточки, и недочитанное письмо голубком порхнуло за окном. Разве ей плохо с Наташей? Зачем же ещё кого-то?

Однажды, гуляя с дочкой, Аня наткнулась на Мишу Самарина. “Эмэнэса” было не узнать — осунулся, пообтрепался, некогда щеголеватая одежда висела на нём мешком. Миша заглянул под козырёк прогулочной коляски:

— А кто это у нас там?

Наташа сосредоточенно пыталась затолкать в рот сжатый кулачок и на непрошеного знакомого глянула сурово.

— Ух ты — вылитый Сикорский в чепчике!

— Не угадал, она — Бородихина, — сказала Аня, — а зовут Натальей.

— Сколько ей — год? Впрочем, что это я...

— Семь месяцев. Она первого января родилась.

— Здоровенная девчонка.

Миша достал мятую пачку “Беломора”, дунул в мундштук папиросы и закурил. А ведь когда-то “БТ” курил, — вспомнила Аня. Да и выглядел получше. Вокруг Миши распространялся стойкий запах перегара. Как это он — в рабочее-то время.

— Работа у меня такая, — беззаботно махнул рукой Самарин, — грузчиком в гастрономе “Стрела” подрабатываю.

— Ты же кандидатскую писал! — всплеснула руками Аня.

— Ну и что? Подтереться ею, этой кандидатской, и только.

Злобная гримаса перекосила Мишино добродушное лицо, и Ане стало жаль бывшего сослуживца. Наташа пока не требовала внимания, занявшись заталкиванием в рот резинового попугая, и Аня присела на лавочку, жестом пригласив Мишу.

— Как же так вышло, Миша? Профессор считал тебя одним из самых перспективных.

— Сама видела — что с Сикорским стало. Он после тебя недолго проскрипел, сдал дела, и — на покой. Якобы, научную работу писать. Только ни фига он не написал, уж я-то знаю. Благоверная его, змея пустынная, заела.

— И что... — у Ани враз пересохло в горле, — что с ним сейчас?

— А кто его знает? Видел как-то с полгода назад, бредёт по скверу, еле ноги переставляет. Сдал старик сильно, с палочкой ходит.

— Ну а ты как?

— А что — я? Пришло новое начальство, ретивое до администрирования, вот я и погорел на пустяке. Не хочу вспоминать.

Аня забрала у дочери попугая и сунула ей соску. Наташа обиженно надулась, но реветь при посторонних посчитала лишним, — много чести. Миша искательно заглянул Ане в глаза, попросил:

— А ты бы, мать, по старой дружбе, ссудила горемыку рубликом — на пиво. Аня полезла в кошелек, достала зелёную трёшницу.

— На, возьми.

— Премного благодарен, а то, знаешь ли...

Общество бывшего сослуживца показалось Ане невыносимым, она обрадовалась, когда Миша ушёл. Однако его шаркающая походка, крепкий запах винного перегара преследовали её ещё долго. У каждого своя жизнь, но как же обидно, когда кто-то разменивает её по пустякам.

Аня вышла на работу в начале августа, когда кудрявые летние облачка уже набухали в серые тяжёлые тучи, нередко проливающиеся дождём. Осень в Энске начиналась рано, почти тогда же, когда заканчивалась весна.

В отделении было много новеньких, пришли молодые девчата после медучилища. Аня понимала, что внешне ничем не отличается от них, и в то же время чувствовала себя рядом с ними невероятно старой. Девчонки хихикали, шушукались по углам, хвастались новой юбкой или джинсами, Аню всё это не интересовало. К концу дежурства она подгоняла время, соскучившись по дочери, досадовала, если приходилось задержаться. Проснулась старая страсть к литературе. Аня записалась в библиотеку имени Пушкина, перерывала там горы книг в поисках чего-то нового. Того, что хотелось прочесть, не обнаруживалось. Тогда Аня стала пробовать писать сама. Если этого до сих пор никто не написал, то почему бы не взяться ей?

Перечитав написанное, сердилась на себя и выбрасывала “писанину”. Получалось плохо — слащаво, по-бабьи. Некоторые фрагменты ей нравились, но по отдельности они ничего не стоили. А вот чем заполнить пустоты между удачными фрагментами — Аня не знала. Что пишут писатели, когда не знают — что сказать? Или у настоящих писателей такого не бывает? Зачем вообще они пишут? Как Аня, потому, что не могут не писать? Или просто потому, что это у них получается?

Конечно же, санитарку из хирургического отделения никто и не подумал бы вводить в горние высоты литературных эмпириеев, поэтому Аня “варилась в

собственном соку” ещё долгие годы. Пока сама не поняла — что движет настоящими писателями. Как поняла и то, что она — не писатель и никогда им не будет.

Когда Наташе исполнился годик, Аня и Клара Григорьевна закатили двойной праздник — Новый год и именины. С утра на кухне пеклись-жарились всевозможные лакомства, причём приоритет отдавался Наташиным кулинарным пристрастиям. Девочка росла сладёной, конфеты поглощала в невероятных количествах, а потом мучилась животом и диатезами. Но перед её требовательным “дай” не могли устоять ни мать, ни Клара Григорьевна. Старушку Наташа звала “Калой”, и говорить “баба” категорически отказывалась. Наташу вообще было очень трудно заставить делать то, чего она не хотела. Девочка уродилась с характером.

Уже накрывали на стол, когда в прихожей раздался звонок. Женщины недоуменно переглянулись.

— Я никого не приглашала, — сказала Аня.

— Должно быть, Александра Лазаревна, — вслух подумала Клара Григорьевна.

Иногда старинная подруга навещала её, и в том, что она пришла без приглашения, не было ничего странного. Однако гость оказался уж совсем неожиданным — на пороге стоял Игорь Корилин с огромным букетом белых хризантем. Этот букет Игорю мешал, он не знал, куда его деть, и от этого смущённо переминался в прихожей.

— С наступающим вас, — лучезарно улыбнулся Игорь, — вот, шёл мимо, дай, думаю, зайду...

— А куда шёл-то — из Павлодара в Хельсинки? — ядовито поинтересовалась Анна. — Иначе не так уж по пути получается.

— Брательник у меня здесь, в Энске, гощу у него, — объяснил Игорь.

— Ну заходи, раз уж пришёл.

На голоса в прихожую выкатилась Наташа. Счастливая мордашка девочки вымазана шоколадом, и Аня сразу поняла, что шоколадному тарту, до которого добралась малышка, пришёл конец.

— А это кто у нас тут? — засюсюкал Игорь, присев на корточки.

— Не “то”, а Таса, — сурово поправила незнакомца девочка.

— Кто? — не понял Игорь

— Таса! — с досадой рявкнуло дитя и вцепилось пухлыми лапками в роскошные хризантемы.

— Её зовут Наташа или по-домашнему — Таша, — пояснила Аня, делая попытку спасти букет.

Игорь с сожалением смотрел, как белые лепестки сыплотся из-под цепких рученок ребёнка. Какие успевала, Наташа запихивала в рот.

— Фу, кака, — сказала Клара Григорьевна, забрав у девочки цветы, — что же вы гостя в прихожей маринуете? Проходите, Игорь.

Аня утащила брыкающуюся дочь умываться, а Игорь робко присел в кресло в комнате Клары Григорьевны. Она была попросторней Аниной, поэтому стол накрывали там. Из принесённого с собой пакета Игорь добыл бутылку шампанского и — совсем некстати — огромного сушёного леща. Рыбину Клара Григорьевна унесла на кухню, а шампанское поставила на стол. Вернувшиеся из ванной Аня и Наташа застали идиллическую картину: Клара Григорьевна доверительно беседовала с Игорем на matrimониальные темы. Оказывается, Игорь приехал делать Ане предложение руки и сердца, с тем, чтобы забрать невесту вместе с ребёнком к себе, в Павлодар.

Нельзя сказать, чтобы это предложение обрадовало Аню, она никогда не думала о таком повороте событий. И позже, когда Наташу удалось уложить спать, она честно сказала Игорю:

— Нелепо всё как-то получается. Ну какая свадьба, мы ведь и не знаем друг друга толком.

— Поженимся — узнаем, — не сдавался Игорь.

— Да не люблю я тебя.

— Привыкнешь.

Аню поразило упорство кандидата в женихи. Ну как можно жениться неведомо на ком? Игорь настаивал, и Ане пришлось сослаться на положенное время для раздумий. Втайне она рассчитывала, что за выторгованный год затея выветрится из Игоревой головы, и всё пойдёт своим чередом.

Новый год есть Новый год, и после полуночи Игорь потащил женщин гулять. Клара Григорьевна сказала, что негоже оставлять ребёнка одного, и с Игорем пришлось идти Ане.

Улицы Энска сияли праздничной россыпью огней, а народу на них было ещё больше, чем в будничные день. Отовсюду слышался смех, где-то пели:

*“И с нами на все времена —
Любовь, комсомол и весна...”*

— По сезону песня, — съехидничал Игорь.

Аня промолчала. Ей было странно идти ночью по улице с почти незнакомым мужчиной и чувствовала она себя неуютно. Игорь же наоборот, словно родился здесь, на улицах Энска, он шёл уверенно, предупредительно оберегая Аню от нетрезвых встречных прохожих. Кто-то, нагнав их, звонко крикнул:

— С Новым 1984 годом, товарищи!

И на Аню с Игорем посыпалось конфетти.

— Хорошо хоть конфетами не кидаются, как у нас, — сказал Игорь.

Ане стало интересно.

— А что, у вас конфетами осыпают?

— Ну да. Обряд “шашу” называется. Это по-казахски.

От выпитого шампанского у Ани слегка кружилась голова, и спутник уже не казался столь чужим, как раньше. Они шли под руку и болтали всякую чепуху. В конце концов, это никому не запрещено. Анина настороженность в отношении Игоря как-то растворилась сама собой, и поэтому поцелуй застал Аню врасплох. Вырвавшись из объятий Игоря, она сердито спросила:

— Ты чего?

— Так... — непонятно ответил Игорь.

Его глаза под меховым козырьком шапки блестели.

— Больше не смей, — строго сказала Аня.

— Всё ещё им полна?

— Кем это — “им”?

— Ну тем, который сотворил тебе ребёнка, да и бросил.

— Ты ничего о нём не знаешь и не берись судить, — отрезала Аня.

— Ну, конечно, это была великая любовь... с твоей стороны.

Неожиданно даже для себя Аня коротко размахнулась и влепила Игорю пощёчину.

Она шла быстро, не оглядываясь, сворачивая на перекрёстке, краем глаза увидела Игоря. Он стоял там же, где она оставила, и держался ладонью за щёку. Ну и чёрт с ним, будет знать.

— А где же кавалер? — спросила Клара Григорьевна, дремавшая у телевизора.

— Там, где и должен быть, — ответила Аня, — на улице, у “брательника”, на дне Эны, у чёрта в зубах, только не в нашем доме.

— Какие мы колючие — ни в ежа, ни в ерша, ни в дикую кошку, — насмешливо протянула Клара Григорьевна, — с такими амбициями, деточка, можно далеко пойти, да только семьи вовек не будет.

— Ну и не надо, у меня Наташа есть.

— Погоди, пока она маленькая, ей тебя хватает, а всё-таки ребёнку отец нужен.

Аня сердито посмотрела на добрейшую Клару Григорьевну — и эта на его стороне. Когда уговорить успел?

Укладываясь спать, Аня думала, что досадное недоразумение развеется как дым, и она уже никогда не услышит имени Игоря Корилина, будь он неладен.

Только вышло совсем не так. Об Игоре Корилине в маленькой квартирке на улице Пролетарской вспоминали часто, едва ли не каждую неделю. Поводом для этого были его письма, в которых он просил прощения за хамское поведение, рассказывал о том, как любит Аню и как скучает без неё. Аня сначала отмалчивалась, потом написала довольно сухое и краткое письмецо, надеясь, что оно охладит пыл самозваного жениха. Эффект получился обратный — следующее письмо Игоря было полно любовных восторгов и прочих глупостей, на которые способны лишь потерявшие голову мужчины. Это навело Аню на мысль — не слишком ли она жестока по отношению к такому пылкому ухаждёру?

Эпистолярный роман был в самом разгаре, когда Аня узнала о смерти Сикорского. Узнала, как и следовало ожидать, случайно, наткнувшись на некролог в старом экземпляре “Энской правды”, в который ей завернули туфли в ремонтной мастерской. Расправляя мятый газетный лист, Аня думала о том, что номер от четырнадцатого сентября, а сейчас уже октябрь. Его уже больше месяца нет в живых, а в Аниной жизни ничего не изменилось. Аня помнила Вячеслава Леонидовича разным — весёлым и полным сил, любящим и любимым, потом — больным и покинутым, жалким, как бродячий щенок. Не она ли виной тому, что произошло с Сикорским? Не она ли ускорила его смерть? Эти мысли не давали Ане покоя. Во всём, что было связано с именем Сикорского, присутствовал элемент случайности. А разве до встречи с профессором этого самого элемента в Аниной жизни не было? Рассуждая логически, Аня пришла к выводу, что элемент случайности — невероятная вещь, неодолимая в своей непредсказуемости. И разве ей, Ане, противостоять ему? Можно делать всё так, как считаешь нужным, но в самый неожиданный момент вмешивается элемент случайности, и всё идёт не так, как ожидалось, с точностью до обратного.

Несколько дней Аня ходила грустной. На вопросы сослуживцев отвечала, что нездоровится. Не станешь же всем рассказывать, что недавно узнала о смерти любовника. Письмо, пришедшее из Казахстана, осталось без ответа. Ане было не до него. Так, молча, она оплакивала свою первую любовь и ни с кем не хотела делиться воспоминаниями.

Потом стало легче. Боль как-то притупилась или Аня притерпелась к ней, поутихло и чувство вины за смерть Сикорского. Что было, то прошло — эта житейская мудрость помогла Ане одолеть печаль, наглухо замкнуть в глубинах подсознания большую память. Нужно было жить дальше, растить дочь, принимать ответственное решение об их с Игорем дальнейших отношениях. Что-то в этих отношениях было, Аня и сама не знала — что. Далёкий полужнакомый Игорь более не казался чужаком, его письма радовали, тем более что они становились всё глубже и интересней. Игорь писал о том, что скоро приедет за ответом, что его родители уже ждут, когда он привезёт невестку. Писал он об этом так, что, казалось, для него брак с Аней — дело решённое. Думала Аня и о том, что Наташа

ещё маленькая, привыкнет к Игорю и станет звать его папой, о том, что когда девочка подрастёт, ей будет трудно привыкать к отчиму. Не хотелось покидать Энск и старенькую Клару Григорьевну. За последнее время старушка очень привязалась к Наташе. И всё-таки следовало что-то решать, пока в жизнь не впутался хорошо знакомый Ане элемент случайности.

В этот день Аня одевалась особенно тщательно. Почему — и сама не знала. Просто захотелось нарядиться получше, ни с того ни с сего. Она вертелась у зеркала в прихожей и напевала:

*“На ней никакой нету шляпы,
Зелёный походный сюртук”.*

Аня примеривала новенький, только что вошедший в моду редингот, действительно напоминавший сюртук. Наташа ещё спала, а Клара Григорьевна вышла в прихожую с кофейной чашкой и с любопытством рассматривала Анино приобретение.

— Вот уж точно — “никакой нету шляпы”, — согласилась она.

— А вы полагаете — надо? — спросила Аня.

— Лучше бы, если бы была. Твой сюртучок очень напоминает “амазонку” без шлейфа и к нему хорошо подошла бы вот такая шляпка.

Клара Григорьевна заглянула на антресоли стенного шкафа и извлекла оттуда чёрную фетровую шляпку-ток² с вуалеткой.

— Ей больше тридцати лет, — похвалилась Клара Григорьевна, — а она даже форму не потеряла.

Аня примерила шляпку и нашла, что ей она к лицу. Именно её и не хватало. Набросив на плечи поверх редингота большую клетчатую шаль, Аня отправилась на работу, уверенная в своей стильной неотразимости. По улице она даже не шла, а шествовала, гордо подняв увенчанную шляпкой голову. Шаль, как казалось Ане, живописными складками лежала на плечах, ботинки на высоких каблуках делали поступь осторожной. Проходя мимо стайки подростков, очевидно, поджидавших приятеля, Аня услышала:

— Швабра в тряпке.

Почему-то она приняла определение на свой счёт. В автобус лезла, клопоча негодованием, со сбившимися на бок шляпой и шалью. Перед самой больницей стащила с коротко остриженной головы чёртову шляпку, шаль засунула в большую сумку, которую носила на плече. Но и без этих аксессуаров Анин редингот произвёл фурор среди младшего медперсонала. И только грубый санитар Женья назвал обнову “лапсердаком”, но это уже не имело для Ани большого значения.

— Для кого это ты так прифраерилась? — поинтересовался санитар, — не для меня ли?

— Фасад треснет, — в тон ему ответила Аня, — до самого фундамента.

— Не бойсь, меня батя с мамкой на совесть слепили. Это тебя в конце квартала делали, вот и не хватило стройматериалов.

Аня отмахнулась от хамоватого Жени и пошла переодеваться. Если бы они знали — какой ценой ей достался этот редингот и как долго пришлось собирать на него деньги! Стоила одёжка сумасшедшую по Аниным меркам сумму — целых девяносто четыре рубля. Можно месяц жить на эти деньги. Уже купив вещь, Аня начала раскаиваться в своей легкомысленной трате. Но, в конце концов, она ведь тоже должна одеваться не хуже прочих. А надеяться на чью-либо помощь ей не приходилось. Правда, Аня знала, что некоторые из работавших в больнице девиц заводят знакомства с богатыми иностранцами, но всё существо Анино

² Ток — маленькая дамская шляпка без полей в виде овальной таблетки.

противилось такому способу добычи денег. Вот ещё полставки прихватить — это дело. Только по Наташе сильней скучаешь.

Игорь приехал неожиданно, как появлялся всегда. Пришёл встречать Аню с дежурства. Вёл себя так, словно наконец-то обрёл давно искомое. Счастливо смеялся, не выпускал Аниной руки из своей. Аня вспомнила о своих романтических представлениях о любви, навеянных Ахматовой, Франсом и Шекспиром, подумала о том, что реальность — не книга, она проще, но живей и ярче. А если в ней нет захватывающих дух приключений, так разве в них счастье?

Время, данное ей Игорем на раздумья, подходило к концу, и Аня легко согласилась на это замужество. Счастье заразительно, и, в конце концов, Аня тоже почувствовала себя наверху блаженства. Не было ни тревог, ни прежней ревности, а было ровное, хорошее чувство безопасности и... довольства, что ли.

Аня с Игорем бегали по магазинам, Аня присматривала подарки будущим родственникам, Игорь влюблённо смотрел на неё и со всем соглашался. А Аня думала о том, не уговорила ли она себя решиться на такой серьёзный шаг? Ведь не было того неистового пожара любви, который захватил её с Сикорским, не было сумасшедшего нетерпения — увидеть его, прикоснуться, услышать голос... А что было? Спокойное и ровное ощущение уюта. И всё. В конце концов, что Аня знала о любви? Какой она бывает — всегда ли такой всепоглощающей, какую ей довелось пережить?

Однако выбор был сделан, и дальше всё было спокойно и безмятежно. Теперь ответственность за происходящее она делила с Игорем, и это уравновешивало все её “за” и “против”.

Игорь настоял на регистрации брака здесь, в Энке. Пышного застолья не было, да и не на что было его закатывать. Так, посидели в большой комнате Клары Григорьевны, выпили вина, съели жареную курицу и фаршированную щуку, мастерски приготовленную хозяйкой. Аня пригласила Наташу, с которой работала, в честь которой и назвала дочку. С Игорем пришёл его брат Олег. Клара Григорьевна зазвала Александру Лазаревну. Вот такая получилась свадьба.

Наташину кроватку Клара Григорьевна перенесла к себе, чтобы ребёнок не мешал молодым. Собираясь впервые лечь в узкую девичью постель Ани, Игорь стыдливо выключил свет и шёпотом спросил:

— Ты очень будешь смеяться, если я что-то сделаю не так?

Всё у Игоря вышло так, только как-то испуганно и поспешно. Аня поняла, что она — первая женщина в жизни своего мужа. Восприняла это спокойно, без лишних эмоций. Игорю об этом ничего говорить не стала.

... Она подписывала обходной лист, пришла к заведомому.

— Значит, уходишь? И куда теперь?

— В Казахстан, к мужу.

— Ну-ну. Я говорил — с ребёнком одной тяжело. Только непонятно — зачем уезжаешь. Впрочем, это твоё дело.

Кажется, он решил, что Аня сбежала от мужа в своё время.

Подруга Наташа — единственная, кто пожалел о том, что Аня уезжает.

— Господи, в такую даль! И как тебе не страшно.

Они по-девчоночьи пошушукались, попечалились, обменялись адресами. Прощаясь, Наташа выкинула странную штуку — щепотью мелко перекрестила Аню.

— Ты чего? — удивилась та.

— Да так, на всякий случай... — смутилась Наташа и торопливо убежала в отделение.

Клара Григорьевна всплакнула, помогая собираться. Всё время тискала Наташу, которая лезла всюду с неуёмным детским любопытством. Старушка ворчала на Аню, ей казалось, что та всё делает не так, как надо.

— Горе моё, Анеле, куда ты съёшь детскую бутылочку? А если Ната в дороге пить захочет?

Аня не возражала, молча отдавала бутылочку Кларе Григорьевне, и та распорядилась по-своему.

От волнения собрались задолго до отъезда. Сидели на чемоданах, периодически копались в них, извлекая нужную вещь. Счастливый Игорь мыкался по квартирке, натываясь на вещи и людей.

— Анеле, приברי мужа на место, — сказала Клара Григорьевна, — он мне всю мебель разломает.

Сейчас, от того ли, что волновалась, по какой ли другой причине, у Клары Григорьевны усилился еврейский выговор, хотя обычно она по-русски говорила чисто.

— Ой, мне, несчастной, — причитала старушка, — сначала Сарочка, теперь вот ты... Не качать мне внуков на коленях, и двух годочков детский голосок в моём доме не звучал.

— Я буду писать вам, — расстроено пообещала Аня.

— Сарочка тоже обещала...

По чисто промытым морщинам Клары Григорьевны текли самые настоящие слёзы, и Ане стало жаль старушку. Она обняла Клару Григорьевну и прижалась к её лицу.

— Такова судьба еврейских матерей, — шептала старушка, — если хочешь, чтобы дитя было счастливо, придётся выпустить его в большой мир. Все дети улетают, запомни это, Анеле. Когда-нибудь и от тебя улетят..

Глава 8

Павлодар встретил Анну неприветливо — снегом, вьюгой. Какая вьюга в ноябре? В Энке такого не выдывали. Освещённый аквариум аэровокзала за спиной бросал отблески на дремлющие на стоянке автомобили. Наташа, закутанная поверх пальтишка в одеяло, казалась всё тяжелей. Игорь получил багаж и отправился договариваться с таксистами. Всем своим существом ощущая уют чужого города, Аня жалась к стенам аэровокзала, последнего, что связывало её с Энском.

Уже в такси поняла, что наделала, — к прежней жизни возврата нет и не будет, а какой будет новая — непонятно. Но рядом был Игорь, надёжный и доброжелательный, на коленях сонно посапывала утомившаяся за дорогу Наташа. Аня в темноте машины нашла руку Игоря, и он сжал её своей.

— Всё будет хорошо, вот увидишь.

Игорь оказался прав, встретили их очень хорошо. Маленькая кругленькая свекровь помогла раскутать Наташу, накормила, уложила спать, называя внучкой. Суровый и неразговорчивый свёкор, и тот смягчился, и сделал “козу” из корявых пальцев, заигрывая с ребёнком.

Первое время Аня панически боялась своих новых родственников, за что получила прозвище “растворимая сноха”. Стоило кому-нибудь из них войти в квартиру, как Аня тут же пряталась в комнате, которую выделили молодым родителям Игоря.

Пообыкнув, начала хозяйничать на кухне, заниматься домашними делами. Хотелось на работу, к людям, но садика для Наташи не находилось. Зимой Аня отсидела дома, понемногу знакомясь с городом, с мужниной роднёй. Семья, в

которую Аня попала, сильно отличалась от её собственной. Вместо разумного равноправия в ней царил жёсткий патриархат, деспотичный свёкор держал в своих руках всё — расходование семейных денег, покупку вещей и продуктов и даже планы семьи на выходной день. При этом он не слишком церемонился в выражении своих чувств, и нисколько не беспокоился о сдерживании эмоций. К тому же, как выяснилось, свёкор-батюшка был не дурак выпить, компанию ему частенько составлял Игорь. Как ни странно, эти обстоятельства Аню не испугали. Она решила, что у неё собственная семья, и оглядываться на “стариков” не стоит.

К Новому году пришла открытка из Энска. Клара Григорьевна холодново поздравляла Аню с праздником, желала благополучной семейной жизни и — прощалась. Собралась к Сарочке в Израиль — куда перебралась из Аргентины её дочь с семьёй. Аня долго сидела над открыткой, размышляла, вспоминала. И было грустно оттого, что целый кусок жизни остался в прошлом, что в её судьбу снова вмешивается элемент неожиданности и что ничего уже не изменить.

К весне проблема с детсадом разрешилась, свекровь выхлопотала место для ребёнка. Едва Наташа пошла в садик, Аня принялась искать работу. Теперь место санитарки в больнице её не устраивало, платили очень мало. Нужно было думать о создании собственного гнезда, и Аня устроилась на работу в очень странное место — склад метизов при управлении “Павлодарснаб”. Зарплата там была тоже не очень высокой, но при отсутствии какой-либо профессии (сельхозтехникум не в счёт) на лучшее рассчитывать не приходилось.

Работа оказалась нетяжёлой, только бестолковой какой-то. И ещё — Аню смущали подмигивания водителей, которым она отпускала материалы со склада, их намёки на какую-то корысть, которую, якобы, имела Аня на этом “хлебном” месте. Анина прибыль от “хитрой работы” целиком укладывалась в восемьдесят шесть рублей оклада, и Аня не понимала, как на эти деньги можно покупать золотые бобрёжки, которыми густо увешивались другие кладовщицы. Да и завскладом Пётр Павлович тоже не бедствовал, судя по новенькой “шестёрке”, на которой он приезжал на службу. Даже Калерия, работавшая на смешном кране, именованном штабелёром, и та имела какие-то непонятные дела с водителями и железнодорожниками, пригонявшими на склад вагоны с железками.

Здесь, на складе, Аня впервые услышала загадочное слово “фитинги”, обозначающее весьма прозаическую вещь — фасонные детали для сантехнических труб, научилась на глазок различать диаметр троса, поняла, что бывает трос грузовой и грузолодской. Через полгода работы она уже назубок знала марки сварочных электродов и сортовую маркировку стали, неплохо разбиралась в металлорежущем инструменте и многом другом, совершенно непостижимом для нормальной женщины. И чем больше Аня вникала в свою новую работу, тем большее недовольство она вызывала у свёкра. Однажды тот вручил ей старую, с обломанными зубьями, пилу для циркулярки и сказал:

— Пошукай у себя на складе, Николай просил.

Отказаться Аня не посмела, и при удобном случае подошла со своей пилой к Палычу, как именовали заведующего складом.

— Я что, искать тебе её должен? — ядовито спросил тот. — Полезай к Лере на штабелё, ищи сама.

— А как оформить? — задала Аня, как оказалось, неуместный вопрос.

Палыч раздражённо покрутил пальцем у виска и зашагал вдоль длинного ряда стеллажей. Вся его сухонькая фигурка выражала недовольство Аниной непонятливостью.

Нужная пила нашлась довольно быстро, Аня положила её, завернутую в промасленную бумагу, в полиэтиленовый пакет и стала думать — как вынести эту штуку через проходную. Ведь получалось форменное воровство. Своими сомнениями она поделилась с пожилым водителем Евгеньичем, который иногда подвозил её домой. Старик хмыкнул в прокуренные усы, забрал у Ани её сверток и сунул в кабину своего “ЗИЛа”.

Надо ли говорить, как мучилась Аня, представляя себе обнаружение краденной пилы в машине? Но всё прошло гладко, и, высаживая Аню неподалёку от её дома, Евгеньич сказал:

— Ты обращайся, если надо. Другие-то вовсю тянут, одна ты — не от мира сего.

Вносить со склада что-нибудь ещё Аня категорически отказалась. Страшно это. И боялась она не столько наказания, сколько позора. Вскоре поняла, что пришлась не ко двору на “хитром” складе и, не раздумывая, подала заявление “по собственному”.

Следующая Анина работа была потяжелей, да и погрязней. Но электромонтажнице нечего выносить с завода “Электромонтаж”. Рейки электрозажимов, которые Аня день за днём собирала на заводе, не были нужны никому. Ну и слава Богу, можно было работать спокойно. Правда, родственники и знакомые не поверили, что Аня ушла из “Павлодарснаба” сама, сочувственно кивали на её объяснения. А свёкор ограничился одним словом: “Дура”.

Именно в это время Аня всерьёз задумалась о дальнейшей жизни. Как воздух, нужна была отдельная квартира. У Игоря на работе создавался жилищный кооператив, узнав об этом, Аня прожужжала мужу все уши о том, что им необходимо свое жильё.

Жильё-то жильё, но первый взнос за двухкомнатную квартиру “тянул” на две с лишним тысячи рублей, а где взять такую огромную сумму? Выручили родители Игоря. Кряхтя, свёкор добыл из своей заначки полторы тысячи, ещё тысячу молодые успели накопить сами. Когда Игорь понёс сдавать деньги, Аня места себе не находила. Ей казалось, что вот сейчас мужу скажут: “А уже все квартиры распределены. Чего ж так долго копался?”. Думала и о том, что у Игоря могут вытащить деньги в автобусе или он потеряет их. Но всё сложилось, как нельзя лучше, и вечером муж показал Ане квитанцию о приёме денег. Теперь оставалось только ждать.

Для кооперативного дома долго не находилось подходящего места. То его собирались запереть куда-то к чёрту на кулички, и пайщики дружно протестовали, то протестовали жители микрорайона, в который предполагали “впереть” ещё одну высотку. Аня ходила на собрания пайщиков кооператива, вместе со всеми возмущалась и подписывала какие-то обращения в горисполком и прочие инстанции.

Вторая беременность округлила её миниатюрную фигурку, Аня снова стала похожей на колобок. Игорь был на седьмом небе от счастья. И — странно, ходила Аня легко, никаких токсикозов, отёков и тошноты по утрам. Только в невиданных количествах поглощала селёдку. Впрочем, врач, у которого Аня наблюдалась, ничего не имел против. Эта беременность во многом не была похожа на предыдущую. Исчезла тревожная мнительность, с которой Аня прислушивалась к происходящему в её организме, не было беспричинных приступов уныния и слёз без повода. Вместе с тем пропало и желание писать что-либо. Аня забросила все свои “секретные” блокноты, в которые раньше изливалась неудовлетворённость жизнью, наивные полудевичьи мечты и глупые подражания поэтам.

Появившаяся уверенность в себе поражала даже самую Аню. Правда, это качество не очень нравилось Игорю, и в семье начались мелкие ссоры. Наверное, Аня была слишком требовательной к мужу, но её раздражал запах спиртного,

нередко исходящий от него, Игоревое сидение у телевизора ночи напролёт, многое другое. Нетерпимость, с которой она теперь встречала все патриархальные замашки свёкра, начала перерастать в серьёзный конфликт. И только то обстоятельство, что для их дома наконец-то нашлось подходящее место, несколько утихомирило Аню.

Врач велел ей больше гулять, и она гуляла всегда по одному маршруту — к своему строящемуся дому. Выйдя в преддродовой отпуск, Аня могла сколько угодно околачиваться вокруг стройплощадки, удовлетворённо отмечая рост стен своего будущего семейного очага.

Дом уже почти был достроен, когда Аня угодила в роддом. Но и после родов, прошедших неожиданно легко, она всё смотрела в окно палаты, выискивая место, где шла неприметная кропотливая работа по созданию её (собственной!) квартиры.

Родившуюся дочь Игорь решил назвать в честь матери — Анной. Аня ничего не имела против. Анна так Анна. Девочка была спокойной и здоровенькой, по ночам спала, охотно сосала грудь и — росла, росла... Участковый педиатр, осматривая Аню-маленькую, разводил руками — как на дрожжах растёт!

С рождением второй дочери, чтобы не путаться, Аню стали называть Анной, и ей это понравилось. Настораживало то, что Наташа буквой смотрела на то, как мать возится с сестрёнкой. Детская ревность. У Наташи она проявилась вовсе не повышенной ласковостью к маме, а дерзкими, бессмысленными выходками. Девочка старалась привлечь к себе внимание мамы, несправедливо, по её мнению, отданное младенцу. Наташа могла перевернуть вазочку с вареньем на чистую скатерть, выключить телевизор именно тогда, когда его смотрел дед, и вообще была неистощима на шалости. И совершенно не боялась наказания.

Анна понимала, что старшая дочь нуждается не в меньшей опеке, чем малышка, но поделаться с собой ничего не могла — Аня-маленькая захватила её материнскую любовь целиком.

Неожиданней всего оказалась ревность Игоря. Как можно ревновать к собственной дочери — у Анны не укладывалось в голове, но иной оценки поведению мужа она не находила. Игорь то часами носил дочь на руках, что-то нашёптывая ей на ушко, то небрежно совал ребёнка Анне: “На, займись хоть чем-нибудь”.

Весной кооперативный дом сдали. Оставив Аню со свекровью, Анна ходила на распределение квартир, сама тянула из лототрона билетик с номером. Седьмой этаж. Ни высоко, ни низко, и слава Богу. Впервые войдя в свою новую, гулкую от пустоты, квартиру, Анна почувствовала — вот оно, начинается настоящая жизнь. Всё, что было прежде, — “преджизние”...

Ах, как хотелось остаться здесь, в пахнущей краской и свежей штукатуркой квартире! Ведь это был дом, её, Аннин дом, и здесь она могла делать всё, что хотела, без оглядки на мужниных родителей. Но Игорь уже тянул за рукав:

— Идём, пора. Мать ждёт.

Хорошо что отпуск по уходу за ребёнком совпал со сдачей дома. Первым делом Анна перекрасила и начисто вымыла самую светлую комнату, предназначавшуюся под детскую, застелила её старыми половиками и одеялами и теперь могла, забрав с собой Аню, сколько угодно заниматься обустройством новой квартиры. Дочка ползала по разостланному на полу тряпью, гукала, покряхтывала. Загородив вход в детскую старой скамейкой, Анна красила рамы и подоконники, отчищала брызги оставшейся от строителей краски с импортного линолеума, да мало ли забот у новосёлов?

Игорь приходил с работы поздно, нашёл себе “шабашку”. Всё-таки — новая квартира, её же обставлять нужно. Зато в выходные расслаблялся вовсю —

напивался “до древесного состояния”. Впрочем, Анна обращала на это мало внимания, её поглотила работа по устройству “своего гнёздышка”. Её поразило, когда, вернувшись с работы за полночь, муж обидчиво спросил:

— Ну и как там твоя квартира?

— Почему моя, Игорь? Наша, — удивилась Анна.

— На кой чёрт мне такая квартира, если из-за неё жене до меня дела нет?

Тогда Анна решила, что это свойственная Игорю мальчишеская ревность. Подумаешь — лип земли. Постоянно должен находиться в центре внимания. Из-за Игоревых амбиций вовсе необязательно бросать такое нужное дело.

И она не бросила. К первому июня квартирка была готова к переезду. Смущало одно — лифт в доме так и не включили, поэтому таскать вещи на седьмой этаж Игорь пригласил мужиков с работы. Анна натушила картошки, приготовила салат из ранней капусты. Ну и, конечно, пару бутылок водки.

Затащив в квартиру шкафы и тумбочки, мужики выпивали на кухне, Анна сидела с ними. Детей она предусмотрительно оставила у свекрови.

— А что молодая хозяйка с нами не пьёт? — спросил один из носильщиков.

Чтобы отвязался, Анна выпила немного. Игорь уже набрался основательно, и теперь выяснял у приятелей — красива ли его жена. Спьяну чуть было не задралась, Анне и тому, кто был потрезвей, пришлось успокаивать забияк.

Потом мужики ушли, Игорь завалился спать, а Анна вышла на балкон. Вид оттуда открывался великолепный — залитые водой разлива луга, сиреневая дымка над дальним лесом. Здорово!

Долго любоваться красотами природы не пришлось, ожил пьяный Игорь, требовал деньги “на бутылку”, приревновал Анну к кому-то из своих приятелей. Она не знала, куда деваться от пьяного мужа, пошатываясь, он ходил за ней по квартире, говорил гадости, спрашивал — в какой именно позе приятель “ублагодотворил” Анну. Кончился этот день дракой, и Анна целую неделю замазывала тональным кремом синяки, выходя из дома. Игорь беспорядочно пил, и она остереглась забирать детей домой. Кто знает — что на уме у нетрезвого муженька? Хорошо хоть, что догадался взять отпуск без содержания, а то бы с работы выгнать могли.

Задумывалась ли Анна о своём будущем тогда? Нет. Просто была несчастлива, но знала — Игорь протрезвеет, будет просить прощения, клясться в любви и снова впряжётся в привычную работу, позволявшую содержать семью.

Так оно и вышло, пропьянствовав неделю, Игорь отлежался и вышел на работу. Анна погрузилась в домашние хлопоты. Только тогда она оценила преимущества жизни со свекровью. Теперь ей приходилось самой забирать Наташу из садика, мыть, стирать, готовить. Много времени отнимала и Анюта, ведь с ребёнком просто необходимо поиграть. Времени на что-то личное — книги, хороший фильм почти не оставалось. Утешало одно — Наташа, несмотря на возраст, видела, как изматывается мать. Девочка меньше капризничала, старалась чем-то помочь. Когда маленькие ручонки старшей дочери обвивались вокруг Анниной шеи, младшая кричала: “Моя мама!”, и лезла в драку. Наташа на это рассудительно отвечала: “Зато я — старшая”. “Я стасная!” — вопила Анюта, и Анне ничего не оставалось, как только мирить дочерей. Как ни странно, аргумент в пользу “младшества” Анюты действовал безотказно, девочка мгновенно успокаивалась, твердила гордо и по-детски косноязычно: “Я — мадсая”, и при этом вызывающе поглядывала на сестру.

Анне хотелось на работу. Она устала от домашних дел, от сидения в четырёх стенах. Ругала себя, корила за то, что она — плохая мать, но каждому человеку необходимо общество себе подобных, которое не может заменить семья. Из-за

комплекса вины перед домашними Анна придумала для себя множество совершенно излишних дел и обязанностей. Она готовила обеды из трёх блюд и десерта, развела множество комнатных растений, четыре раза в день ходила гулять с малышкой. Добавилось хлопот и с Наташей, которая в этом году пошла в первый класс. Конечно, при таком образе жизни времени на любимые занятия не останется. Поэтому свой выход на работу Анна приняла с облегчением.

До обеда она мучилась мыслью об Анюте, впервые оставшейся в садике, потом понеслась за дочерью, как угорелая. Няня вывела девочку, перемазанную повидлом (в обед с ним давали блинчики к чаю), но совершенно спокойную. Увидев мать, Анюта немедленно начала хныкать, и у Анны сжалось сердце — ребёнок целых полдня среди чужих.

Пожалуй, первые недели разлуки с дочерью Анне дались тяжелей, чем самой девочке. Зато появилась возможность общения. На заводе, среди таких же, как она, женщин, Анна чувствовала себя лучше. Лучше, чем... где? Неужели дом, её милый дом становился в тягость? Нет, это было совсем не так. Просто на работе было свободней, что ли. Меньше обязанностей, меньше претензий. И уж, конечно, никто не требовал: "посиди со мной". С ужасом Анна начинала понимать, что тяготится браком, который раньше казался ей избавлением от всех бед. Она пыталась переубедить себя, но — себя не обманешь. В безмолвное чувство внутреннего протеста вылилось всё — обида от домогательств замашек свёкра, передававшихся мужу, злость на его нетрезвые возвращения с работы, гнев от испытанного насилия и её собственная фригидность. То, что Анна фригидна, она тоже придумала сама, и уверовала в это как в непреложную истину. Наталкиваясь на её холодность, Игорь раздражался, сыпал упрёками. Что ж, это было его право. Но, в конце концов, он ведь сам, без принуждения женился на женщине с ребёнком, за что же теперь упрекать Анну?

Игорь перестал быть для Анны самым добрым и хорошим. И, как нередко бывает, она увидела в поверженном кумире самого обыкновенного мужичка, эгоиста и любителя выпить, человека, который считал, что внутренний мир женщины должен заключаться том, чего от неё хочет муж. Но он много работал, приносил домой деньги, и Анна уже была достаточно взрослой, чтобы понять, что это должно вознаграждаться.

Чувство долга — вот бич, которым Анна истязала себя. Совсем запутавшись в своих рефлексиях, она чувствовала себя виноватой даже в том, что Игорь стал чаще выпивать. Значит, дома ему не хватает внимания и ласки — считала она.

Странные начинались времена. Сначала робко и редко, потом всё чаще и настойчивей по городу ходили слухи о том, что теперь можно создавать кооперативы, производить ширпотреб, продавать его. Если раньше "цеховиков" сажали за это, то теперь подобное не воспрещалось. Слова "Горбачёв" и "перестройка" входили в моду, а молодёжь начала носить футболки с серпом и молотом и гордой надписью "СССР". В магазинах появились первые "кооперативные" вещи, ранее таковыми были только полукопчёная колбаса по пять шестьдесят и мясо по три пятьдесят за килограмм. В воздухе определённо веяло ветром перемен, и Анна, озабоченная своими внутренними раздорами, тоже заметила это. Она разглядывала низкокачественные, но броские и модные одёжки, предлагаемые кооператорами, льстилась на непомерно дорогие тряпки. Благо, денег хватало, ведь работали оба, и она, и Игорь. Но пуловер, купленный Игорю на какой-то ярмарке, после первой же стирки сменил свой синий цвет на грязно-серо-голубой, а нарядные платяца для дочерей внезапно поползли по швам. Анна привыкла к советскому, серому и неяркому, но зато изготовленному на

века, и неприятные сюрпризы поражали её. Потом пришло понимание того, что не всё новое заслуживает внимания и одобрения. Одновременно с этим с прилавков магазинов стали исчезать товары первой необходимости, а из оборота — деньги. Их было много — на счету, заработная плата уже исчислялась суммами с тремя нулями, а вот наличных не было. Вместо них давали чековые книжки.

Потом в лексикон павлодарцев вошло слово “биржа”, оно-то и повлекло непоправимые перемены в жизни семьи Корилиных. Зарплата “на книжку” и талонная система (два килограмма сахара, килограмм рожек и энное количество всего прочего на один талон) выводили Анну из себя. Она чувствовала себя сильной, способной на большее, нежели всю оставшуюся жизнь собирать эти чёртовы рейки зажимов на заводе. К тому же шли разговоры о сокращении штатов, и Анне надоело трястись за рабочее место.

Брокерская контора при биржевом центре “Орлан” показалась Анне наиболее подходящим местом для реализации самых смелых планов. Разве могла она предполагать, что знает так мало, что совсем несведуща в экономике, да и лгать не приучена, а без всего этого делать “в коммерции” нечего. Сменив завод на брокерскую контору, Анна добросовестно бегала по предприятиям, предлагая для ознакомления прайс-листы биржевого центра. В них было всё — от швейных иголок и детских кубиков до мощных металлоконструкций и стройматериалов. Только предприятия почему-то не торопились заключать договоры на поставку этого добра с наивной Анной. Благо, Игорь работал на своём умирающем комбинате, поэтому семья не голодала. Так завершился 1991 год и начался 1992.

Правильно говорят, что дуракам везёт, повезло и Анне, на одной из продаж она заработала немислимую по тем временам сумму денег. Немислимую для Анны, на самом деле денег хватило только на покупку стареньких “Жигулей” — “троечки”. Машина как-то дисциплинировала Игоря, пить он стал реже, и Анна вздохнула посвободней. Вот только с работой как-то не вытанцовывалось. Но, чёрт с ней, с работой, главное — семья снова окрепла. На “троечке” Корилины ездили за город, “на природу”, купали девочек в мутноватом и ленивом Иртыше. Когда были деньги, жарили шашлык. Вторая волна любви к мужу смела все Аннины сомнения, жизнь была хороша.

Анна редко вспоминала свою холодную энскую юность, но нет-нет, да и всплывали в памяти лица доброй старушки Клары Григорьевны (как она там, в Израиле?), спившегося эмэнэса Миши и, конечно, некогда любимое и дорогое — Вячеслава Леонидовича. Только уже не звали назад серые мостовые Энска, хмурый гранит набережной Эны, прямые и широкие проспекты, не давшие маленькой Ане Бородихиной ничего, кроме чувства собственного ничтожества, преследовавшего её долгие годы.

Брокерская контора жила своей особенной, непонятной для непосвящённых жизнью. Приходили и уходили молодые люди и девушки, рылись в подшивке прайс-листов, иногда что-то стучали на древней пишущей машинке. Однажды директор попросил Анну сходить вместо него на биржевые торги. Тут же, на этой же машинке, отшлёпал Анне удостоверение старшего брокера конторы, достал из кармана тускло блеснувшую бронзой печать в навинчивающемся футляричке, явно любясь ею, аккуратно оттиснул на самодельном документе.

Директор был моложе Анны, и вся его семья тоже занималась куплей-продажей. Иногда Анна смотрела на это ухватистое и нагловатое племя с удивлением, близким к зависти — как им всё удаётся? Она, Анна, никогда бы не сумела так ловко окрутить простоватого клиента, забредшего в контору, а эти — пожалуйста. Клиент на конторском жаргоне назывался лохом, и между собой юные

кандидаты в коммерсанты частенько высмеивали тех, за чей счёт им удавалось пожить. Это казалось Анне не совсем пристойным, и она поварчивала на молодёжь. Не нравились ей и необязательность сотрудников, и их готовность к беспардонному вранью. Постепенно она начала осознавать, что села не в свои сани и что в коммерции, каковой её понимали окружающие, ей делать нечего. Директор приметил её подавленное состояние и однажды предложил:

— Хочешь — переведу менеджером по работе с персоналом?

Эта должность устраивала Анну больше. Она с энтузиазмом принялась наводить в конторе порядок и первым делом потребовала, чтобы каждый сотрудник ежедневно приходил в контору — отчитаться о проделанной работе и обновить информацию. Это возымело предсказуемый и неприятный эффект — мальчики и девочки, безалаберно галдящие в коридорах конторы, как-то постепенно исчезли вовсе, а те, кто остался, стали беспрекословно являться на планёрки. Анна была довольна — дисциплина восстановлена, и тем неожиданней для неё оказался гнев директора.

— Что ты тут устроила? — спросил он сердито, — где все?

— Но ведь... — Анна растерялась, — но ведь они толком и не работали!

— И не получали тоже. Но ведь что-то выбегивали. Хватило же у тебя ума!

По своей наивности Анна лишила директора (он же был и собственником) небольшой доли прибыли, которую контора имела от невыплаты комиссионных безалаберным юнцам. Им никогда не платили того, что причиталось в полной мере.

Попав в немилость у начальства, Анна всерьёз задумалась о перемене занятий. Только — куда идти? Так оптимистично начинавшаяся перестройка обернулась не только ломкой стереотипов, но и ломкой всей социальной системы, сложившейся за семьдесят лет. Зарождающийся капитализм, как это водится, был особенно диким, в неразберихе законов не могли разобраться и сами законники, под шумок растаскивались некогда крупные предприятия, а люди оказывались за воротами. Сталинский тезис о том, что кадры решают всё, беспредельно устарел, теперь они не могли решить даже проблему собственного питания.

Анне повезло, один из тех, с кем она успела познакомиться за время своей неудачной коммерческой работы, предложил ей зарегистрировать частную фирму и стать её наёмным директором. После долгого безденежья оклад в тридцать тысяч девальвированных рублей показался Анне очень соблазнительным, и она согласилась.

Реакция Игоря на Аннино “директорство” оказалась негативной. Муж весьма неприязненно относился ко всему, что касалось частной фирмы, а подвыпив, заявлял, что ему только директора дома не хватало. Анна вспомнила завистливые разговоры товаров по заводу “о конторских”, вспомнила и низменную в своей примитивной простоте ненависть работяг к тем, кого именовали инженерно-техническими работниками. Вот уж никогда не думала, что столкнётся с этим в собственной семье!

Регистрация частной фирмы — дело долговременное и в конец бюрократизированное. Анна испытала это на себе. Многочисленные инстанции, которые нужно было пройти с огромным ворохом бумаг, постановка на учёт во всевозможных инспекциях и статуправлениях — всё это словно было рассчитано на то, что человек отступится, откажется от безумной идеи начать своё дело. А может быть, на то, что, не желая мыкаться по всевозможным “присутственным местам”, сунет взятку “кому следует”. Денег на раздачу взяток у Анны не водилось, да и не умела она “подмазывать”, поэтому прошла весь марафон до конца. Когда оставалось совсем немного (открыть счёт в банке да заказать печать),

Анна дала в газеты объявление о том, что “вновь организованное частное предприятие примет на работу коммерческих агентов”.

Времени у Анны теперь было совсем мало, звонили и приходили и в офис, арендованный в бывшем общежитии, и домой. Персонал Анна отбирала особенно тщательно, безоговорочно отказывая в работе тем, кто вызывал у неё сомнения в своей порядочности и трудолюбии. Зато в результате получилась сплочённая команда из серьёзных молодых людей и девушек. Аннин работодатель, не вмешиваясь, наблюдал за происходящим и не выражал никаких эмоций. В качестве помощи молодой фирме предложил услуги своего опытного бухгалтера, и Анна была рада, потому что достаточными экономическими знаниями в новой конторе не обладал никто. Зато было служебное рвение и желание своим трудом заработать деньги, и Аннины агенты обегали за день десятки предприятий, предлагая посреднические услуги. Первые заключённые сделки отпраздновали шумно, с тортом и чаем. Ради такого случая Анна пригласила всю команду к себе домой. До полуночи строили планы и спорили о том, как лучше организовать бизнес.

Посиделки “за директорским самоваром” вошли у молодёжи в привычку, раздражавшую Игоря. Но не могла же Анна выгнать своих честных и трудолюбивых ребят, веривших ей во всё.

Заглядывая в документы, Анна радовалась тому, что её подопечные так активно работают, и даже пыталась подсчитать их приблизительную зарплату. День, в который была готова ведомость, Анна запомнила надолго. Мизерные суммы, которые стояли там напротив фамилий сотрудников, поразили её, а её собственный оклад в тридцать тысяч оказался рядом с ними просто непристойным.

— Как же так? — бросилась она к опытнейшему бухгалтеру, Нине Ивановне, — ведь комиссионное вознаграждение должно быть намного больше!

— А налоги? — удивилась та, — вы забыли про обязательные отчисления, Анна Георгиевна?

Анна помнила о налогах, но не представляла себе, что они могут составлять три четверти от заработанного. Как объяснить это ребятам? Что вообще сказать им?

Энтузиасты от коммерции не стали обвинять Анну в мошенничестве, но и работать в фирме более не захотели. Доброхот, предоставивший Анне возможность проверить себя в бизнесе, пожал плечами:

— Голубушка, кто же сейчас откровенничает с государством? Сами виноваты.

Дав Анне “за хлопоты” ещё один месячный оклад, предприниматель по-дружески простился с наивной дурочкой, воображившей, что честным трудом можно заработать деньги.

Глава 9

Удачливого коммерсанта из Анны не получилось. Почти два года жизни было потрачено на то, чтобы убедиться в этом. Вот, убедилась, и что теперь? Надо же как-то дальше жить. Надо. Но... Но Игорев комбинат закрылся, задолжав зарплату за семь месяцев, Наташе срочно нужны новые ботинки, а Аня совсем выросла из своей цигейковой шубки. Без малого сто восемьдесят тысяч девальвированных советских рублей — вот всё, чем располагала семья. На эти сбережения можно было купить свиную тушу или новую шубку для Ани и башмаки Наташе. Только на что потом жить?

Анна потеряла сон, думая об одном и том же — где добывать деньги. Додумывалась до совсем бредовых идей — украсть, напасть на кого-нибудь, ограбить...

Грабитель из Анны получался ещё тот — сорок килограммов вместе с сапогами. Найти работу, приносящую хоть какой-то доход, надежды не оставалось.

В эти дни Анна заметила седину в своих волосах и поняла, что молодость прошла. Как ни странно, но особой грусти по этому поводу она не ощущала. На первый план выходили первобытные инстинкты сохранения потомства, а разве неандертальской мамаше было не всё равно, как она выглядит? Лишь бы в пещере горел очаг и была еда. Именно так чувствовала Анна и, признавая всю примитивность своих чувств, нисколько не заботилась о том, чтобы их приукрасить.

Наконец она приняла решение, и было оно в пользу свиной туши. Игорь, выбитый из колеи потерей работы, покорно завёл старую “троечку”, и Корилины поехали в недалёкую деревню Демидовку, известную тем, что в ней испокон веку жили немцы. Анна надеялась на то, что собравшиеся на историческую родину боши не станут сильно дорожиться. Её расчёт оправдался, очень быстро нашлась семья, желающая срочно продать одну из своих свиней. Анна равнодушно смотрела, как молодые хозяйка ловили длинную лопухую свинью во дворе, как резали её, а потом смолили и разделявали. Свинью не было жаль, жалко было своих детей, мужа и — себя. Честно говоря, Анна плохо представляла себе — как она станет продавать мясо на улице. Но перед этим страха не было, он весь ушёл в мучительные ночи раздумий.

Старый медицинский халат, который Анна, неведомо зачем, прихватила с собой ещё из Энска, оказался ей впору и сейчас. Игорь сказал, что в этом халате она выглядит заправским продавцом, вот только на мясничиху упитанностью не тянет. Продать мясо на рынке не удалось, не было необходимых документов, да и клан местных перекупщиков дал Корилиным понять, что здесь им делать нечего. Зато на улице, напротив остановки “Диспетчерская”, свинина пошла влёт. Засовывая мятые тысячи в карман вымазанного кровью и салом халата, Анна думала о том, что завтра нужно ехать опять, везти ещё одну тушу. Думала спокойно, как о простой работе. А Игорь потом признался, что всё время Анниной торговли трясся, боялся милиции, рэкетиров, о которых смутно поговаривали в городе, санэпидстанции и вообще неизвестно чего.

Мясная торговля приносила реальные деньги. Пусть небольшие, но Анна стала спать спокойней. Вставала ни свет ни заря, будила Игоря, с мясом нужно обернуться в один день, хранить его негде. Наташу в школу вела свекровь, она же забирала к себе Анюту, до тех пор, пока родители не приедут за девочкой. Анна стала привыкать к такой кочевой жизни. Она не смирилась с ней, иногда думала о том, как они заживут, когда удастся избавиться от призрака нищеты, стоявшего за плечами. Разве могла она предположить, что благополучная жизнь уже никогда не вернётся?

Маленький “мясной” бизнес кончился в одночасье, когда Корилины возвращались с выручкой, и Анна решила по пути заскочить в магазин за сигаретами. Она не обратила внимания на приличного молодого человека с перекинутой через руку лёгкой курткой, который прямо перед ней купил пачку “Мальборо”, буркнув продавщице: “Без сдачи”. Он потянулся к прилавку прямо через Аннино плечо, зацепив чем-то её сумку, висевшую на плече. Получив свои сигареты, поспешно вышел из магазина. Пока Анна выбирала покупки, продавщица почему-то смотрела на неё с жалостью. А когда Анна полезла за деньгами, некогда распухшая от дневной выручки сумочка жалко распахнула расплосованные чем-то острым внутренности. Денег осталось всего несколько тысяч, случайно попавших в кармашек для ключей.

На ослабевших враз ногах Анна вышла к машине, долго шарила по дверце, не находя ручки.

— Что случилось? — тревожно спросил Игорь.

У Анны перехватило горло, и ответить она не смогла. Только показала мужу пустую сумку с лохмотьями подкладки, свисавшими из широкой прорези.

— Так, — недобро сказал Игорь, — ворон ловила...

В этот вечер он напился до свинцовости. Заплетающимся языком бормотал гнусности про Анну, стучал кулаком по столу. Анна бродила по квартире как потерянная, до тех пор, пока муж не забылся мёртвым пьяным сном, упав головой на кухонный стол. Уложила спать девочек, достала припрятанную “зачачку” — сорок пять тысяч. Этих денег не хватил даже на маленького поросёнка. Есть ещё ведро смальца, натопленного из того, что не удалось продать, но за него много не выручишь. Где-то в кладовке болтается мешок семечек, купленных в деревне по случаю, вот и все припасы.

Анна долго сидела, скорчившись в кресле, вцепившись руками в виски. Потом прошла на кухню, налила себе полный стакан водки из недопитой Игорем бутылки и залпом выпила. Она знала, что это дела не поправит, но — хотя бы сейчас не думать о том, что ждёт семью!

Головная боль наутро, скорей всего, была следствием Аннинного домодельного средства от стресса. Приняв аспирин, она жарила на кухне семечки, на запах приполз хмурый с перепоя Игорь.

— Дала бы на пузырьрёк, — сипло сказал он, — или всё профукала?

Анна промолчала. Чего ради ввязываться с похмельным мужем в свару?

— Слышь, тебе говорю...

— Нету у меня.

Анна сказала это просто для того, чтобы ответить что-нибудь. Игорь махнул рукой и вышел из кухни. День начинался отвратительно, и ничего с этим нельзя было поделать. Элемент случайности снова сыграл с Анной плохую шутку. Или это была закономерность?

Сидя у дверей магазина на Анютином стульчике, Анна горько думала о том, что ничего хорошего ждать не придётся. Перед Анной на перевёрнутой коробке из-под бананов красовался деревенский натюрморт — литровая банка со смальцем, большая миска с семечками и поллитровая баночка солёных грибов. Бабули, рядом с Анной торговавшие семечками и сигаретами, пытались разговорить её, но она отвечала односложно и неохотно, и они отстали. Тупо и беспощадно откуда-то из глубины мозга поднималась головная боль.

Человека, вопросительно глядящего на неё, Анна поняла не сразу.

— Ну так берёшь или нет? — спросил он.

— Бери, бери, они хорошо уходят, — посоветовала бабуля, сидевшая ближе всех к Анне.

И Анна купила что-то у мелкого оптовика, как потом выяснилось — упаковку турецких жвачек.

Мелкая торговля не принесла большого дохода, но позволила не проесть оставшиеся деньги. Правда, замысел Анны, состоявший в том, чтобы наскрести хоть на небольшую свиную тушу, провалился. Теперь Анна сидела у магазина в сообществе пенсионеров, и её самодельный прилавок несильно отличался от их коробок — те же сигареты и жвачки, куски мыла и всякая мелочёвка. Баба Катя взяла Анну с собой в “оптовку”, показала, где покупают всю эту “благодать”. Всё бы ничего, но к вечеру у Анны начинала болеть голова, и не водка была этому причиной. Анна глотала аспирин, но это мало помогало, часов в пять перед глазами начинали плясать голубые всполохи, а за ними появлялась боль. Всегда однообразная, тупая, ноющая. О том, чтобы сходить к врачу, и речи не было,

платная медицина уже сменила всеобщую бесплатную. Анна не могла позволить себе тратить деньги на недомогания.

После того как Анну обокрали, Игорь пил ровно неделю. Когда Анна возвращалась со своего “дежурства” у магазина, он мотал опухшим от пьянки львиным лицом и мычал какое-нибудь ругательство. Анна, привыкшая к “приветливости” мужа, уже не обращала на это внимания. Мучаясь головной болью, она наскоро варганила простецкий ужин, кормила девочек, ела сама и валилась на кровать. Мысль о том, что завтра опять придётся сидеть у магазина, приводила её в отчаяние, но иного выхода не виделось. И когда однажды, вернувшись домой, она обнаружила трезвого, но очень похмельного мужа, её несколько удивило его виноватое внимание. Бестолково топчась по кухне, Игорь больше мешал Анне, нежели помогал, и всё же это было приятно.

На другой день избавившийся от недельного перегара Игорь пошёл на стоянку, ковырялся в машине, а вечером смущённо вручил Анне небольшой комочек небрежно смятых купюр. Это была его собственная выручка, которую Игорь заработал в качестве таксиста-частника. Анна растрогалась при виде этих денег, могла бы — заплакала. Чувствуя себя виноватой в недостаточном внимании к мужу и девочкам, Анна полночи просидела с семьёй, не отправляя дочерей спать, преодолевая головную боль. Утром голова болела так, что Анна едва встала. Увидев её, Игорь встревожился не на шутку:

— Что с тобой?

— Голова болит.

Фраза прозвучала тускло и безлико. Болит — ну и что? Такое бывает очень часто.

— Может, к врачу? — спросил Игорь.

— Пройдёт.

К магазину Анна не пошла. Отправила в школу Наташу и прилегла в зале на диване. Анюта играла тут же, то и дело требуя маминого участия. Малышка всерьёз принялась за разборку давно облысевшей большой куклы, с которой в своё время не справилась Наташа. Пыхтя и сопя, Анюта усердно пыталась вытащить из пластмассового корпуса игрушки цилиндр, который когда-то издавал нечто похожее на “ма-ма”.

Закрыв глаза, Анна пыталась утихомирить головную боль, но Анюта, заметив, что мама “не смотрит глазками”, требовала:

— Не спи!

Что оставалось делать?

В какой-то момент Анне показалось, что её череп вот-вот разлетится на куски. Она стиснула виски ладонями. И тут к горлу подкатила тошнота. Анна доковыляла до туалета, и её вырвало. Как ни странно, но после этого боль стала успокаиваться.

Анюта испугалась того, что происходило с мамой, и притихла. Надо было успокоить дочь, но сил уже не осталось, и Анна только жестом подозвала её к себе. Вскарabкавшись на диван, девочка прильнула к Анне. Она не вертелась, не пыталась привлечь к себе внимание, просто лежала, уткнувшись носиком в Аннину грудь. Прислушавшись к ровному дыханию дочери, Анна поняла, что малышка уснула. Задремала и Анна, а когда проснулась, поняла, что беременна. Просто во всей этой суеде она перестала прислушиваться к своему организму, и он напомнил о себе таким болезненным способом.

Рожать третьего ребёнка было просто нельзя. Куда? Неизвестность будущего пугала, и эта беременность оказалась настолько некстати, что первое, о

чём подумала Анна, был аборт. Но это означало новые траты, а их Анна боялась более всего. Игорю решила ничего не говорить, а просто вспомнила случайно подслушанные в юности разговоры больничных сестёр о гормональном препарате, вызывающем выкидыш. Этот вариант показался Анне наиболее приемлемым, и она приступила к реализации своего плана.

Это было почти невероятным, но безумный план удался. Правда, Анна пластом пролежала около недели, истекая кровью. Хорошо что Игорь всё это время был серьёзен и трезв. Уже привычно “таксуя”, он дважды в день заезжал проведать Анну, покупал в аптеке требуемые ею лекарства, даже научился делать внутримышечные инъекции.

Неполный выкидыш проходил тяжело, да и кровопотеря оказалась большой, поэтому, поднявшись с постели, Анна едва не сползла по стене на пол. Но зато головная боль исчезла совсем, только от малейшей нагрузки стучал в висках пульс да малокровно шумело в ушах. Однако Анна поняла, что самое страшное уже позади. Она покорно глотала куриный бульон, которым потчевала её заботливая свекровь, ела даже ненавистную говяжью печёнку, приносимую по советам бывалых людей Игорем. Девочек, чтобы не утруждать Анну, забрала к себе свекровь, и теперь больная могла наслаждаться покоем.

Анна читала давно заброшенные книги, даже пыталась писать, но всё выходила какая-то ахиней. Мечта о нормальной жизни — с самой обычной работой, с зарплатой, детским садиком и новой шубкой для Анюты, любимыми Наташей пирожными “Наполеон” и заботливым мужем во главе семейства. Самые обыденные и простые мечты женщины, лишённой главного в жизни — уверенности в завтрашнем дне.

Постепенно Анна начала подниматься с постели, готовить еду. А в один из октябрьских дней вышла на улицу. Осень разметала жёлто-красные лохмотья листьев, и теперь нудным дождём оплакивала голые клёны, росшие возле дома. Анна прислушалась к шелесту дождя и подумала о том, что это великое благо — жизнь. И ведь её очень просто было потерять. Эта мысль ужаснула Анну, и не столько холодной пустотой небытия, сколько тем, что дочери, две ещё совсем маленькие девочки, останутся без матери. Нет уж, больше никаких экспериментов над собственным организмом, никакой самодеятельности. Лучше потерять часть денег, чем весь мир.

А мир этот был хорош, несмотря на промозглую осень, полную неопределённость впереди и слабость, делающую походку неуверенной, а привычную работу — тяжёлой...

За то время, которое Анна провела дома, она потихоньку вымыла и вычистила запущенную за время передрыг квартиру. Вернулись домой дети, и, не взирая на постоянную нехватку денег, Анна стала думать о том, что жизнь налаживается, а из руин прежнего существования вот-вот народится на свет новое. Но время шло, а новое не спешило нарождаться, и Анна опять вышла к магазину с самодельным раскладным столиком и картонной коробкой, наполненной всевозможной грошовой чепухой. Болезнь основательно подточила и без того дырявый семейный бюджет, и нужно было что-то делать, пока ещё было возможно.

С наступлением холодов сидение у магазина стало мучительным. Анна напяливала на себя все тёплые вещи, сохранившиеся с более благополучных времён, но всё равно отчаянно мёрзла. Наверное, сказывалось и недолеченное малокровие, но заниматься такими пустяками было недосуг.

Придя домой после дня, проведённого на улице, Анна пила горячий чай, пытаясь согреться, поспешно готовила ужин и выглядывала Игоря в тёмное

городе уже бушевала эпидемия торговли, за рыночными прилавками стояли врачи и дворники, слесари и инженеры. Было решено закупить на вырученные с продажи машины деньги разных товаров, благо оптовые магазины Анна уже успела разведать. Их тогда было немного, три-четыре на весь Павлодар, и рыночные торговцы, заранее узнав о завозе новых товаров, с утра занимали очередь у “оптовков”. Отпустили эти товары не иначе, как ящиками, поэтому конкуренция для мелких торговцев практически не было. Коририны обзавелись парой самодельных тележек, впрягшись в которые, перетаскивали на рынок целые штабеля картонных коробок, ящиков, мешков. Торговля шла бойко, Анна завела себе толстую тетрадку, в которую аккуратно вносила все расходы и полученную прибыль. По её подсчётам, деньги не только не убавились, но даже и приросли.

Игорь сменял Анну за рыночным прилавком, Анна сменяла Игоря, так стоять было легче. И всё же доход был весьма скромным, таким, что каждый невыход “на работу” сразу же приносил убыток. Анна поняла, что нужно ехать в Новосибирск, на оптовый рынок. О дешёвизне тамошних товаров по рынку ходили легенды, а едва появившаяся российско-казахстанская граница была настолько прозрачной, что её и не замечали. Так Анна приобщилась к челночному бизнесу.

Это было не легче, чем бегать по “оптовкам”, те же самые тележки, те же ящики и мешки. А товары в недалёком Новосибирске оказались не столь уж дешёвы. На этих поездках Анна заработала себе пиелонефрит, пневмонию и какую-то женскую болячку, с которой, естественно, в больницу не пошла. Не до того было. Страдая от постоянных простуд, она уверовала в силу антибиотиков и все свои недомогания лечила инъекциями бициллина. А что, неплохо — сам себе терапевт.

В какой-то момент Анна поверила в то, что теперь всё будет в порядке. Она расслабилась, перестала вести записи в своей “бухгалтерской” тетрадке, купила, наконец, шубку для Анюты. Но на “широкую” торговлю денег всё равно не хватало. И Анна решительно заняла тысячу долларов под пятнадцать процентов в месяцу у знакомого барыги. Игорь схватил радикулит, и пока не мог помогать ей в торговле, Анне снова пришлось взвалить всё на свои плечи. От помощи Наташи она наотрез отказалась, не хотела видеть девочку на базаре.

Пожалуй, Анна в жизни не знала места, более безобразного и неподходящего для ребёнка, чем рынок, хотя и здесь были свои дети. Они казались разными — то заброшенные и неумытые, то холёные и принаряженные, но общим для всех этих детей было одно — совсем недетское стремление к наживе. Анна не хотела видеть в глазах своей дочери этого стального блеска алчности и строго-настрога запретила Наташе приходить к ней на базар. Да девочка и не стремилась. Подрастая, Наташа всё больше походила на своего отца — те же серые глаза, тёмные густые волосы. Даже голову держала так же гордо, как профессор Сикорский. “Сикорский в чепчике” — вспомнила Анна высказывание бывшего сотрудника о совсем ещё крошечной дочери. Да и характером Наташа повторяла отца — девочка была не по годам серьёзной, упорной и властной. Вовсю командовала младшей сестрой, пыталась проделывать то же и с отчимом. Только с Анной мягчала, наверное, жалела мать.

Анюта была полной противоположностью. Девочка ласковая, очень домашняя, с ясным ангельским взором. Любила забираться на колени к отцу, ласкалась к матери. Наташа сурово смотрела на сестрёнку, иногда сварливо говорила:

— Анька, оставь маму в покое, всю обслонявила. Марш в комнату!

Прогнав младшую, старшая с непонятным сожалением смотрела на мать и шла вслед за изгнанной. Анна не припоминала случая, чтобы старшая дочь когда-либо вешалась ей на шею или пыталась приласкаться. Действительно, Сикорский в чепчике. Ох и тяжело девочке придётся в жизни с таким-то характером...

После болезни Игоря что-то в Анниной жизни переменялось. Она сама плохо сознавала — что именно, но, в очередной раз, словно целый кусок, пласт ставшего привычным бытия отвалился сам собою, и теперь начинался новый период, страшноватый своими неизвестностью и неизбежностью. Можно ли было повернуть время вспять, начать жить по-старому? Пожалуй, нет, это Анна хорошо понимала.

Кажется, новые времена наступали не только для Анны, рынок затих, приготовился к чему-то, пока ещё неведомому, только по-прежнему рекой лилась водка близ прилавка Аннинных товарищей по рынку, да к соседям стал присоединяться Игорь. Возвращаясь домой, Анна тащила под руку пьяного мужа и сердито ему выговаривала. Пыталась она поговорить и с весёлой разведёнкой Адой, устроившей импровизированную распивочную у соседнего прилавка. Ада только бессмысленно таращила глаза да пьяно хохотала. Что было делать?

К этому времени Анна обнаружила, что взятые в долг деньги совсем не приносят дохода. Точнее, тот доход, который Анна имела с их оборота, целиком уходил на выплату процентов по займу. Она принялась потихоньку высвобождать чужие деньги, собираясь вернуть их кредитору. А чтобы деньги не обесценивались, меняла их на доллары. Тогда это была самая непоколебимая валюта.

“Выдёргивая” деньги, Анна несколько недель подряд не ездила в Новосибирск, а когда прилавок заметно оскудел, поняла, что откладывать поездку более нельзя.

Старый “ЛАЗ”, на котором Анна “челночила”, показался ей напоминанием о чём-то давнем, хорошо позабытом. Ах, да, рельефный герб Советского Союза, привинченный к обшивке автобуса спереди...

В этот раз всё было несколько иначе, чем раньше. Среди “челноков” ходили смутные слухи о “зверствах” таможни, а российские рубли, купленные на новоявленную казахстанскую валюту, предпочитались традиционным долларам. Впрочем, Анна не особенно волновалась, подложив под голову свою дорожную подушечку-думку, она прикрыла глаза и пробовала подремать. Как назло, сна не было. А после полуночи, когда прибыли в Карасук, пропали и последние намёки на дрёму. На Карасукской таможене россияне устроили в автобусе “шмон”, так назвала это старшая группы. Сначала по салону провели весёлого лопоухого спаниеля, потом всем приказали идти к таможенному терминалу.

— Что случилось? — спросила Анна у конопатого солдата с трёхцветной нашивкой на камуфляжном рукаве.

— Ваши в Новосибе наркоту везли на рейсовом, — буркнул служивый и, подхватив какой-то несерьёзный, с раструбом, автомат, прошёл вперёд.

Личный досмотр. С Анной такое случилось впервые, и она просто не знала, как себя вести. Возмутиться? Отстаивать свои права?

— Какие у нас права? — вздохнула старшая группы. — Мы для них вроде дойной коровы. Сейчас подоят и отпустят.

Только старшая ошиблась, их продержали на таможене четыре часа. У Славки Комарова при досмотре нашли доллары, не заявленные в декларации. То есть, всю группу таможенники не задерживали, хоть сейчас езжайте, а вот господину Комарову придётся остаться. Конечно же, никто никуда не поехал, все ждали — чем разрешится ситуация. Не бросать же господина Комарова.

А разрешилась она, как и предполагалось, потерей половины Славкиных “контрабандных” долларов. На рано закрывающийся оптовый рынок павлодарские “челноки” опоздали, но оставался ещё меховой — “Держинец”, и два десятка мелких оптовых складов. По ним и поехали.

Обратно решили ехать не по привычному пути, а степью, чтобы миновать карасукских “доильщиков”. “ЛАЗ”, дребезжа и чихая двигателем, полз по

чернильной темноте ночной степи, и Анна терялась в догадках — как водители находят дорогу в неярком свете фар. Через пару часов “бобик” нагнал автобус, человек, заскочивший в салон, повёл по лицам пассажиров галогенным фонарём.

— Товарищ лейтенант! — крикнул он кому-то из автобусных дверей, — а что с этими делать?

Низкорослый мужичок в огромной фуражке спросил:

— Кто такие? Откуда?

Водитель принялся объяснять, что, мол, заблудились, темно... Плянув на автобус спереди, лейтенант увидел герб и криво усмехнулся:

— Долго, наверное, блуждали? Ещё из Советского Союза едете...

Тогда их отпустили, взяв положенную мзду, но, едва миновали границу, пришлось останавливаться снова. История повторилась с той разницей, что теперь под пограничной фуражкой оказалось скуластое азиатское лицо. Казах-станский пограничник не стал муржить земляков. Своему командиру сказал:

— Наши. “Челноки” из Павлодара.

— Пусть едут, — ответил из темноты невидимый офицер, — их уже и так “ощипали”.

Эти два эпизода врезались в память. Анна долго размышляла о том, как переменялся мир за несколько лет. Стал чужим, недобрый. И поделаться с этим уже ничего нельзя, можно только привыкнуть к нему, найти себе неприметную нишу, забиться в неё и жить в полдыхания. Ведь и правда — какие могут быть права у рыночного торговца?

Поездка оказалась последней. Сначала Анна долго не могла набрать денег для закупки товаров, а потом решила, что с её мизерной суммой в Новосибирске делать нечего, и снова начала ходить по “оптовкам”. Торговля на рынке шла всё хуже и хуже. Анна ещё могла покупать необходимые продукты, недорогие вещи, а за квартиру платить уже было нечем. Всё объяснялось просто — в каждой мало-мальски пригодной конуре в городе открывалось нечто, именуемое оптово-розничным магазином. И вещи и продукты там продавали с минимальной наценкой, а оптовой считалась и “партия” в десять кусков мыла. Это была серьёзная конкуренция, разорившая тысячи неудачников, подобных Анне.

С трудом Корилины продержались на плаву ещё несколько лет. Игорь частенько выпивал, Анна, вымотанная базаром, составляла мужу компанию. Правда, допьяна не пила, но всё же...

Настал день, когда торговать стало нечем. Слякотная павлодарская осень хлестала по лицу дождевыми струями, промокшие ботинки казались неподъёмными. Анна стояла за воротами рынка, пытаясь продать малопонятные железки, оставшиеся от их “троечки”. Игорь выгреб всё, что нашлось в гараже родителей лишнего и ненужного. Только, если этот металлолом не нужен Корилиным, кому он вообще нужен?

Тем не менее возвращаться домой без денег нельзя. Придут из школы девочки, а у Анны даже хлеба купить не на что. Это была нищета, которой так боялась Анна, и избежать её не удалось.

Анна не надеялась продать хоть что-то, стуча зубами от холода, пыталась придумать — где взять деньги. Хоть сто тенге...

— Сколь просишь? — серый и какой-то потрёпанный мужичок ткнул пальцем в старенький карбюратор.

— Сто! — с перепугу брякнула Анна.

— Ну! Это дорого.

Увидев отчаянное Аннино лицо, мужик сунул ей в руку сотенную бумажку, подхватил залитый дождём карбюратор и пошёл.

— Ты что — спятила? — спросил дед, сидевший под зонтиком рядом с Анной. — Такие вещи по тысяче продают.

Анна деда не слушала, торопливо собирала оставшиеся железки. Скоро дочери из школы придут.

— Да ты и впрямь ущербная, — не унимался дед, — коль тебе своих товаров не жалко, так, может быть, и я у тебя что-нибудь куплю?

Пока дед копался в Анниных железках, она поглядывала на часы. Навыбрав себе чего-то, Аннин покупатель, тщательно выбирая самые мятые бумажки, отсчитал ей пять двухсотенных, потом подумал и добавил ещё две.

Намаявшись без денег, Анна набрала всяких вкусностей — кроме хлеба, ещё и белый батон, банку синтетического масла “К чаю”, полкило карамелек, пачку чаю и килограмм сахара. А когда несла всё это домой, вспомнились петушки на палочке, которые маленькая Аня купила вместо конфет. Как они были далеки, эти петушки её детства, лежавшие перед отцом на блюдечке с розовым цветочком!

Больше всего на свете Анна боялась остаться без денег. Совсем без денег. Поэтому тряслась над каждой копеей. Постепенно начала понимать — что именно нужно покупать для перепродажи у тех, кто пропивал остатки своих домашних мастерских. Она понимала, что опустившиеся алкоголики тащат из дома, более того, точно так же теперь поступал и её Игорь. Ну а что было делать — голодать и морить голодом детей?

Анна старалась напустить на себя этакий цинизм, торговалась с пьянью за каждый грош, даже выучилась ругаться матом — это алкоголики понимали лучше всего. И всё-таки, света в конце тоннеля не видела. Вообще не понимала — кончится ли этот ад когда-нибудь. В эти дни у неё возобновились головные боли. Несильные, их можно было терпеть. Не тратиться же из-за таких пустиков на анальгин.

Игорь теперь бывал трезвым очень редко. В городе полно было киосков, в которых открыто продавали “палёный” спирт — двадцать пять тенге за сто граммов. Один из таких ларьков стоял прямо рядом с домом, и ходить-то далеко не надо. Напившись, Игорь срывал зло за свою неудавшуюся жизнь на Анне, и ей всё чаще приходилось ходить битой. Больше всего доставалось голове, муж старался не бить по лицу, чтобы не было синяков. Похватав одежду, свою и девочек, Анна выскакивала на улицу. Наташа, уже совсем большая, тащила за руку испуганную сестру. Анна сажала детей в автобус, наказав идти прямо к бабушке, а сама заворачивала в недавно открывшийся магазинчик к знакомой продавщице.

Давно уже Анна научилась пить, не закусывая, дешёвую “бормотуху”, которую разливала по грязным стаканам её приятельница из магазина...

Такая жизнь могла сломить кого угодно. Да и ломала, сколько Анна знала мужчин и женщин, спившихся, потерявших человеческий облик, лишившихся близких. Одна из таких женщин жила прямо на рынке. За стопку водки и жилистые огрызки шашлыка она носила воду в рыночную закусную, собирала дрова для мангала. Вечером, уже основательно пьяная, она брела спать в брошенный кем-то бесхозный киоск. Торгаши иронически называли пьянчужку Просто Марией, — совсем недавно по телевизору прошёл этот сериал. Просто Мария надсадно кашляла, плевалась кровью, грязное тряпье висело на ней как на огородном пугале. Казалось, у этой женщины совсем нет мышц, и состоит она из одного скелета. Просто Мария прокашляла на рынке целое лето и осень, а в ноябре умерла. То ли от съедавшего её туберкулёза, то ли от холода в отключённом от

электричества ларьке. А может быть, отравилась спиртом, кто теперь будет допытываться — от чего загнулась бомжиха?

Анна держалась, благодаря детям. Наташа оканчивала школу, девочке будет стыдно, если мать кто-нибудь увидит пьяной. Хватит и того, что Анна одевается как шаромыжка помойная. А куда ей, простите, фуфыриться? На базар, что ли? Хватит с неё и того тряпья, что продаётся в появившихся в Павлодаре “секонд хэндах”...

... Воспоминания утомили Анну, придя в себя, она с удивлением огляделась. Запущенный сад Андрея Владимировича, весенний запах сырой земли, и — небо, синее, такое глубокое, какое бывает только весной. Ломота в висках не дала вдоволь налюбоваться весной. Анна вернулась в дом и приняла оставленные Андреем Владимировичем лекарства. Чувствуя усталость, прилегла, не раздеваясь, на свою узкую кровать.

Тягостные мысли медленно текли в больной голове. Вернулась память — за всю её недолгую жизнь. Хорошо это или плохо? Было что-то, что Анна ещё не вспомнила. И это что-то пугало её, ибо скрывало в себе нечто ужасное.

С возвращением памяти речь не восстановилась, Анна уже попробовала говорить — ничего. Как будто и не было никогда этой способности. А память давила на мозг, пугая сокрытыми ужасами, память требовала полного осознания. И Анна дала ей волю. Пришедший на этот раз фрагмент её жизни оказался тяжелее всего, что было до этого.

Глава 10

... Анна проснулась от дикой жажды. Желтоватая, с привкусом железа, вода из кухонного крана была тёплой и противной. Как всё в этой тараканьей конуре. На замызганном столе — недопитая бутылка вина, стакан, консервированная рыба в пластиковой тарелке. Анна налила себе вина, привычно выпила. Девать себя было совершенно некуда. Да и нужно ли?

По-старушечьи подпершись ладошкой, она закурила. Вино теперь помогало слабо, Анна привыкла к нему. Требовалось нечто более сильное, для того, чтобы не думать о верёвке. По пластику стола осторожно, короткими перебежками, двигался таракан. Анна всегда боялась этой мерзости, в её доме тараканов не водилось. Она усмехнулась сама себе, — был ли он у неё — этот самый дом? Был. Незачем лгать себе. И дом был, и дети, и муж... Всё было, как у людей.

Они сыграли свадьбу в 1985 году. Не всё благополучно было на этой свадьбе. Игорь напился вдвоём со своим папашей, сидели на кухне, подальше от гостей, и медвежьим дуэтом тянули: “А я лягу-прилягу вдоль гостинца старого...”. Она, Анна, вытирала жёсткой газовой фатой мокрые глаза, рядом суетилась свекровь:

— Ну что, ну что случилось? Они — мужики, что ж с того, что выпили лишку?

Со свекровью Анне повезло — тётка простая и добрая. Она от свекрови и слова плохого не слышала. Свёкор — другое дело. Трезвый был угрюм и неразговорчив, в состоянии запоя изматывал домашних пьяным занудством. Впрочем, особо увлекаться спиртным тогда было непозволительно, и свёкор-батюшка, отлежавшись и отблевавшись, полз к знакомому врачу за бюллетенем. А как же, могли и с работы турнуть.

Игорь тоже выпивал, но не так, как его отец. Ну, придёт пьяным с полочки или аванса, или там с приятелями где тяпнет. Свекровь была права, — пили все.

Просто Анне, выросшей в старинной интеллигентской семье, не увлекающейся алкоголем, было трудно к этому привыкнуть.

На излёте советского развитого социализма ещё нельзя было не работать. К человеку, более месяца болтавшемуся без дела, запросто мог прийти участковый инспектор, вежливо поинтересоваться — почему не на работе?

Работали все. Это отнимало значительную часть времени, но зато приносило относительный достаток. В таком достатке жила и семья Анны. После рождения второй дочери, Анютки, семья даже смогла приобрести кооперативную квартиру. Двухкомнатную! Господи, сколько радости-то было...

Празднующийся, Игорь пропьянствовал всю неделю, взятую на работе в качестве отпуска без содержания. По пьянке и навешал Анне “фонарей”. Пришлось на работе пошло врать, будто упала с лестницы в подвале. Анна не боялась мужа, даже ещё любила, поэтому простила. Кроме того, она ведь тоже сидела за столом, разве что пила поменьше Игоря. К спиртному она потихоньку привыкла, живя в новой семье...

Сигарета догорела до фильтра, и длинный столбик серого пепла упал на стол. Анна тряхнула головой и налила себе ещё вина. Вино было — дрянь, “бормотуха” семипалатинская. Но Анна теперь только такое и пила. После него хоть не тошнит, как после водки.

Она вспомнила дочерей. Старшая, Наташа, уже замужем, снимают с мужем квартиру на Усолке. Зять вроде бы ничего попался. Немного легкомысленный, да они все сейчас такие, молодые. Анюточку было жаль. Девочка жила у деда с бабкой, Анна давно её не видела. С этой бродяжьей жизнью всё не до ребёнка. А ведь девочке уже семнадцать, очень сложный возраст.

Когда девочки были маленькими, всей семьёй выезжали на природу. Игорь не пил потому, что за рулём. Кто же поведёт старенькую “троечку”, если он выпьет? Блаженные были дни. Яростное блистание Иртыша, смешные маленькие удочки в тоненьких, как тростинки, руках дочерей, кружащийся в заводи красно-белый поплавок. За лето девочки загорали до черноты, особенно Анютка, темноволосая и темноглазая, как мать. А Игорь обнимал Анну и с гордостью говорил:

— Смотри, мать, каких мы девчонок растим!

Игорь был добр и сентиментален. Иногда вспылчив, но это быстро проходило. Злым Анна мужа не считала. Вспомнилось, как они любили утренние разговоры перед работой. Специально вставали пораньше, чтобы поболтать. Всё равно — о чём, лишь бы разговаривать. Игорь был неплохим собеседником, умел и рассказывать и слушать...

Передёрнувшись от брезгливости, Анна щелчком сбила таракана на пол. Чёртова тараканья дыра. Анна допила остатки вина, бросила в рот кусочек рыбы. Закуривая, подумала, что хорошо бы сейчас уснуть. Часы на руке показывали четверть третьего, за окном чернела ночь. “Отличная ночь для смерти и зла...” — завертелось в голове где-то слышанное. Кажется, у Наташи была кассета с такой вот дикой музыкой. Магнитофон Анна отдала молодым, когда они стали жить отдельно, свои кассеты с Моцартом и Бетховеном слушала на шипучем редакционном диктофоне. Получалось не очень, но всё-таки музыка.

Если бы у Анны была книга, можно было бы лечь на продавленный диван и читать. Книжки для Анны были своего рода наркотиком, они помогали забыться. Дома у Анны очень много книг...

Вино всё же начало оказывать какое-то действие, Анне стало полегче. Во всяком случае, перестала грезиться натянутая в облупленной ванной серая от

грязи верёвка. Анна ткнула окурком в консервную банку из-под той самой рыбы, что лежала в пластиковой тарелке, и ушла на диван. Казалось, ещё немного, и сон сморит её.

С чего началось разрушение? Трудно сказать. Наверное, с распада Советского Союза. Нет, Анна не страдала манией величия, просто её семья была одной из тех песчинок, сметённых вихрем хаотичных экономических преобразований. Сначала решила поэкспериментировать с коммерцией она, Анна. Брокерская контора — звучало заманчиво, но, к сожалению, совсем не приносило денег. Нужно было “крутиться”. У Анны это получалось плохо. Поэтому, когда закрылся Игорев комбинат, перед семьёй встала необходимость где-то добывать деньги.

На своей старенькой “троечке” Игорь и Анна объезжали окрестные деревни, скупали там мясо и продавали в городе. Наташа оканчивала школу, Анютка перешла в шестой класс. Девочки росли, и денег требовалось всё больше и больше.

В одной из деревень Игорю предложили купить семечки. Их переработали на масло, получилось выгодней, чем возиться с мясом. Стали заниматься семечками. И всё чаще и чаще вечером на столе появлялась бутылка водки. За столом спорили — кто больше работает, выясняли, “кто в доме хозяин”. Иногда доходило до драки. Тогда девочки быстренько одевались и сбежали к бабушке, Анниной свекрови. Иногда там же спасалась и сама Анна. Другого убежища она не имела. Игорь приходил к родительским дверям, требовал открыть, пытался ломать дверь...

Пружина в продавленном диване больно впиалась в бок. Анна нетерпеливо повернулась. На раме голого без штор окна жёлто мигал отблеск светофора, работающего в ночном автоматическом режиме. Это мерцание почему-то приводило Анну в бешенство. Как кто-то мог жить в этой трупобной квартире, да ещё и со светофором под окном?

Зима 1997 года обещала быть очень тяжёлой. Серьёзно поломалась машина, “подшаманив” её кое-как, Игорь продал “тройку”. По этому поводу пил неделю. Часть денег, вырученных за машину, Анна потратила на покупку “товара” — затарилась мылом, шампунями и стиральным порошком. Тогда вовсю процветала рыночная торговля, и Анна подалась на рынок.

Зима действительно была суровой. Чтобы выстоять весь день на морозе, приходилось надевать ватные штаны и целую кучу прочей тёплой одежды. Однако торговля кормила, бросить её было невозможно. К весне Анна “заработала” пиелонефрит и пневмонию. Кое-как подлечившись антибиотиками, снова вышла на базар, больше взять денег было негде.

Игорь периодически подрабатывал то там, то здесь, но чаще просто лежал дома и потягивал “палёный” спирт, купленный в киоске рядом с домом. Анна спирт не пила — брезговала. А вот водочки, чтобы согреться на морозе, не мешало. Торговки пили почти все — грелись. Иные к вечеру так “нагревались”, что лыка не вязали.

Что спасало Анну в те годы? Дети. Страх опозорить девочек, заставить их стыдиться матери. И ещё — книги и страсть к писанию. Она писала стихи, которые сама же считала плохими, пыталась написать мистический роман, но вместо этого получалось слабое подражание Кингу. Графомания — вот что держало Анну на плаву.

Светофор достал Анну своим миганием, она ушла на кухню и закурила. Серая верёвка во всей своей отвратительной притягательности вновь возникла перед глазами. Анна даже заглянула в ванную, распугав светом тараканов.

Верёвка была на месте, оставалось только принять решение. Вот это-то и было труднее всего...

... Наташа собралась замуж как-то неожиданно. Анна схватилась за голову — где взять денег на свадьбу? Но молодые спокойно объяснили, что никакой свадьбы им не нужно, они будут благодарны, если Анна поможет им снять однокомнатную квартиру. Жить под одной крышей с будущим тестем Наташин жених не хотел. Это было понятно, Игорь деградировал. Иногда он, словно спохватившись, бросал пить, отправлялся на поиски работы. Но таких, как он, в городе было слишком много, а работы — мало. Кончались эти попытки одинаково — запоем.

После ухода Наташи Анютка почти перестала бывать в родительском доме. У деда с бабкой было лучше. Про пьянствовавший молодость дед на старости лет спохватился и начал заботиться о своём здоровье, теперь пил он крайне редко.

А торговля на рынке становилась всё хуже и хуже. Шёл 1999 год, которому все придавали какое-то мистическое значение. На него торговки и сваливали свои финансовые неудачи. Но ларчик просто открывался — в городе появилось великое множество магазинов и магазинчиков, продававших те же товары, что и на рынках, но дешевле. Это была незнакомая советским людям рыночная конкуренция. Те, кто был пооборотистей, открывали свои магазинчики, неудачники, в число которых попала и Анна, потихоньку разорялись на рынке. Вдобавок ко всему едва ли не ежемесячно принимались какие-то новые законы, из которых строго соблюдались только те, которые касались сбора платежей в бюджет. Во всём прочем царила полная правовая неразбериха. Мутная вода, в которой легче ловить рыбу.

Анна с сожалением подумала о том, что купила вчера только одну бутылку вина. Сейчас бы выпить...

Как она пережила страшный 1999 год, Анна не знала. У неё уже не было денег на покупку товаров, а значит, её торговый статус резко понизился. Теперь она сидела в “пенсионерских” рядах со ржавыми железками, которые Игорь приволок из гаража. Иногда удавалось что-то продать, иногда приходилось заниматься на хлеб и сигареты у более удачливых соседей.

Игорь промышлял тем, что шлялся по свалкам, отыскивая цветной металлолом. Его теперь принимали едва ли не на каждой улице. Себе на выпивку Игорь наскребал, случалось, что и Анне “на хозяйство” сто-двести тенге перепало.

Свалился Игорь неожиданно. Шёл к Анне на базар, по пути повздорил с подвыпившей компанией. Избили его жестоко, со “скорой” попал прямо на хирургический стол — на удаление лопнувшей селезёнки. Что пережила Анна в ночь, когда узнала об этом, и вспоминать не хочется. О бесплатной медицине тогда уже и речи не было, за всё приходилось платить. Залезла в долги, продала оставшийся от бывшего благополучия видеомаягнитофон, всё-таки выходила мужа. Хорошо помнила врача, который, не смущаясь, принял от Анны в качестве платы за лечение вышедшие из моды китайские плащи, которыми одно время торговала Анна. С паршивой овцы — хоть шерсти клок. Наверное, никогда ей не забыть протёртого через сито судачка, которым можно было кормить мужа после операции, все эти кисели и супы-пюре...

Сидя в грязной чужой кухне, Анна курила одну сигарету за другой и вспоминала. Что ещё у неё осталось, кроме воспоминаний? Серая от грязи верёвка? И не принятое решение.

Эту квартиру за тысячу тенге в сутки Анне сдавала неопрятная старуха баба Катя. Анна ночевала здесь тогда, когда Игорь напивался. После операции

он не пил ровно два месяца. Это были самые счастливые для Анны дни за последние пять лет. Анна кормила мужа едва ли не с ложечки, покупала ему фрукты и деликатесы, допускаемые строгой послеоперационной диетой. Когда Игорь немного окреп, они стали ходить гулять. Как давно они не прогуливались вместе! Августовский Павлодар с его обыкновенной пылью и песчаными бурями казался Анне райским уголком. В душе проснулось нечто, давно похороненное вместе с юношескими мечтами, Анна испытывала к мужу ранящую нежность. Хотелось обнять его, прикрыть от всего недоброго мира, защитить...

От кого защитить-то — от самого себя? Не было у Игоря врага злее, чем он сам. Анна понимала его ужас и слабость, неодолимую тягу к спиртному, знала, что без жены Игорь пропадёт. Она была тем, что держало Игоря на плаву, не давало окончательно пойти ко дну. Эта его зависимость от жены ещё больше угнетала Игоря и, напившись, он старался отомстить Анне за всё. За то, что она более сильная, за то, что энергичная и деятельная, за то, что он, Игорь, живёт за её счёт. За свою собственную слабость и несостоятельность. Анна видела моральную деградацию мужа, знала о его противоестественной зависти к собственной жене. Она не была пассивной наблюдательницей, даже в очень трудное время тратила деньги на всевозможные “чудодейственные” препараты от алкоголизма, в наивной надежде на то, что “уж на этот-то раз поможет”. Не помогало ничего. А тетурам, которых Игорь согласился принимать, едва не привел к трагедии. Вслед за таблеткой Игорь выпил спирта и, чтобы доказать жене бесполезность её хлопот, принял ещё половину бутылочки тетурама. Ночью у Игоря начался острый приступ психического расстройства. Он метался по квартире с топориком для рубки мяса и кричал, что не позволит убить себя.

К счастью, в ту ночь пострадал только телефон, Игорь разнёс его топором, чтобы Анна не смогла вызвать “скорую”. Следующую ночь Анна с младшей дочерью провела у свекрови.

Больше она не предпринимала попыток исцелить мужа. Вместо этого стала уходить из дома, когда он напьётся.

На рынке день ото дня становилось всё хуже. Не видя перед собой ничего, кроме нищеты, Анна впала в безысходность. Теперь она уже не могла сопротивляться депрессии, её мучила бессонница, и всё чаще появлялось желание выпить вина. А всевозможные распивочные и закусочные заполнили город. Подавив брезгливость, Анна стала иногда забегать в них. Ей казалось, что всему конец. Супружеству, превратившемуся в тягостную неволю, молодости, которую Анна и рассмотреть не успела, самой жизни. Ещё немного, и оставалось идти рыться в мусорных баках...

Неожиданно Игорь нашёл себе работу. Это было спасительной соломинкой для Анны. Она реже стала появляться на рынке, на Игореву зарплату начала покупать мясо. Вернулась прежняя страсть к писательству, но теперь от мистики не осталось и следа, романов Анна тоже не начинала, так — скромные рассказы, и, совсем уж нехвата, юморески.

Игорь работал сутками через двое. Анне с дочерью было страшновато оставаться одной, чтобы преодолеть страх, она стала выпивать на ночь стакан вина в тот день, когда Игорь уходил на работу. Однажды в таком подпитии собрала несколько своих рассказиков и отправила почтой на имя редактора областной газеты. Отправила и забыла. Тем более что, прислушиваясь к страхам жены, Игорь поставил на железную дверь массивную задвижку, и необходимость в стакане вина на ночь отпала.

Как-то Игорь принёс с работы дворняжку, размером не больше кошки. Правая передняя лапа у животного чудовищно распухла.

— Машина отдала, — сказал Игорь. — Можешь что-нибудь сделать?

Анна вспомнила своё медицинское прошлое, осторожно осмотрела изуродованную конечность собаки.

— Когда это случилось?

— Давно. Недели две назад.

— Поздно, у пса началась гангрена.

Пёсик остался в квартире, Анна набиралась смелости для задуманного, а пока колола мохнатуму пациенту огромные дозы антибиотиков. На это уходило немало денег, и Анне пришлось поторопиться. Проводив мужа на работу, она выпила для храбрости вина, простерилизовала кое-какие инструменты и под древним эфирным наркозом отпилила псу искалеченную лапу. Накладывая швы культы, подумала, что собачье строение не слишком-то отличается от человеческого. Уж на человеческую анатомию она насмотрелась в хирургическом отделении, где работала санитаркой.

Вернувшиеся утром Игорь и Аня, гостившая у бабушки, ахнули — пёс (теперь он звался Бобом) ковылял на трёх лапах, поджав забинтованную культяпку под грудь. Игорь странно, даже с каким-то испугом поглядел на Анну.

Боб подтвердил расхожую поговорку “зажило, как на собаке”, поправлялся пёсик очень быстро. Швы сгрыз сам, Анна ничего не могла с ним поделать, он постоянно срывал повязки. А вскоре нужда в них отпала, культя затянулась тоненьким и розовым первичным рубцом. Тогда Игорь смастерил псу деревянный “протез” и унёс его назад, на работу. К удивлению Анны, пёсик выжил.

Анна вновь стала ходить на базар. В один из дней Игорь сказал:

— Тебе звонил какой-то Крымов. Оставил телефон, чтобы ты перезвонила.

Крымовым звали редактора областной газеты, которому Анна послала свои писульки. Повертев в руках клочок бумаги с наспех набросанным на нём Игоревой рукой телефонным номером, Анна почувствовала, что боится. Чего — своей шкодной проделки, отнявшей время у серьёзного и занятого человека? Позвонил ли он, чтобы намылить ей шею? Тогда зачем оставил свой телефон? Анна пожала плечами. Конечно, о работе в газете можно только мечтать, но разве это для неё? Разве может она — с суконным рылом, да в калашный ряд? Там же — мэтры, имена которых знает вся область. Разве им нужна недоучка Анна со своими глупыми писулками?

Однако не позвонить было нельзя, просто невежливо. И она позвонила. Ответил незнакомый мужской голос, чуть с хрипотцой, но, в общем, приятный. Назвался Алексеем Аркадьевичем и... предложил встретиться для беседы. Анна обомлела — решил лично проучить выскочку, и времени не пожалел. Иного Анна не могла себе представить.

— Ну что? — спросил Игорь, всё время разговора вертевшийся рядом.

— Приглашает для беседы.

— Тебя?! Не смеши.

Игорь саркастически усмехнулся и ушёл в зал.

— Кому ты такая нужна? Репортё-орка, — ехидно протянул он оттуда.

Анна не стала спорить. Неделю назад Игоря в очередной раз выгнали с работы, и он заливал горе спиртом. В таком состоянии муж бывал опасен.

Как и было договорено, в понедельник отправилась в редакцию. Кто бы знал, как трудно после стольких лет нищенства одеться поприличней. Анна долго ожидала в приёмной, ёжась под строгим взглядом секретарши, терзала носовой

платок на коленях, прикрытых единственной целой юбкой. Ужасно хотелось спрятать под стул ноги в старых красных сапогах, подошвы которых криво и косо переставлял Игорь.

Стыдясь своего убожества, Анна едва не сиганула в коридор, когда деревянная лакированная дверь наконец-то открылась и уже знакомый голос с хрипотцой позвал:

— Входите.

Анна вошла, едва слыша, что ей говорит хозяин кабинета. А он, как оказалось, ничего особенного не говорил, просто пригласил садиться. Разговор, который состоялся между Анной и Крымовым, она запомнила надолго. Её хвалили. Осторожно, впрочем, но — умному — достаточно. Анна вскинула глаза. Нет, это всерьёз. Крымов и не думал смеяться.

Домой летела как на крыльях, унося в душе своё первое “газетное” задание. И было глубоко плевать, что у сапога наполовину оторвалась подошва, и что весенний талый снег набился в сапог и, превратившись в воду, хлюпал там...

Охладил её восторги, как всегда, Игорь. Он опять был пьян, но, по его мнению, недостаточно. Требовал денег.

— Где я тебе возьму, — сказала Анна, — я же сегодня не была на базаре.

— Ах, да, ты же в редакцию ходила.

Это “в редакцию” прозвучало так ядовито... Анна махнула рукой и ушла на улицу. Всё равно ведь не отстанет.

Март уже заканчивал свой недолгий оттепельный денёк. В капроновых колготках было холодно, мокрые ноги мёрзли. Анна покрутилась у знакомого магазинчика. Работает Люся или нет?

Ей повезло, Люся работала. Налетела с расспросами — как да что. Увидев, что Анна стучит зубами от холода, сунула в “микроволновку” булку с сосиской и налила стакан вина.

— Да у меня денег нет...

— Ладно, потом отдашь.

Вино приятно согрело желудок, дрожь прекратилась. Люся затащила Анну в подсобку и сунула подогретую булочку — ешь и рассказывай...

Анна покрутила головой, вспоминая. В этой тараканьей щели грезилось что-то... чистое и красивое, горделивое и честное. Работа. Свою работу Анна полюбила сразу и навсегда. Игорь пил всё так же, да ещё и стал впадать в запой. Анну держала работа. О, если бы можно было не уходить из сумрачного кабинета на ночь! Но это исключалось. Да и пил Игорь не всегда. В один из светлых его промежутков, наслушавшись лживых (знала ведь!) обещаний, устроила его на работу. Впервые после трёх лет безделья. Продержался ровно неделю, потом ушёл в запой. Из уважения к Анне руководство предприятия не стало портить алкоголику трудовую книжку, уволили “по собственному желанию”...

Анна задумалась. Не всегда же было плохо, бывало в жизни и хорошее. Прогулка с девочками по зелёному летнему городу, трезвый Игорь несёт на руках трёхлетнюю Анютку, Наташа всё пытается вырвать у матери ручонку. Не по годам самостоятельный ребёнок. А солнце прыгает через зелёное кружево листвы, играет зайчиками на асфальте...

Ещё — когда ходили покупать машину. Подержанную, старенькую, но на новую денег не хватало. Анна вспомнила свои ощущения, когда впервые села в свою (собственную!) машину. Игорь осторожно выворачивал из двора, а Анна едва не визжала от восторга — машина-то — своя!

На этой машине они исколесили половину области. Ездили отдыхать, на рыбалку, в гости. Потом машина стала кормилицей. Жили за её счёт, пока не продали.

Однако — вздыхай не вздыхай — время назад не вернётся. И выпитая бутылка не наполнится. Анна припомнила, что где-то рядом, на углу, есть кругло-суточный магазин. Там торгуют вином.

Когда она превратилась в алкоголичку? Сама не заметила. Да и какое теперь ей дело до этого? Она сходила за вином, выпила, и верёвка перестала маячить перед глазами. Перекурив, вытянулась на диване, радостно впившемся в рёбра своими оголёнными пружинами. Анна за эту халупу тысячу за ночь платила. А ведь было когда-то и не так страшно.

Анна помнила — сырой сентябрьский день, но ещё тепло, чтобы кутаться в куртку. Она идёт по улице, над головой зонт, в руке — книжка. Книги всегда спасали Анну от самой себя. Может быть, поэтому она всё время пыталась написать собственную?

На улице тихо, только мелкий дождь уютно барабанит по зонту. Анна только что выскочила из дома, от пьяной ругани Игоря. Теперь брела куда глаза глядят. А они большей частью глядели в книжку. На работе Анну ценили, и выглядела она теперь вовсе не такой замарашкой, как пять лет назад. Поэтому местные выпивохи приходили в изумление, когда она, не глядя ни на кого, заходила в кафе и пила у стойки свой стакан вина. А потом продолжала свой путь, привычно отшивая кого-нибудь из увязавшихся за нею пьянчуг. Анну интересовали только работа и книги. Убедившись в её безразличии к нему, Игорь пытался затеять истерику, раз даже поколотил жену. Анна пережила сломанный нос и связанные с ним “удовольствия”, но теперь не подпускала мужа к себе и на метр. Чуть что — сразу за дверь. Не сумев отстоять мужа у “зелёного змия”, она отставила свою свободу. Пару раз в дело вмешивался участковый, и Игорь с позором отбывал пресловутые “пятнадцать суток”. Вернувшись, свирепел ещё больше.

Почему Анна не развелась с мужем? Она и сама неоднократно задавалась этим вопросом. Она хорошо зарабатывала, помогала старшей дочери, покупала вещи для младшей, жившей у свекрови. Анна совсем неплохо жила бы, сумей она избавиться от алкоголика. Неоднократно собирала документы на развод, но, дождавшись, когда Игорь протрезвеет настолько, чтобы можно было с ним обговорить условия развода, меняла своё решение. Игорь был жалок. Жалок и ничтожен. Он валялся у жены в ногах, плакал, кричал, что он без неё пропадёт.

— А с тобой пропадем мы все, — возражала Анна.

— Я исправлюсь! Я брошу пить, устроюсь на работу! — вдохновенно врал Игорь и, кажется, верил в то, что говорил.

Анна прекрасно понимала, — в чём дело. Её Игорь был не единственным, кого так искорёжила перестройка. Много их, серых советских мужичков, привыкших к своему стойлу, к вечной колее — дом, работа, дом, аванс — выпивка, получка — тоже. Не случись в их жизни перестройки, так и дотрюхали бы они до почётной пенсии, ковырялись бы на даче, с внуками нянчились. Излом, прошедший через всю великую страну, тянулся и через души этих, ничем не примечательных людей, превратив их в лохмотья самих себя. Анна знала Игоря другим, знала и то, что он таким уже не станет. Развестись — это просто. Строить свою собственную, нормальную жизнь, а Игорь... Игорь пусть отправляется умирать под забор? Анна знала, что так и случится, её муж просто не способен позаботиться о себе. Но и жить так дальше невозможно, разве пройдут бесследно все эти пьяные скандалы? Разве забудет Анютка бранный рёв пьяного отца и беспомощность матери? Наташа-то выскочила замуж, лишь бы избавиться от всего этого...

На работе-то всё хорошо. Там никто и не догадывается о том, что Анна пьёт. В командировках, на редакционных сабантуях и вылазках на природу Анна всегда наотрез отказывается от спиртного. Зачем ей лишние разговоры? Да и после работы пьёт не всегда, только тогда, когда пьяный Игорь выживает её из дома. Железная задвижка, установленная Игорем по её же просьбе, сыграла с нею злую шутку. Если раньше, побродив по улице и дождавшись, когда пьяный муж уснёт, Анна возвращалась домой, на цыпочках прокрадывалась в спальню, то теперь, оказавшись по другую сторону двери, домой попасть она уже не могла. Бродила по городу, пила вино в забегаловках. Можно ли вообще не пить? Конечно. Но слишком тяжело, если не видишь света в конце тоннеля.

Анна выползла на кухню, выпила ещё и вернулась на диван. Будь оно проклято это замужество! Клетка. Капкан, лишивший свободы. Бейся теперь, ломай руки в тоске о полёте — ничего уже никогда не будет!

Мигание светофора вывело Анну из себя. Ну сколько можно! Если бы не дождь, шелестящий по стёклам, впору бы удавиться. Анна выругала светофор и снова переместилась на кухню. Господи, как медленно капает время! Грязно-серая верёвка выглядит всё заманчивей. Это решит все проблемы. Нет, не все, Анютка останется сиротой. И никогда не будет дописана красивая, щемящая душу повесть, которую Анна начала месяц назад. К чёрту! Уж лучше напиться. Как Игорь — до бесчувствия. Завтра всё равно выходной, и деваться Анне совершенно некуда. Сидеть в этой замызанной конуре и думать о верёвке...

Было ещё светлое в жизни Анны, но пришло слишком поздно, ничего уже нельзя было сделать. Поздняя, горькая любовь не изменила жизнь Анны к лучшему, ведь она осталась безответной. Да и вряд ли тайный возлюбленный Анны догадывался о её чувствах. Так и осталась эта любовь мертворождённой...

Понимая, что сходит с ума, Анна, пошатываясь, прошла в ванную и сдёрнула с крючьев висевшую там верёвку. Мусорного ведра в квартире не имелось, пришлось просто швырнуть верёвку под порог. Вот как, даже избавиться от этой гадости не так уж просто.

Свою маленькую победу Анна запила остатками вина и свалилась головой на стол. Теперь мысли не донимали её, охваченную мертвецким пьяным сном...

Сон, к сожалению, не мог успокоить её надолго, и через полчаса, охая, она растирала занемевшую от неудобного положения руку. Чёрт! Надо же было так свалиться. Анна покрутила головой, разминая шею, попила воды из крана. Проснулись мысли. Как не мудри, а жить некуда. Тупик. Работа? Она хороша, она спасает... ненадолго. А куда девать себя бесплодной и тягучей ночью?

На улице всё так же шелестел дождь, непроглядная тьма, прорезаемая оранжевыми вспышками светофора, казалась концом света. У каждого человека свой конец света. Об этом подумалось лениво, необедительно. Вот настал и её. Больше ждать нечего.

Цепляясь за стены, Анна выбрела в прихожую. Наклонившись за верёвкой, едва не упала. Непослушные пальцы всё же сумели завязать узел понадежней. Вот так. Остались сущие пустяки. Анна влезла на край ободранной ванны, прикрепила конец верёвки к крюку, на котором когда-то висел душ, и сунула голову в приготовленную петлю. Последнее, о чём она успела подумать — сиротство Анютки и... неудачная, несостоявшаяся любовь...

... В себя Анна приходила долго и трудно. Болел ушибленный затылок, драго в горле, вселенская стужа охватила спину. Если бы опять забыться! Однако жизнь не отпускала Анну, и она начала карабкаться из скользкой, невероятно грязной ванны. Перед глазами всё плыло, пальцы, ломая ногти, срывались со

щербатой поверхности некогда эмалированной ванны. Всё-таки Анна выбралась. С отвращением сдёрнула с шеи обрывок корявой верёвки, не выдержавшей даже её тщедушного тела. Под непрерывный стук пульса в ушах добралась до раковины. Тёплая вода с металлическим привкусом с трудом протиснулась в горло. Болела, казалось, каждая клеточка тела. Анна попробовала выпрямиться, это удалось с трудом. Зато мыслей не было никаких, абсолютный вакуум.

Плянув во тьму за окном, Анна начала собираться. Куда и зачем — понимала плохо. Катарсис — мелькнуло в опустелой голове. На полу у входной двери лежал ржавый молоток с короткой ручкой. Зачем Анна взяла его, она понимала плохо. Молоток лёг в большой, по моде, карман демисезонного пальто.

Улица встретила Анну дождём. Он, наверное, не прекращался всю ночь. Ну и что? Анна подняла голову, и холодные капли потекли по её лицу. Легче от этого не стало, но стук в висках сделался потише. Выйдя на освещённую омертвелыми люминесцентными фонарями улицу, Анна задумалась: куда же теперь? А какая разница? Раз нет никакой, побрела куда придётся. Ей ничего не хотелось, даже пить. Даже существовать. То, что всё ещё приходилось как-то функционировать, было мучительно. Это немилосердно — длить жизнь, когда человек так устаёт.

Рядом с Анной притормозила большая, блестящая от дождя машина.

— Садись, красотка, — сказал кто-то в открытую дверцу.

Не задумываясь, Анна покорно села. В машине пахло застарелым табачным дымом и потом. За рулём восседала, подпирая его брюхом, глыба самцового мяса. Анне стало дурно, она замотала головой. Мужик оценивающе посмотрел на неё и пробурчал: “С пивом пойдёт”.

Анна плохо понимала, что с ней происходит, почему она сидит в этой машине и куда едет. Стук в висках превратился в вой кровотока в ушах, и ей казалось странным, что этого звука никто не слышит.

Машина долго петляла по каким-то закоулкам, проваливалась в ямы, лениво переваливала через ухабы и, наконец, остановилась на странном поле, усеянном холмиками и холмами непонятного происхождения.

— Что это — свалка? — машинально спросила Анна.

— А тебя прикажешь в “Сарыярку” везти? — дохнул нечищеными зубами мужик. — И здесь хороша будешь.

Анна судорожно заскребла руками по дверце, пытаясь её открыть. Смерть — это одно, насилие — совсем другое. Умереть она была готова хоть сейчас...

— Куда, с-сука! — рывкнул мужик, но Анна уже открыла дверь и вывалилась прямо в чавкнущую грязь.

Она бежала, скользя и спотыкаясь, перепрыгивала какие-то горки и, слыша за спиной хрипкое дыхание преследователя, задыхалась ужасом. Это же хуже, чем смерть, хуже этого ничего не может быть!

Он ударил её по голове чем-то тяжёлым, наверное, сумочкой-барсеткой, которую Анна видела в его руке, оглянувшись на бегу. Сознания Анна не потеряла, просто остановилась, будто врезавшись в стену. И тут же сильные лапы обхватили её, она почувствовала на своём лице зловонное дыхание. Что было силы, Анна врезала коленом в пах вцепившейся в неё туши. Казалось, ржавый молоток сам прыгнул в руку, и Анна, размахнувшись, ударила. Куда — не видела, но преследователь захрипел и грузно осел на землю. Рядом в жидкую грязь упали раскрывшаяся от удара барсетка и сотовый телефон. Анна огляделась, пытаясь осмыслить происходящее. На восточном краю бугристого поля зеленел рассветом край неба. Разве на свалке тоже бывает рассвет? “Ты убила его!” — ахнул

кто-то Анне в уши. “Но ведь я защищалась”, — возразила Анна мысленно. “Ты — убийца!” — панически завизжало в ушах. “Нет, нет!” — вслух закричала Анна.

Совершенно неуместные звуки прервали этот странный внутренний диалог. Откуда-то из-под земли слышалась “Шутка” Баха. Это показалось очень страшным, волосы зашевелились на Анниной голове. Она посмотрела вниз. Наполовину утонув в грязи, весело наигрывал сотовый телефон, высвистывала изящные трели искусственная флейта. Это было выше её сил, и Анна наступила на пиликавшую безделушку. Всё смолкло, только шелестел дождь, да в сумраке расцвета мелкие, прижимающиеся к раскисшей земле тени скользили вдали. “Собаки”, — поняла Анна, не успев испугаться.

Собираясь куда-то идти (куда?), она споткнулась. Под ногами всё ещё лежала раскрытая сумочка, а в ней — твёрдыми, глянцевито-целлофановыми блоками — деньги. Доллары. Очень много денег, Анна столько никогда не видела. Машинально она нагнулась и подобрала барсетку. В голове выли нечеловеческие голоса, иногда Анне казалось, что она может разобрать отдельные слова. Но это только казалось. Брезгливо обойдя ставшее ещё одной грудой мусора тело своего преследователя, Анна побрела прочь. Выбравшись со свалки, поняла, что одной рукой прижимает к боку барсетку, а в другой всё ещё держит молоток. Обернулась и зашвырнула его подальше, в сторону свалки.

Она шла по рассветной улице, и её шатало. Непрекращающийся вой в голове перерастал в боль, а боль глушила все слабые мысли, могущие возникнуть в воспалённом мозгу. Неожиданно Анне показалось, что за нею кто-то гонится, и она побежала. То есть, подумала, что побежала, на самом деле она едва переставляла ноги. Что-то, может быть, инстинкт, заставило её подобрать мокрый пакет с оторванной ручкой, в него Анна затолкала барсетку. Пакет завязала узлом.

Куда она шла — Анна не знала. Город стал диковинным и неузнаваемым, даже люди, появляющиеся на улицах, выглядели не так, как всегда. Странные, странные люди. Они со значением поглядывали на Анну, ей казалось, что они перешёптываются у неё за спиной, делают друг другу тайные знаки. Это с каждым шагом пугало Анну всё больше и больше, она ускорила шаг.

Автобус, подошедший к остановке, показался Анне знакомым и безопасным, она торопливо нырнула в радушно распахнутые двери. Автобус, в самом деле, был безопасным, потому что привёз Анну в единственное место, где она чувствовала себя хорошо — на работу. Был выходной, но охранник узнал Анну и открыл ей дверь. В своём кабинете Анна наконец-то выпустила из рук мокрый пакет и упала в кресло. Глаза её слипались, она уснула бы немедленно, если бы не этот вой в ушах. Анна пробовала зажимать уши, это не помогало, тогда она порылась в столе, извлекла из его глубин косметичку, в которой (она помнила) хранились лекарства. Был среди них и транквилизатор. Анна приняла оставшиеся в пачке четыре таблетки, запила водой. Её взгляд упал на мокрый и грязный пакет на столе. Отчего-то этот пакет показался важным, голоса взвыли предостерегающе. Анна оглядела кабинет. В углу стоял старый сейф. Сейчас уже таких несгораемых монстров не делают. Ключи от сейфа были утеряны давным-давно, ещё до прихода Анны в редакцию. Однажды Анна шутки ради попробовала подобрать к нему ключ и, что удивительно, ей это удалось. Её ключ от квартиры подошёл, как родной.

Не раздумывая долго, Анна сунула безобразный пакет в сейф и закрыла ключом его толстую дверцу. Голоса в голове злорадно ахнули и затянули свою невообразимую какофонию. Анна сжала виски грязными ладонями, рухнула в кресло и потеряла сознание...

Эпилог

Теперь, когда всё встало на свои места, встало невероятно, чудовищно, Анна больше не думала о себе. Думала об Орбеляне, скорей всего, погибшем из-за неё, о незнакомом Капустине, без вины виноватом, запертом в следственном изоляторе, о том, что она, убийца, разгуливает на свободе, имея статус сумасшедшей, и что именно поэтому ей ничего не грозит, кроме пожизненного содержания в интернате психохроников. Профессор Зимин, наша с вами операция отменяется. Простите, Андрей Владимирович, я не оправдала ваших надежд.

Знать — мало, нужно донести это знание до тех, в чьей власти карать и миловать от имени закона. Поверят ли ей? Это же бред сумасшедшей. И всё-таки Анна рискнула.

Писала она очень долго, со всеми памятливыми подробностями, писала о том, чего не мог знать человек, не совершивший этого. И главной ставкой в её игре стали деньги. Те самые восемьдесят тысяч долларов, хранимые в обычном платяном шкафу.

Когда всё было кончено, Анна изнемогала от усталости. Головная боль скручивала мозг, в глазах темнело. Но нужно было сделать ещё кое-что.

Анна с трудом оделась, взяла с собой свои документы, проклятые доллары в барсетке и письменное признание. Пока добралась до полиции, пять раз отдыхала на сырых после дождя скамеечках. Теперь простуда уже не имела для неё никакого значения. Убийство человека, смерть Игоря (страшная, страшная смерть, разве он заслужил такую?), боль, избавиться от которой невозможно. Это опухоль мозга, Зимин был прав. И Анна вовсе не такая дура, чтобы не понять, для чего проводилось повторное обследование и какая нужна операция. Значит, диагноз “шизофрения” будет снят с её бедного мозга, и она будет признана вменяемой. Но долго отягощать собою землю не придёт. Анна это чувствовала. Она, Анна, в этом мире — фактор неожиданности. Просто случайность. Случайности не бывают долговечными.

Высокая дверь следственного отделения закрылась за Анной, отрезая её от всего мира, так и не принявшего её...

... Яркое солнце заливало майскую улицу, на которой оказался отвыкший от живого солнечного света тридцатишестилетний Юра Капустин. Позади были мрачные стены следственного изолятора, спёртый дух камеры. Впереди — чисто вымытая недавним дождём улица, жена Света и ребяташки — Костя и Алёнка, которых он не видел более полугода. У Юры Капустина начиналась новая жизнь, простая и ясная, как этот майский день. И жить было здорово! Дышать весенней свежестью мая, любить весь мир, такой милосердный к нему, Юре Капустину. По-телячьи взбрыкнув, Юра закричал: “О-го-го!” и припустил вдоль улицы.

Куривятся на крыльце полицейские переглянулись и захохотали.

— Надо же, как свобода голову кружит!

г. Павлодар.

Оживив огонь в Золе

Надежда Чернова — исключительное явление в русской поэзии Казахстана. С первых своих стихов — ярких, запоминающихся, неординарных. Откуда родилась эта стихия? От земли баянаульской да прииртышской, от песенной родовой — курян да сибирских казаков. Недавно Надежда пробным тиражом в сто экземпляров выпустила свою родословную. И есть там такой фрагмент: отец, рассказывая девочке о её родне, говорит: “Нас много”.

“Нас много!” — ликуя, бежит она среди лугов, цветов, трав... Вот эта всеохватность — “нас много!” — всегда жила и живёт в поэзии Надежды Черновой. В ней всего много — красок, солнца, простора, неба, речной быстрины, земной щедрости — вольной вольницы и хороших людей.

Языческая образность, метафоричность в её молодых стихах была через край, была даже какой-то чрезмерной, неэкономной, порой как бы не оставляющей места для глубокого прочувствования. Общность образной стихии роднила её с Павлом Васильевым. Пожалуй, только его эпического размаха ей не дано было вкушать. И в какой-то момент показалось, что она достигла своей предельной высоты, ничего нового мы от неё не услышим. Но что значит поэт в развитии! Что значит долгое, глубокое дыхание, непрекращающаяся работа души! Когда многие её сверстники и тем более сверстницы перестали писать либо существуют в стихотворчестве на остатках бывшего дара, Надежда Чернова выходит на совершенно новый уровень постижения бытия, новое качество поэзии.

И здесь существен не столько внешний пласт — развал огромной страны, утрата общего культурного и литературного поля — а надо сказать, что она, как, может, никто другой у нас, была вовлечена в большое всесоюзное литературное общение. После седьмого совещания молодых писателей в Москве её усиленно оставляли в столице, стараясь поочередно перетянуть на свою сторону — и “славянофилы”, и “западники”. Но ей никогда не были интересны околотитулярная борьба, составление табели о рангах, выявление собственной значимости на фоне других. Её поэзия самобытна и самодостаточна, ей не нужен фон. Последние полтора десятилетия стали тому особым подтверждением.

Её тяготение к внутреннему развитию словно было услышано судьбой — ей даруется возможность погрузиться в русскую эмигрантскую литературу и среду рубежа XX столетия, она работает с архивом Кноррингов-Софиевых, но и живая жизнь открывается новыми гранями и глубинами — дружбы, общения, любви. Помимо работы над своей родословной, которая требует особого разговора, Надежда Чернова много размышляет о творческой природе, занимается изысканиями в жизни и творчестве любимых поэтов. Свои заметки о Пушкине, Лермонтове, Блоке она называет “фантазиями”, не претендуя на область литературоведения. Но в них случаются прозрения, доступные только поэту в разговоре о поэзии.

За эти глубины в поэзии, где “всё превратилось в любовь — в спокойное, вечное чувство”, дорого заплачено. Но, лелея и любя свои потери, не расставаясь с ними, душа её умиротворяется, расцветает и крепнет. И этой окрепшей христианской душе единственной по силам ныне “оживить огонь в золе” — в золе уходящего времени, сгоревших надежд, тщетных предостережений. А есть ли более трудная задача у поэзии?

Любовь ШАШКОВА.

Надежда ЧЕРНОВА

“Сказки детские степи...”

Обойдёт рыбачьи снасти
И покатится луна
Из огнистой рыбьей пасти
В облака,
где тишина.

Тут же дудочку пастушью
Своим светом ослепит,
И расскажет та послушно
Сказки детские степи.

Надежда Михайловна ЧЕРНОВА

родилась в селе Баянаул Павлодарской области, окончила факультет журналистики Казахского государственного университета имени С. М. Кирова.

Автор одиннадцати книг: “Возраст августа”, “Цветущий саксаул”, “Помню”, “Кочевница-Жизнь”, “Бродячие сюжеты”, “Только о любви”, “На два голоса”, “Солнцеворот”, “Огнецвет”, “Приди и останься”, “Небесный Дом”.

Переводила казахских, уйгурских, туркменских, чечено-ингушских, украинских, болгарских, французских и др. поэтов. Её стихи так же переведены на несколько языков. Печаталась в журналах: “Простор”, “Нива” (Казахстан), “Дружба народов”, “Огонёк”, “Юность” (Москва), “Нева” (Ленинград), “День-Ночь” (Красноярск), “Си-

бирские Афины” (Томск), “Литературный Азербайджан”, “Литературная Киргизия”, “Ашхабад”, “Литературная Чечено-Ингушетия”, “Послания” (Франция), “Звезда Востока” (Узбекистан), “Галилея” (Израиль), во многих сборниках, в том числе: “Струны домбры” (Украина), “Домбра Дорбоонноро” (Якутия), “Современное русское зарубежье” (антология, Москва) и др. Двадцать пять лет проработала в журнале “Простор”.

В этом году у Надежды Черновой юбилей. Редакция “Нивы” сердечно поздравляет Надежду Михайловну с этим событием, с награждением орденом “Курмет” и желает крепкого здоровья и долголетия, счастливых мгновений на жизненных путях-дорогах, новых творческих радостей, поэтических озарений и достижений на благо русской литературы Казахстана!

Как молочная дорога
Прямо с неба пролилась,
Как живёт сияньем Бога
Золотая Рыба-Язь.

Вьётся вдаль тропа степная,
Музыкант бредёт на шум.
Дует в дудочку, не зная,
Что придёт ему на ум.

Если песня удаётся,
Оживив огонь в золе,
То в восторге он смеётся,
Бьёт ладонью по земле.

А уж если не поётся
И молчит небесный свод,
То сидит он у колодца
И подземных звуков ждёт.

Нет ни звёзд, ни песни новой,
Но в молчанье до утра
В его дудочке кленовой
Слышен шёпот нежных трав...

Мы будем стареть и стареть,
Клониться к земле понемногу,
И ветер придёт, чтоб стереть
Пробитую нами дорогу.

Завьётся весёлая пыль,
Взбодрённая в поле конями,
Пока говорящий ковыль,
Поющий, звенящий ковыль
Её не обнимет корнями.

Как тихо!
Не мечется кровь
В пылу молодого беспутства,
И всё превратилось в любовь —
В спокойное, вечное чувство...

Восточная быль

В одинокую ночь, когда точится лунная пыль,
Я в пустыне моей вспоминаю восточную быль.

В стародавнем кургане степную царевну нашли,
Её плоть истончилась и стала чернее земли.

Потускнели запястья и шёлк её платья погас,
Но нельзя отвести от царевны восторженных глаз.

Как божественный воздух, сияет её красота,
Хоть незрима она, хоть могила степная пуста.

Да и люди твердят, что была неказиста она,
Но любила всю жизнь — без надежд, без ответа, одна.

Может, истина здесь: так любить, что не страшен и тлен,
И не ждать от небес ни наград, ни блаженства взамен.

Эта была, как загадка. Я думаю часто о ней
В одинокие ночи, в пустыне холодной моей...

Я стала жить по-стариковски —
Люблю размеренную жизнь:
Тандырный хлеб и сыр литовский
В саду,
 где яблок завались,
Где столько жёлтых тёплых пятен
На листьях с отблеском огня,
Где и таинствен, и понятен
Родник в ладонях у меня,
Где ходит маятником лето
По кругу солнечных часов.
Так день за днём —
 и в радость это,
И не хочу ни бурь, ни слов.

Что перемены? Тяжба с ленью?
Что ловля ветра? Страсти дым?
Перед июльской светотенью,
Перед мгновением живым...

Цветёт сирень

Цветёт сирень по шумным скверам.
Весна! И мы опять живём.
Старухи делят кавалера,
При орденах и офицера,
А он грохочет костылём.

А он-то хочет — молодую,
Бедой не битую, такую,
Чтоб сердце взмыло к небесам.
Она идёт — а день сияет,
Идёт, как в том победном мае,
Когда он молод был и сам.

Цветёт сирень весною синей.
На каблуках и в крепсатине
Спешит красавица в горсад.
Ей тоже надо — молодого,
Без костыля и не седого,
Такого — пусть и без наград.

Сидят старухи у забора
И поджидают ухажёра.
Он им сирени принесёт,
Войну припомнит, злые ночи...
Старухи знают всё до точки,
Но слушают, разинув рот.

Цветёт сирень, и отцветает.
В горсаде музыка играет,
А ветеран седой суров.
Слезу ладошкой утирает,
Сирень дурманную ломает
И обнимает старых вдов.

Напрасных лет на свете не бывает,
Всё для чего-то было, всё — урок.
Пылит песок, речушка убывает,
Колосьям хлеба молится сурок.

Читай судьбу свою — так много знаков:
И гром небесный, и морской раскат.
У всех исход, конечно, одинаков,
Но первый луч,
Но полдень,
Но закат...

Мне выпало в жизни сполна
Любви и забвенья, и славы,
Но в радость лишь речка одна,
Бегущая в дебрях дубравы,
В поющем живом камыше,
У храма Бориса и Глеба,
Ведь в речке лесной, как в душе,
Всегда отражается небо.

Летопись, пропущенная через сердце

Юрий Поминов, на мой взгляд, в особом представлении не нуждается. Во-первых, в Павлодарской области его хорошо знают как авторитетного редактора солидной и популярной в народе старейшей газеты “Звезда Прииртышья”, прочно занимающего эту ответственную и в то же время “просвечиваемую” со всех сторон и во многих отношениях очень неудобную должность с сентября 1988 года (!). И это в непредсказуемый и нестабильный период современного бытия, что само по себе явление исключительное, достойное Книги рекордов Гиннесса.

Во-вторых, он редактор активно пишущий (в отличие от других коллег), умело сочетающий повседневные нелёгкие обязанности с собственным творчеством. И не только журналистским (а в газетном ремесле Юрий Поминов профессионал высочайшего класса), но и литературным.

Его добротные произведения характеризуют автора как вдумчивого и проницательного писателя-документалиста, исследователя, обладающего подлинным художественным вкусом, хорошим литературным языком, широтой кругозора, глубиной постижения действительности и умением создавать яркие и запоминающиеся образы не вымышленных писательским воображением персонажей, а реальных героев, своих земляков, что особенно трудно.

И об этом красноречиво свидетельствуют книги Юрия Поминова “Крупный клин”, “Помню и люблю”, “Характеры”, “Живу”, “Мои современники”, “Между прошлым и будущим”, которыми автор не только продолжает лучшие традиции российской и казахстанской документальной прозы, но и развивает их, внося в свои произведения своеобразие и собственную неповторимую интонацию.

Особое место в творчестве Ю. Поминова занимает жанр окрашенных мягким юмором, незлобивой иронией и доброй шуткой миниатюр, составивших замечательную и занимательную книжку “Блёстки” и сделанных уверенной рукой мастера, умеющего отбирать в жизненном многообразии пикантные эпизоды, отдельные ёмкие фразы, парадоксальные высказывания, тщательно просеивать их, ограничивать, превращая в блестящие самоцветы.

В общем, литературный талант Ю. Поминова самобытен и не вызывает сомнений. Утверждаю это на том основании, что прочёл все книги Юрия Дмитриевича самым внимательным образом. Более того, многие творения из них вначале были опубликованы в журнале “Нива” и вызвали неподдельный читательский интерес.

Ныне, в период духовного обнищания общества, хаотичный книжный рынок в основном потрафляет нетребовательным читательским вкусам, его заполонило низкопробное бульварное чтиво, размывающее нравственные устои, развращающее действующее прежде всего на неопытную и незрелую молодёжь. И в этом бурном и грязном потоке умные и серьёзные книги — большая редкость. К тому же, о чём приходится только сожалеть, они не всегда находят заинтересованного читателя.

Видимо, можно сказать, что Юрию Поминову в какой-то степени повезло: его предыдущие книги всё же нашли дорогу к читающим умным людям и вызвали

многочисленные отклики (некоторые из них были приведены в разделе "... Как наше слово отзовется...", завершающем однотомник "Между прошлым и будущим").

Хочу надеяться, что и новая книга Ю. Поминова "Хроника смутного времени", предлагаемая читательскому вниманию, тоже будет востребована и вызовет общественный резонанс. Право, она того заслуживает. Я, к примеру, по просьбе автора ещё в начале 2006 года прочитал довольно пухлую рукопись этой книги. И прочитал почти не отрываясь, как говорится, на одном дыхании, пожертвовав ради этого другими делами, настолько она меня захватила. А когда перевернул последнюю страницу, то долго размышлял над прочитанным, осмысливая всё то, что вошло в рамки этого своеобразного повествования.

Как и в предыдущих своих книгах, Юрий Поминов и в этом произведении выступил приверженцем "литературы факта" — так ещё именуют документальную прозу, уже в названии "Хроника смутного времени" чётко обозначив жанровую направленность точным словом "хроника". (Хотя смысловая нагрузка ложится на "смутное время").

Тем самым, вовсе не претендуя на лавры беспристрастного летописца, своеобразного пушкинского Пимена (недаром в кратком предисловии автор делает деликатную, но существенную оговорку: "... я не судья тем людям, о которых пишу, и тем событиям, о которых пойдёт речь. Я лишь свидетель, хотя и не бесстрастный"), Ю. Поминов всё-таки берёт на себя ответственность за объективную трактовку происходившего, избегая при этом своевольной интерпретации заметных или вовсе незначительных событий.

Прекрасно понимая всю серьёзность и сложность творческого дела, за которое он взялся, Юрий Поминов поясняет в предисловии: "Моя хроника — это мозаика жизни. Это не мемуары в их общепринятом виде, а скорее, летопись впечатлений". Всё, о чём я пишу, имеет реальную почву, эти события действительно были, в них участвовали реальные люди, хотя фамилии некоторых по разным причинам изменены или представлены инициалами".

Данная книга — и в самом деле летопись, хроника, но весьма необычная. Недаром же ниже названия поставлен много объясняющий подзаголовок "Записки редактора". Это означает, что автор о происходивших событиях, имевших место явлениях, коллизиях и фактах писал не отстранённо, взирал на переменчивую действительность не со стороны, а сам находился в гуще тех или иных событий, вместе со всеми "варился" в бурлящем котле повседневности, то есть был не только свидетелем, но иной раз и невольным участником того или иного действия, затем по горячим следам фиксируя на бумаге увиденное, пережитое и прочувствованное. А основой большого поминовского повествования стали его дневники за последние 15 лет, журналистские и литературные записи той поры, газетные подшивки и другие бережно собранные и сохранённые им материалы. То, что автор, несмотря на огромную занятость, умудрялся вести дневники на протяжении всего длительного периода (ведёт их и сейчас), уже само по себе вызывает восхищение. Я, например, с 1982 года кратко и сухо, на одной лишь страничке, фиксирую в годовых ежедневниках всё наиболее существенное: где был, кому звонил, кто мне звонил, кто приходил, с кем общался-встречался и чем занимался, куда ездил, записываю даже, какая в этот день была погода. Но это не дневники, которые требуют сосредоточенности, обстоятельности,

подробного освещения и оценки ситуаций, а также, что очень важно, душевного излияния, эмоциональной окраски, когда доверяешь бумаге свои мысли и ощущения, высказываешь самое сокровенное. На такой подвижнический труд, — ведение дневников предполагает именно такие усилия, — меня не хватило. А мой друг Юрий Поминов мужественно вёл и ведёт именно настоящие дневники (что в моих глазах к его многим несомненным достоинствам добавляет ещё одно значительное свойство натуры), которые не только стали основой повествования, но и одухотворили его трепетным чувством исповедальности, особой искренности, вызванном конкретными обстоятельствами и в определённый отрезок времени.

Юрий Дмитриевич признаётся: «Иногда эти записки помогали снять напряжение, обрести душевное равновесие. Они становились чем-то вроде отдушины, позволяли перевести дыхание в сумасшедшей (а зачастую и бессмысленной) гонке, именуемой жизнью. Но бывало и так, что обращение к бумаге не приносило успокоения, ведь нет и не может быть универсальных лекарств против обрушившегося на нас в последние годы мутного потока, несущего не только живительную влагу, но и всякую грязь».

Сказано без лукавства, честно и откровенно? По-моему, да. О чём можно судить и по одной этой фразе. Но такая доверительная интонация характерна для всех «свидетельских показаний» книги. И если в Библии (Новый Завет) есть «Откровение святого Иоанна Богослова», то в данном случае мы имеем перед собой «Откровение грешника Поминова» (на нём святости вряд ли кто из живущих вправе претендовать).

Охватывая длительный временной отрезок (в нашем земном существовании 15 лет всё же внушительный срок), Ю. Поминов «населил» пространство повествования множеством так или иначе действующих лиц. Одни из них промелькнули как второстепенные персонажи, другие сыграли определённую (положительную или отрицательную) роль в тех или иных ситуациях, третьи оказали заметное (позитивное или негативное) влияние на процессы, происходившие в тот период. И каждый из этих персонажей (включая и «статистов»), задействованных в этой драме суматошного бытия, обрисован автором, умеющим зорко подмечать характерные индивидуальные черты, выразительными и колоритными штрихами, имеет своё узнаваемое лицо.

И всё-таки основным фигурантом, главным героем поминовской летописи-хроники является Время — сложное, противоречивое, многослойное и многообразное. Именно его автор и стремился воссоздать в своей книге, предварительно снабдив повествование тщательно подобранными эпитафиями, каждый из которых не только подчёркивает замысел писателя-хроникёра, но и даёт убийственную характеристику многозначному и разноликому Времени. Чего стоит некрасовская максима «Бывали хуже времена, но не было подлей», имеющая прямое отношение к нашему многострадальному бытованию. Собранные же воедино все пять эпитафий несут большую смысловую нагрузку, заключают в себе мощный заряд воздействия на восприятие всего изложенного Ю. Поминовым.

Мне кажется, автору удалось создать в своей летописи, пропущенной через сердце, вполне объективный и убедительный портрет Времени. Хотя каждый волен воспринимать и оценивать его по-своему.

Владимир ГУНДАРЕВ.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга первая

(сентябрь 1988 года — декабрь 1991 года)

Времена не выбирают, в них живут и умирают.
А. Кушнер

Желаю вам жить во времена великих преобразований.
Пожелание-проклятие в древности на Востоке.

Бывали хуже времена,
Но не было подлей.
Н. Некрасов

Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...
Ф. Тютчев

И с отвращением читая жизнь мою...
А. С. Пушкин

Юрий Дмитриевич ПОМИНОВ

родился 22 февраля 1953 года в Купинском районе Новосибирской области.

В Казахстане с 1955 года, вырос в целинном совхозе “Михайловский” Павлодарской области. В 1977 году окончил факультет журналистики КазГУ имени Кирова. Работал в районной газете, с 1977 года — в павлодарской областной газете “Звезда Прииртышья”, с 1988 года — редактор этой газеты.

С 1991 года — член редакционно-го совета журнала “Нива”.

Очерки, статьи, рассказы, новеллы Ю. Поминова публиковались в жур-

налах “Простор”, “Нива”, “Журналист”, “Огонёк”, в альманахе Ростовской писательской организации “Южная звезда”, коллективных сборниках “Лик земли”, “Талант владеть землёй”, “Отцовское поле”, “Книга надежд” и других.

Автор книг: “Крупяной клин” (1990 г.), “Помню и люблю” (1993), “Характеры” (1997), “Живу” (1998), “Мои со-

временники” (1999), “Между прошлым и будущим” (2002), “Блёстки” (2003 г.).

Лауреат премий Союза журналистов Казахстана (1980, 2000 и 2003), конкурса “Казахстанская литература-2000”, объявленного фондом “Сорос-Казахстан”.

От автора

Эти записки начаты мною давно — ещё в разгар горбачёвской перестройки, совпавшей с немалыми изменениями в моей собственной жизни.

Совершенно для себя неожиданно я стал сначала заместителем, а затем редактором областной партийной газеты. Мне было 35 лет (по прежним понятиям — чуть ли не юноша) и психологически я оказался не очень готов к своим новым обязанностям.

Жизнь стремительно менялась, обрушивая на меня настоящий водопад фактов, событий, явлений. Разобраться во всём с ходу было невозможно, а давило это на психику со страшной силой. Я часто оказывался в ситуациях, из которых нельзя было выйти, не поступившись чем-то очень важным; когда приходилось выбирать не между хорошим или плохим, а между плохим и очень плохим... Возникали вопросы, на которые не находил ответа... Именно в такие мгновения — может быть, от отчаяния — рождалось желание взяться за ручку и попытаться доверить чистому листу бумаги то, что не всегда доверишь даже близкому человеку... Попробовать понять, что происходит вокруг тебя, да и с тобой самим.

Иногда эти записки помогали снять напряжение, обрести душевное равновесие. Они становились чем-то вроде отдушины, позволяли перевести дыхание в сумасшедшей (а зачастую и бессмысленной) гонке, именуемой жизнью. Но бывало и так, что обращение к бумаге не приносило успокоения, ведь нет и не может быть универсальных лекарств против обрушившегося на нас в последние годы мутного потока, несущего не только живительную влагу, но и всякую грязь.

Больше пятнадцати лет я веду эти записки... И вот, взявшись недавно перечитывать их, подумал о том, что многое из пережитого и передуманного мною может быть небезынтересно другим людям. Ведь человеку, если он человек, далеко не безразлично всё, что происходит вокруг него, ему важно понять, почему это происходит и почему он сам живёт так, а не иначе.

Избрав для своего повествования жанр хроники, я решил не беллетризовать её, не придумывать сюжетные ходы. Моя хроника — это мозаика жизни. Это не мемуары в их общепринятом виде, а скорее “летопись впечатлений”. Всё, о чём я пишу, имеет реальную почву, эти события действительно были, в них участвовали реальные люди, хотя фамилии некоторых по разным причинам изменены или представлены инициалами.

Моя хроника — не “правая” и не “левая”. Она такова, какой была жизнь, я лишь следовал за нею. Основа повествования — мои дневники за полтора десятилетия, литературные и журналистские наброски разных лет, подшивки газет и другие собранные мною материалы.

Хотел бы также оговориться: я не судья тем людям, о которых пишу, и тем событиям, о которых пойдёт речь. Я лишь свидетель, хотя и не беспристрастный.

1988 год

3 сентября

“Судьбоносного” заседания бюро обкома ещё не было, но, похоже, всё уже решено: быть мне редактором. Вчера вручили в обкоме запечатанный пакет с моими документами, адресованными ЦК, которые я сам и должен был доставить. Пакет — нестандартный, в сумку его не сунешь — масштаб не тот, портфеля подходящего пока не завёл, так что пришлось в самолёте держать в руках, ощущая себя почти Теодором Нетте (пароходом и человеком) — дискурьером из одноимённого стихотворения Владимира Маяковского.

В Алма-Ате мне было у кого остановиться, но велено жить в гостинице — таков порядок.

Встретил брат Петька, по случаю оказавшийся в столице. Видя, что я не в своей тарелке, подначивает:

— Ну всё, брат: уж теперь-то за судьбу перестройки в Павлодарской области можно не беспокоиться!

Утром иду в ЦК вместе с Толей Устиненко: мы вместе учились в университете, жили в одной общаге (правда, недолго: он — выпускник, я — первокурсник), затем работали в “Звезде Прииртышья”, потом его перевели в обком, а с недавних пор он — инструктор ЦК. На подходе к зданию он говорит мне:

— Дальше пойдём врозь, не надо, чтобы нас видели вместе, так будет лучше для нас обоих... А пропуск я тебе закажу...

Весь тот день провёл в кабинетах ЦК: собеседования с инструкторами, замзавами, завотделами, секретарём ЦК по идеологии. Где-то разговор был короткий, формальный, а где-то пришлось попотеть.

Замзавотделом, курирующий национальную политику, вдруг спрашивает: — Как думаете, надо ли давать в Казахстане автономию немцам?

Я сначала “поплыл”, а потом честно признался — не знаю, поскольку тут много не только “за”, но есть и “против”, есть вопросы, на которые нет однозначных ответов... Мы даже слегка поспорили, после чего он довольно засмеялся:

— Здравый смысл налицо, а это для редактора немаловажно, — и тут же расписался на “простыне”, с которой я обходил кабинеты.

Заведующий идеологическим отделом, наш земляк А. А. Устинов и вовсе поставил меня в тупик, спросив прямо в лоб о том, действительно ли перестройка в области “буксует” во многом из-за личности первого секретаря обкома? Я замямлся и ответил, что он, конечно, человек своего времени, и вряд ли тут нужны ещё какие-то аргументы. Не знаю, куда бы дальше пошёл наш разговор, но тут зазвонил один из телефонов, и я понял, что звонит первый секретарь ЦК Г. В. Колбин. Они говорили с Устиновым о какой-то критической статье в “Правде” — о том, как на неё реагировать. Мне понравилось, как разговаривает с “Первым” Устинов: ровно, спокойно, без подобострастия...

Сразу вспомнил, как мы с завотделом обкома Л. Л. Хмельницким сидели у нашего “Первого” П. И. Ерпилова — как раз перед моей отправкой в Алма-Ату — и тоже раздался звонок из ЦК. Ерпилов, похоже, не сразу понял, кто именно звонит, переспросил и жестом тут же выставил нас обоих из кабинета. Не знаю уж, насколько секретным был тот разговор, но мне стало обидно — не столько за себя, сколько за Хмельницкого.

Может быть, я не прав, и ситуация в Павлодаре требовала именно такого решения, но дело в том, что Устинов, в принципе, вёл себя совсем иначе. Ерпилов тоже не был чванлив в разговоре со мной, но когда он, поджимая губы, говорил: мол, вы не думайте, что вы один такой, есть и другие достойные кандидаты в редакторы, — мне так и хотелось ответить: не думаю, но ведь я не ходил по обкомовским кабинетам, не просился на эту должность, не засылал ходатаев...

Устинов же был ровен, доброжелателен и, мне показалось, даже добродушен. В конце разговора сказал:

— Ну всё, можете считать, что получили ярлык на княжение. Езжайте и работайте...

Я провёл в ЦК весь день — с десяти утра до восьми вечера. И конечно же, не особенно уютно чувствовал себя в здешних коридорах. Хотя, по правде говоря, обстановка тут была помягче, чем в некоторых наших обкомовских кабинетах, где я был вроде уже своим. Да, вот такой парадокс.

И ещё тот день подарил мне очень дорогую встречу. Бывают такие совпадения: в ЦК приехал проходить собеседование Толя Егоров, с которым мы четыре года прожили в одной комнате в нашей университетской общаге и были самыми близкими друзьями. Теперь Толю — замзавотделом Кызылординского обкома партии — направляли в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Это — элитное учебное заведение, которое готовит высшие партийные кадры. Толян всё тот же: полон оптимизма, энергичен, уверен в себе и, в отличие от меня, чувствует себя в “цэковских” кабинетах как рыба в воде. В некоторых — ещё и меня рекомендует: “Не сомневайтесь — наш человек!”.

Вечером, дома у Толи Устиненко, втроём отметили нашу встречу, вспомнили университетское житьё-бытьё. Егоров утром улетел в Москву, я — в Павлодар...

24 сентября

Утверждение на заседании бюро обкома, после согласования в ЦК — оказалось больше формальностью. Сергею Павловичу Шевченко выразили благодарность “за многолетний безупречный труд” и он тут же ушёл, оставив мне своё насиженное место, которое было ещё тёплым и на котором я просидел в новом качестве весь день, с небольшим перерывом на обед.

Уже вечером, ближе к шести часам, повезли меня “в контору” — А. М. Ажибаева и М. А. Смердов. Сергей Павлович тоже был в редакции. Его проводили цветами и аплодисментами. Володя Бугаев принёс из типографии сувенир — отлитую на линолите “визитку” “Редактор С. П. Шевченко” — на память.

Что испытал я, когда было объявлено о моём назначении? Я покривил бы душой, сказав, что это стало для меня неожиданностью. Но я не суетился, пока, как принято говорить, решался вопрос. Я сказал самому себе и всем, кого это интересовало: меня вполне устраивает и моё нынешнее положение, я сработаюсь с любым из вероятных претендентов, но, скорее всего, не откажусь, если редакторство предложат мне. Я три года проработал замом, а в последний год целых семь месяцев был за редактора... Я могу и хочу работать...

Один из моих наставников в “Звезде Прииртышья”, многолетний первый замредактора П. А. Побережников, находясь в хорошем расположении духа, рассказывал мне, что, когда его назначили на эту должность, он иногда просыпался от восторга и говорил себе: “Твою мать, неужели я, Петька Побережников, первый зам?”.

Я не испытывал ничего подобного. Хотя спать стал неважно. Одолевали сомнения: примут ли меня в новом качестве, пойдут ли за мной? Сможем ли мы делать по-настоящему хорошую газету?

Пришёл вечером домой — звонок из Москвы:

— Это квартира главного редактора “Звезды Прииртышья”?

Оказалось, Колодный — замредактора журнала “Советский Союз”. Вот он действительно “продвигал” мою кандидатуру — рекомендовал Ерпилову ещё в то время, когда по командировке ЦК КПСС помогал нам в “Звезде Прииртышья” “перестраиваться”. Мы с ним тогда не раз спорили по разным поводам, но и общались тоже, подружились. И вот — не забыл.

Первый раз подписал газету в качестве редактора. Переживаю по поводу материала о предстоящих выборах генерального директора тракторного завода. Выборы руководителей предприятий — новое веяние. А тракторный — особый завод: больше 20 тысяч работающих, огромное количество партнёров. Завод никогда особо не отличался стабильной работой. Теперь же его лихорадит, как никогда... Вот и решились на эксперимент.

Заявки на участие в конкурсе подали уже около 50 человек! Среди них не только нынешний исполняющий обязанности генерального и его коллеги-машиностроители из Алма-Аты, Иваново, Липецка, Ташкента, Киева, но и врач из Днепропетровска, председатель профкома из Харьковской области, юрист из Старого Оскола, плотник из Харькова...

Как ко всему этому относиться?

А переживаю вот почему: в материале критикуем бывшего генерального Ю. А. Лузянина, который раньше сам подал в отставку, не видя возможности справиться с комом проблем далеко не местного масштаба, а теперь, кажется, тоже не прочь выставить свою кандидатуру... Мы же ему как бы заведомо отказываем в праве участвовать: у тебя же, мол, уже была возможность...

Решил однако не трогать текст — пусть идёт так...

Зато в этом же номере — сенсационный материал Володи Бугаева. В 1987 году наши власти договорились с американскими провести совместный эксперимент по контролю за ядерными испытаниями — установить на советском полигоне американскую аппаратуру, а в США — нашу. На полигон американцев, конечно, не пустили. Для наблюдений им определили наш Баянаул. Бугаев, преодолев все препоны и рогатки (мне тоже пришлось включаться, ругаться, убеждать, доказывать), “в нужное время оказался в нужном месте”, познакомился с американцами — профессором геофизики из штата Висконсин Робертом Майером и аспирантом из штата Невада Кэном Смитом и даже взял у них интервью.

Четырнадцатого сентября был взрыв, притом мощный: по сообщению ТАСС — от 100 до 150 килотонн. Он, кстати, ощущался и в Павлодаре. А в Баянауле земля ходила ходуном и, конечно, заплясали стрелки сейсмографов. Ударная волна от эпицентра взрыва до Баянаула шла со скоростью шесть километров в секунду и преодолела расстояние в 255 километров за 39,3 секунды.

Молодец, Бугаев! Иногда я обижаюсь на него за волокиту, занудство. Но тут он показал себя настоящим репортёром.

2 октября

Позади первая неделя редакторства — нервная, суматошная, беспросветная... Много поздравлений, к которым стараюсь относиться философски.

Провожу консультации с журналистами — по поводу кандидатуры первого зама. Предлагаю Геннадия Бабина. Большинство из них “за”, но есть колеблющиеся и даже противники. Тем не менее, — надо решаться...

На работе повторяю старые ошибки — слишком остро на всё реагирую, часто перехожу на повышенный тон. Это — не от чванства, а от натуры. Надо следить за собой: поменьше поучать и вообще — говорить. Тогда, может быть, голос будет иметь вес.

Пришла “телега” на ковхаевскую статью о предстоящих выборах на тракторном заводе — коллективное письмо, под которым подписалось большинство начальников цехов, многие бригадиры. Публикацию считают необъективной и некорректной, требуют восстановить честное имя Ю. А. Лузянина. Редколлегия — за публикацию, автор — Ю. А. Ковхаев — в отпуске... Мои сомнения оправдались...

3 октября

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко ушёл в отставку — по возрасту. На этот пост избран М. С. Горбачёв — с сохранением обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС.

После избрания М. С. говорил о важнейшей роли Советов как подлинных органов народовластия, о том, что надо возродить ленинский дух и стиль Советов, сделать их в полном смысле и народными, и властными...

Поговаривают, однако, о том, что второй пост понадобился М.С. для того, чтобы узаконить его роль — как главы государства, так как в мире генсек таковым по сути не воспринимается...

В кинотеатрах идёт новый фильм “Маленькая Вера”. Народ валом валит — в Советском Союзе “появился” секс...

Опубликовали анкету — с обращением к читателям присылать свои отзывы о газете. Принесли первые письма-отклики. Большинство — одобрительных. Но есть и непримиримые. Я сделал выписки из двух писем. “Читал, и неоднократно, в разные годы областные газеты других городов — Минска, Бреста, Ростова, Могилёва, Винницы... Наша значительно лучше во всех отношениях. Мо-лод-цы!”

И второе: “В газете общие формулировки. Штампы. Однообразная... Не люблю. Не выписываю. Не нуждаюсь. Обойдусь”.

Кто их поймёт, этих читателей...

Оказывается, в Павлодаре есть “миллиардер”. Это архитектор, коллекционер Н. А. Розенберг. Он обладатель богатейшей библиотеки научно-популярных и приключенческих книг и уникальной коллекции бумажных денег: от начала века до наших дней. У него есть старые банкноты достоинством в 500 тысяч, миллион, 100 миллионов и даже в миллиард. А, говорят, были — в два с половиной миллиарда...

Опубликовали материал о Розенберге.

4 октября

Идут слухи о том, что убили следователя по особо важным делам Тельмана Гдяна, который ведёт в Узбекистане так называемое “хлопковое дело”, связанное с хищением, взятками. В этом деле замешаны самые высокие чины, а следы ведут и в Москву.

На XIX Всесоюзной партийной конференции был большой скандал: Гдяна со своим сподвижником, следователем Ивановым, опубликовали в “Огоньке” статью “Противостояние”, в которой утверждалось, что несколько мандатов

делегатов конференции попало в руки взяточников, замешанных в “хлопковом деле”. От редактора “Огонька” Коротича потребовали объяснений. Он сказал, что речь идёт о четырёх делегатах и что он передал М. С. Горбачёву документы, которые якобы подтверждают правоту авторов статьи.

Шли разговоры о том, что тут замешан даже второй секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачёв...

Но из всего в итоге вышел пшик... Никто так и не был назван... Складывается впечатление, что Гдлян и Иванов всеми способами подогревают интерес к своим персонам... Тем более что слух о покушении на Гдьяна оказался просто слухом.

6 октября

Прочитал в материале АПН, что в прошлом году из Союза эмигрировало 40 тысяч человек, в 25 раз больше, чем до перестройки. Цифра эта продолжает расти и по прогнозам специалистов стабилизируется на 60-70 тысячах, что незначительно для страны с 286-миллионным населением — 0,00025 процента.

Сразу вспомнил поразившую меня картину в павлодарском аэропорту: около автобуса толпа — человек тридцать. Обнимаются, смеются, плачут, поют... Никак не мог понять — что происходит? Оказывается, сразу несколько семей немцев улетают в Москву, а оттуда — в Германию. А другие их провожают...

По московским меркам 60-70 тысяч, может, и немного, но это почти пол-Экибастуза... Так что — как считать. Об отдельно взятой человеческой судьбе речь вообще не идёт.

7 октября

Узнал, что академик С. П. Королёв, конструктор космических кораблей, был беспартийным... Опять же из материала АПН — монолога профессора физики Ленинградского университета Н. А. Толстого, сына писателя Алексея Толстого. Профессору — 71 год. “Сегодня я бы не колеблясь вступил в партию, — пишет он, — сейчас такое время, какого не было за все мои долгие годы”. Но так и не пишет — будет ли вступать.

А у нас Людка Ермолина, хорошая журналистка и достойный человек, пыталась вступить дважды, но так и не приняли, толком не объяснив — почему. Похоже, она — улыбчивая, шумливая, пышущая здоровьем, — просто “не поглянулась” первому секретарю райкома, женщине сухой, аскетичной, которую можно считать полной Людкиной противоположностью. Наверное, Людка показала ей легкомысленной. А мы, коммунисты газеты, рекомендовавшие Ермолину в партию, молча проглотили эту пилюлю, не потребовали объяснений... Это как бы не принято — доказывать, что наш кандидат достоин. Субординация!

Опубликовали большой, на целую страницу, материал Роберта Штарка о его поездке в Москву и встрече с вдовой нашего земляка — писателя Всеволода Иванова — Тамарой Владимировной. В. Иванов родился в Лебяжье, жил в Павлодаре, работал наборщиком в типографии. Я знаю его как автора “Бронепоезда 14-69”, но ничего другого, к стыду своему, не читал. А ведь он писал и о Павлодаре. Надо обязательно найти и прочитать.

Новые веяния. Год назад в Павлодаре открылось первое кооперативное кафе “Хозяюшка” и быстро заткнуло за пояс соседние кафе и рестораны. В день здесь бывает до 400 человек, месячный товарооборот достигает 25 тысяч рублей — в два с лишним раза больше, чем в ресторане “Казахстан”.

Секрет прост: за те же или даже меньшие деньги в “Хозяюшке” можно вкусно поесть, нет чванства и высокомерия официантов, уютная, почти домашняя обстановка. И ещё, может быть, в том секрет, что хозяйка кафе — женщина...

12 октября

На предприятиях уже созданы или создаются СТК — советы трудовых коллективов. Декларируемая задача: они должны стать настоящими хозяевами предприятий, контролировать работу администрации, состояние производства и т. д. и т. п. Но это на словах. На деле мало у кого получается что-то путное: где-то директора подмяли СТК, где-то бесконечные конфликты, где-то СТК создали, а они бездействуют. Чаще всего ситуация подобная той, о которой пишет наш собкор по Ермаку Юра Сакин: “Полномочия мы получили, — делится своими выводами председатель СТК Ермаковского завода металлоконструкций В.М. Козловский, — а как ими пользоваться — не знаем”.

Мне самому почему-то мало верится в будущее этих самых СТК, хотя самодурство начальников, конечно же, как-то надо ограничивать...

В магазинах творится чёрт знает что. В промтоварных — товары, которые никому не нужны, а приличного холодильника или телевизора днём с огнём не сыщешь. То же и с обувью, хорошей одеждой. В продуктовых “мокрая” колбаса, которую и кошки не едят, консервы, хлеб, крупы... За молочными продуктами очередь надо занимать с шести утра... Качественную говядину вообще можно купить по блату лишь в совхозе. В магазинах торгуют “супнаборами” — говяжьими костями с остатками мяса. Но и за ними — очередь. Идя в магазин за чаем, мать берёт Даньку, Димку, Данькиных друзей, чтобы больше досталось... Чай дают по норме...

Идут разговоры, что наша область имеет слишком большое задание по отправке мяса и молочных продуктов в союзный и республиканский фонды — оттого и самим не хватает. Может, это и так, но кто-то же должен кормить и Москву с Алма-Атой...

Гречки сеем, наверное, больше всех в Союзе, а в магазине проще купить заморские апельсины, чем павлодарскую гречку (говорят, что вся она идёт в так называемый союзный фонд — мол, армию кормить надо). Некоторые хозяйства умудряются подпольно сеять её на так называемые внутривладельческие нужды — для столовой, детского сада и т. д. Изобретают “крупорушки”, сдирающие с зёрен плёнку. Но есть эту крупу всё равно нельзя — она должна “созреть” — то есть полежать. А перед тем как варить, надо ещё прожарить.

Вот в какие тонкости я теперь посвящён... Ещё и потому, что книжку написал о просе и гречихе, истории их появления в области, о том, как обстоят дела на просяных и гречишных полях сегодня. Написать-то написал, а издательство тянет с выпуском, хотя я претензий ко мне нет...

Но я, кажется, отвлекся... “Дефицит товаров и продуктов объясняется и серьёзными нарушениями правил торгового и бытового обслуживания... халатностью и злоупотреблениями, фактами укрытия товаров и продуктов, имеющихся в

достаточном количестве, и продажей их по знакомству спекулянтам, жуликам, ту-неядцам, созданием на этой основе искусственного дефицита, что порождает большие очереди и вызывает обоснованное возмущение советских людей”.

Похоже, всё поставлено с ног на голову. Торговля у нас, конечно, ещё та, и сукиных детей в ней пруд пруди, но, наверное, первопричина всё же в том, что не хватает хороших, действительно нужных товаров и качественных продуктов. Если бы всё это было, то какой смысл прятать?

Теперь же “профсоюзам поручено организовать строжайший рабочий контроль за деятельностью предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг”. Будут проводиться рейды, вылавливаться нечистые на руку продавцы, создаваться обстановка нетерпимости к злоупотреблениям в этой сфере. Газете предписано широко освещать эту работу, из которой, как мне кажется, будет пшик. Как и из недавней антиалкогольной кампании... Результат нулевой, зато новую проблему (дефицит водки) создали...

Народ зубоскалит по этому поводу. В брежневские времена ходила такая частушка:

*“Водка стала шесть и восемь —
Всё равно мы пить не бросим.
Передайте Ильичу —
Нам и десять по плечу”.*

А про нынешние сочинили ещё более ядовитую:

*“По талонам горькая,
По талонам сладкая,
Что же ты наделала,
Голова с заплаткою?”.*

13 октября

Дали в общей подборке письмо павлодарца П. Стародубцева: с 1968 года (19 лет!) ждал установки квартирного телефона. Наконец, поставили. А Стародубцев через три месяца поменял квартиру (в том же районе), за телефон предусмотрительно уплатил до конца года. Пошёл в АТС, а ему говорят: ваш номер отдан другому абоненту, вам надо снова становиться в очередь...

Какая, к чёрту, очередь! Ему 82 года, у него ишемическая болезнь, у сына сахарный диабет. Отвечают: мы тут ни при чём, таковы правила....

Мысль павлодарцев не спит. Один из них предлагает в своём письме для привлечения средств на развитие экономики области организовать приток денег за счёт туризма. Для чего: отдать всё это дело в частные руки (облсовет по туризму, если ему поручить это дело, конечно, его провалит); развивать байдарочные, лодочные походы, сплавы на плотах; построить “заимки” на берегах Иртыша; набрать и обучить таких инструкторов и инструкторш, которые бы одним своим видом создавали рекламу туризму; организовать конные маршруты и т. д. и т. п.

А в довершение ко всему, раз уж область теперь открыли и для иностранцев, учредить собственную валюту.

Между прочим, всё это вполне реально, за исключением разве что валюты...

Дали АПНовский материал: в Москве дефицит мыла. За “Детским” давка в очередях. “В одни руки” — не больше десяти кусков, даже если ты мать-героиня.

Но это дешёвого нет — 20-30-копеечного. Зато рублёвого — завались... Рублёвое выпускают предприятия, получившие хозяйственную самостоятельность, в том числе право самим определять стоимость своей продукции.

Вот такой “рынок”. Надо теперь ждать дефицита мыла и у нас...

16 октября

Брат Шурка прислал письмо, а с ним и свои последние стихи, среди которых одно, навеянное нашей совместной (он, Петька и я) поездкой на родину, в “Михайловский”. Стихи настолько растрогали меня, что я их переписал и отправил брату Петьке в Ленинград.

Надо всё же выкраивать время и писать братьям. Шурка вряд ли станет отвечать, а на младшего больше надежды.

На прошлой неделе представил Г. Бабина, в новом качестве. Бурной реакции не последовало — и то хорошо.

До сих пор работал — как на пожаре. Пора с этим кончать и браться за реконструкцию — создание будущей модели газеты. Намереваюсь завтра обратиться по этому поводу к “народу”. Хотелось бы делать совсем другую газету. Важно, чтобы это было не только моим желанием. Надо “заводить” людей, создавать “самозаряжающийся” коллектив, настроенный на работу по-новому.

Косяком идут ошибки... Недавно дали в программе телевидения: художественный фильм “Инспектор Гуля” (вместо Гул). В корректорской тоже надо наводить порядок.

20 октября

М. С. Горбачёв поставил задачу: к 2000 году обеспечить каждую советскую семью отдельной квартирой или индивидуальным домом. Считается, что сегодня их имеет 85 процентов семей. А за два с небольшим десятка лет надо построить 35 миллионов квартир. Для сравнения: в прошлом году построили 2,3 миллиона квартир...

У нас в Казахстане объявлена программа “Жильё-91”. Это не значит, что за несколько лет проблема будет снята, но в основном — да. Жильё, как и раньше, строят специализированные тресты, получающие централизованные фонды, стройматериалы и т. д. Кроме того, на каждом предприятии, в совхозах, колхозах разрабатывают собственные программы для строительства жилья хозспособом.

В сёлах даже про саман вспомнили и снова стали его делать — для дальнейшего строительства домов.

В этом году область должна ввести в эксплуатацию почти 500 тысяч квадратных метров жилья, которое получат 1 1395 семей. 9233 семьи уже получили. По сравнению с прошлыми годами прибавка есть, но наша область — отнюдь не лидер в жилищном строительстве, и есть люди, которые стоят в очереди по 10, 15, 20 и более лет.

Нововведение последнего времени: будущие хозяева квартир объединяются в бригады и помогают строителям в их “доводке до кондиции” — отделке и т. д. По этой ли, по другим причинам, многие дома сдаются с большими недоделками.

Алмаатинец А. Данилов прочитал за свою жизнь 24752 книги, не считая множества газет и журналов. Для сравнения: по данным ЮНЕСКО человек в среднем прочитывает за жизнь не более трёх тысяч книг. Но Данилов не просто “проглатывает” книги, он записывает прочитанные произведения в специальный журнал уже почти 50 лет, создавая уникальный библиографический журнал “Люди голубой планеты”. Он собрал сведения о 189212 деятелях всех времён и народов со ссылками почти на три миллиона библиографических источников.

Работа Данилова уникальна и не имеет аналогов: учёным и простым людям, отыскивающим сведения о своих предках, он помогал даже тогда, когда оказывались бессильными лучшие архивы и библиотеки... А всё дело — в системе, которую использует Данилов: на каждую упоминаемую в печатном издании фамилию он заводит специальную картотеку — с пояснениями, пополняя затем эти сведения данными, почерпнутыми из других публикаций — с соответствующими ссылками.

А. Данилов был у нас в редакции. Очень простой, обаятельный человек, живой, как ртуть. Много лет проработал на севере (в Магаданской области), большую часть жизни — фельдшером-акушером, последние годы живёт в Алма-Ате.

Главное достоинство его словаря в том, что из него за считанные минуты можно получить полный список литературы о нужном вам человеке. Условие одно — его фамилия должна быть хотя бы раз (или множество) опубликована.

Прислали разнарядку: подписаться на два экземпляра журнала “Трезвость и культура”. Никто, разумеется, не хочет, хотя у нас (отнюдь не в самой трезвой конторе) действует первичная организация Всесоюзного общества трезвости в главе с действительно почти непьющим Володи́ей Бугаевым...

22 октября

На пленуме Павлодарского обкома партии освобождён от своих обязанностей первый секретарь горкома Г. А. Никифоров. Было много критики в адрес горкома, городских властей — в том числе и за пустые продовольственные прилавки... Говорилось: вместо того чтобы взять пример с тех же Целинограда и Кокчетавы, где ситуация со снабжением мясо-молочными продуктами не в пример лучше, наш горком выдвигает претензии к центру, чтобы нам увеличили фонды; мало помогает селу; сгноили пятую часть заложенного на зиму картофеля. И т. д. и т. п. Собак навешали порядочно — и справедливо, и несправедливо.

Сам Никифоров — “весь в белом” — смотрелся очень эффектно и говорил уверенно, хотя и выглядел несколько смущённым... Сам попросил освободить его от должности: пусть, мол, дальше дело двигают молодые...

Вдруг вышел на трибуну первый секретарь обкома П. И. Ерпилов и, покрываясь красными пятнами, заявил, что он тоже подал заявление в Политбюро ЦК КПСС с просьбой об уходе на пенсию, и его заявление сейчас рассматривается...

Не исключено, что Никифоров поставил одним из условий своего ухода отставку самого Ерпилова.

Первым секретарём горкома избрали Е. Д. Байтерякова, который работал председателем Кокчетавского облисполкома.

Обтянутые кучаком кабинки для голосования стояли у стены, а мы, члены горкома, спускались с бюллетенями сверху из зала. Тянулись гуськом и кто-то не

без юмора заметил: “Процессия...”. Я про себя добавил: “Похоронная”. Так ассоциировались в моём сознании эти кабинки, ручеек идущих голосовать, да и вся атмосфера, царившая в зале.

26 октября

Вслед за Павлодаром и в области произошла смена власти. На пленуме обкома отправлен на пенсию бывший первый секретарь П. И. Ерпилов, освобождены от должностей второй секретарь обкома К. Н. Шакиримов и секретарь обкома по строительству М. М. Макеев.

Собственно, перемен следовало ожидать. П. И. Ерпилов, конечно же, не вписывался в перестройку, да и не мог вписаться — всё же он был и остаётся человеком старой формации. Нынешний первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин не раз публично критиковал обком и его лично...

Наверное, Ерпилова давно бы уже освободили, но у него была крепкая поддержка в ЦК КПСС — земляк и друг, управляющий делами ЦК КПСС Н. Е. Кручина — бывший первый секретарь Целиноградского обкома партии. На пленуме Ерпилов был краток: в своей жизни я написал всего два заявления — о приёме в партию и об отправке добровольцем на фронт. Хорошо что хотя бы это он сказал без бумажки... А то ведь ему писали тексты даже для выступлений на заседаниях бюро, которые он сам вёл...

В кулуарах — разговоры о том, что пенсия Ерпилову обещана по высшему разряду, как и квартира в Москве, куда он вылетает буквально на днях.

Первым секретарём избрали Ю. А. Мещерякова. 40 лет, строитель. Руководил трестом, был секретарём райкома и горкома партии, в последнее время — секретарь ЦК по строительству. Выдвиженец Г. В. Колбина. Держится уверенно. Обещал добиться перелома на четырёх главных направлениях: обеспечение продовольствием, товарами народного потребления (и с первым, и со вторым у нас и впрямь хреновато), жильём; решение экологических проблем (по части вредных выростов — по тонне на жителя в год — мы тоже едва ли не впереди планеты всей).

Вторым секретарём избрали М. К. Дюйсембаева, первого секретаря Экибастузского горкома партии, что для многих стало неожиданностью.

Секретарём по строительству — Н. Ф. Красносельского. Это — кандидатура республики; надо полагать, Мещеряков привёз его себе в помощь.

Все ждали, что скажет Г. В. Колбин. И, как оказалось, не напрасно.

Обстановку в области он охарактеризовал как “несколько застойную”, сказал, что надо обеспечить коренной перелом в политическом и экономическом мышлении масс. Критиковал уровень продовольственного снабжения, тракторный завод (в прежнем году недодали к плану 17,8 тысячи тракторов, в этом — за девять месяцев — 3195), строительство жилья и т. д. и т. п.

Да и чего, мол, ждать, если завод полгода без руководителя, а 23 тысячи человек остались бесхозными...

От идеи с выборами директора завода Г. В. Колбин и вовсе камня на камне не оставил. А с кого потом спрашивать, если вновь избранный дело провалит, говорил он. И дал задание — в течение нескольких дней “определиться” с руководителем. Так что многомесячная предвыборная карусель с предполагаемыми выборами оказалась совершенно бессмысленной...

В президиуме пленума наиболее колоритно выглядели две фигуры: Колбин и Никифоров. Первый — патриарх. Большой, кряжистый, словно высеченный из каменной глыбы. Глядел в зал из-под припухших век и как будто придрёмывал. Но всё видел и всё слышал. Когда очередной оратор говорил что-то созвучное

его мыслям, едва заметно кивал, вероятно, будучи уверенным, что зал это заметит. Во всём облике Г. В. — уверенность: всё будет так, как должно быть, недаром же я здесь....

Никифоров внешне чем-то напоминал ворона. Кустистые треугольные брови, глубоко посаженные глаза, сумеречный взгляд, плотно сжатый рот с резко опущенными уголками губ. Всё в нём, похоже, было напряжено до предела...

Колбин в своей речи основательно прошёлся по Шакириму и особенно по Никифорову. При этом не всегда был убедителен. Так, например, заявил, что в нашем обкоме даже не знали, кто конкретно отвечает за решение продовольственной проблемы. “Нам, правда, хотя и с большим трудом, но удалось найти это ответственное лицо. Им оказался бывший второй секретарь обкома партии К. Н. Шакиримов”. Вряд ли на самом деле всё так просто: продовольственную проблему сегодня вряд ли возможно с ходу решить кому бы то ни было — будь он даже семи пядей во лбу.

Никифорову же досталось за инициативу... Некоторое время назад в области появилось так называемое “письмо 42-х”. Его окрестили так по числу подписантов, которые, судя по их уверениям, выражали свою обеспокоенность недостаточными темпами перестройки в области и в расчёте на кадровые перестановки предлагали обратить внимание на кандидатуру К. Н. Шакиримова.

Г. В. Колбин заявил, что Никифоров обманул своих товарищей по партии: “Будучи инициатором и организатором письма, он предложил им для подписи текст обычного отзыва о деловых и политических качествах К. Н. Шакиримова, а затем без их ведома изменил текст, в котором появилось требование предоставить Шакириму более высокую должность...”

Самому Никифорову, понятно, обьясниться не дали. После пленума он был не похож сам на себя, жадно и неумело курил в коридоре, говорил подхаливающим, что всё было совсем не так... Похоже, неприятности для него на этом не закончатся...

О Шакиримове и Никифорове Колбин говорил в таких выражениях: культ безответственности и пустословия; погоня за псевдопопулярностью; демагогические выверты; барственно-благодушное отношение к провалам, уж очень хотели понравиться — не для себя, для народа стараемся...

Не могу сказать, что мне очень уж нравятся Шакиримов и Никифоров (это тема для отдельного разговора), но вешать на них всех собак, считая главными и единственными виновниками всех провалов в области, конечно, несправедливо. Да и от самой терминологии пахло чем-то хорошо знакомым, хотя как будто канувшим в Лету...

Впрочем, политика — вещь жестокая. Тут, наверное, так всегда было и впредь будет — как на войне: кто кого, и третьего не дано. Помимо всего прочего, Колбин ясно дал понять, кто есть кто, расчищая дорогу для новой команды.

После окончания пленума, уже около восьми часов вечера, поступило указание: биография нового “Первого” должна быть опубликована вместе с фотографией. У нас её, само собой, нет. Накануне я пытался подсуетиться, звонил инструкторам в обком: не мешало бы, мол, запастись снимком Мещерякова. “А где мы его тебе возьмём?” — следовал ответ. И вот — проблема. Попытки убедить наших обкомовцев — вплоть до секретаря по идеологии — давайте дадим сообщение об избрании в номер, а биографию со снимком — в следующий, ни к чему не привели. Помощник Колбина также был непреклонен: “Вы слышали, было сказано — с фотографией. Ваш прокол, должны были предусмотреть”. Наши

аргументы: это задержка газеты на 5-6 часов, просьба объяснить Колбину суть проблемы — успеха не имели... “Да вы что — идти к самому? — чуть не глаза закатывал знакомый инструктор. — Голову снимут!”.

Выручил нас завотделом пропаганды Л. Л. Хмельницкий. Позвонил директору типографии и фотокорреспонденту КазТАГ Николаю Кузнецову. Час с лишним прошёл, пока у нас появилась фотография. За это время в типографию привезли цинкографа, чтобы сделать клише. Прикинули — как лучше разместить на полосе... Мне больше в типографии делать нечего — иду домой разбитый физически и подавленный морально. Дальше — бесконечные переговоры с дежурной бригадой, занятой выпуском номера. Прошу привезти мне домой оттиск первой полосы, когда всё будет готово. В час ночи звонок: “Выезжаем”. На улице, в машине, смотрю вместе с дежурным редактором готовую полосу — уже с фотографией. Всё как будто в порядке, но ещё неизвестно — каким окажется качество снимка после печатания (бывало, что на оттиске снимок приличный, а в газете герой сам себя узнать не мог). Тьфу-тьфу...

Около двух часов ложусь спать, но сна нет... Твержу себе: запомни на будущее — что бы ни случилось — не паникуй, не пори горячку и не бери это близко к сердцу, подобные происшествия — часть твоей обычной работы.

29 октября

Завели новую рубрику “Продовольственное снабжение: задачи дня”. Первый материал из Экибастуза — о подсобном хозяйстве разреза “Богатырь”. Это уникальный разрез — самый мощный в мире — где добывается до 50 и более миллионов тонн угля в год. И вот, кроме выдачи на-гора этих миллионов, администрация создаёт крупное подсобное хозяйство, в котором уже более тысячи свиней, сотни голов крупного рогатого скота, собираются закупать лошадей. С начала года продали своим рабочим 22 тонны мяса, по 13 килограммов на каждого работающего. В перспективе этот показатель должен составить 190 килограммов. Столько самим не надо — будут продавать другим подразделениям “Экибастузуля”.

Идея подхозов возникла ещё в брежневские времена, когда разрабатывалась Продовольственная программа. Я сам не раз писал о тех, кто достиг впечатляющих успехов в этом деле, и о тех, кто его с неменьшим успехом провалил. Вторых, кстати, было гораздо больше. И, по правде говоря, я не верю в продуктивность самой идеи. Если уж без малого две сотни совхозов и колхозов области не могут решить в ней продовольственную проблему, то подхозам она и подавно не под силу. А кто считал затраты в этих самых подхозах, себестоимость их мяса и молока? Да и разве это дело, когда директор самого крупного в мире разреза должен ещё и скот выращивать, чтобы подкормить своих шахтёров?

4 ноября

В двух номерах печатаем материалы пленума ЦК Компартии Казахстана, посвящённого дальнейшему улучшению продовольственного снабжения населения. Доклад — почти на три газетных страницы. Расписано всё: контрольные цифры, кто за что отвечает... Оказывается, мы мало потребляем овощей и бахчевых, картофеля (?), фруктов и ягод.

“Прославилась” опять наша область: за последние десять лет городское население увеличилось на 41 процент, а производство мяса — лишь на 36, молока — на 10 процентов.

Поставлена задача — довести по Казахстану потребление мяса в этом году до 68 килограммов на душу населения, в 1989 году — до 71, а в 1990 — до

72 килограммов. Молочных продуктов: к 1990 году — до 300 килограммов на душу населения. Расписано — как всего этого достичь...

А мы в том же номере печатаем материал по результатам рейда рабочего контроля в Павлодаре, Ермаке и Экибастузе. Нарушения: продаются товары с просроченным сроком хранения, зато нет обязательных для продажи сахара и масла, припрятаны говяжий язык, копчёная колбаса, перловая каша с бараниной, сливовый компот... Павлодарский мясокомбинат выпустил за прошлый месяц 8073 килограмма сарделек и продал из них 7152 килограмма своим рабочим... Если, конечно, верить бумагам. По ним выходит, что каждый рабочий получил в октябре более 64 килограммов мясопродуктов и колбас...

5 ноября

Ездили вместе с Ольгой в Алма-Ату. Я на пленум Союза журналистов, она — «за компанию», но за собственный счёт — на выходные. Хорошо хоть ненадолго выпасте из круга бесконечных забот, побыть вместе... Жили в высотной гостинице «Казахстан», с видом на горы...

Провёл «историческое» заседание редколлегии — о структурных изменениях в конторе. Объединили отделы партийной жизни и пропаганды, а также промышленности и строительства. Заведовать ими будут по совместительству два замредактора — Р. Штарк и Г. Бабин. Уставшую от писем Л. Гришину перевели в спецкоры. Она восприняла это с энтузиазмом, хотя и потеряла двадцать рублей в окладе. «На письма» сядет З. Суворова, идёт на это неблагодарное место с желанием. К. Минкина перевели в старшие корреспонденты. Обижен, конечно, но, по правде говоря, завотделом строительства из него не получилось. Может, это не вина его, а беда, но факт.

Остальные — на своих местах. «Реконструкция» воспринята в конторе нормально. Теперь самое главное — изменить психологический настрой людей. Они привыкли жить потихоньку-помаленьку, не шибко напрягаясь, не обременяя себя особыми заботами. Не все, конечно, таковы, но многие. И теперь очень важно, с одной стороны, «поджечь», чтобы чувствовали спрос и ответственность, а с другой — не пережать, не задушить творческое начало у тех, у кого оно есть.

Надо браться за новую модель газеты, но так, чтобы она стала не моим, а нашим общим делом.

Опять возник Альберт Павлов. В своё время я поручился за него, убедил С. П. Шевченко взять в редакцию, а он, как это и раньше бывало, подвёл, загулял... И вот — снова обхаживает меня, да ещё кое-кого. Павлов, бесспорно, журналист божьей милостью, но и в высшей степени одиозная фигура. Все в Павлодаре об этом знают, потому и не хотят иметь с ним дело. После долгих колебаний всё же беру его на самую низкую — стажёрскую — ставку. Вчера сказал ему об этом, а сегодня он пришёл и вывалил ворох идей — рубрики, темы, смена модели первой страницы и т. д. То есть всё то, чего я безрезультатно добивался от других. Меня, впрочем, предупреждают: не обольщайся, ещё наплачешься с Павловым.

Как мне работается сегодня? Трудно. Выматываюсь до изнеможения. Постоянно какой-то кошмарный неостановимый вал — захлёстывает, не даёт оглядеться, превращает в полураба-полуистеричку. Иногда мне кажется, что мы не

газета, а пожарная команда, где я первый пожарный. Не знаю точно, как надо работать, но точно знаю, как работать нельзя — так, как делаю это сейчас. Каждый раз даю себе слово не вовлекаться в эту сумасшедшую гонку, жить размереннее, отсеивать шелуху, но пока получается плохо.

Трагикомическая история. Среди прочих дефицитов у нас — дефицит водки. Приятель, занимающий достаточно высокую должность в столице, был в командировке в Павлодаре. Друзья презентовали ему литр медицинского спирта. Он его слил в грелку, привязал к себе, под рубашку, а на досмотре в аэропорту эту грелку у него обнаружили. Доложили “куда следует”. Было разбирательство, его уволили, сидит дома, найти работу с таким ярлыком ему будет весьма проблематично.

Какая дурость! Неужели уже и водки не можем привезти сколько надо? Ясно же, что не избавимся от пьянства, искусственно создавая дефицит спиртного. Люди сплошь и рядом травятся всякими суррогатами.

15 ноября

С. С. Беркетов, директор Павлодарского химического завода (в своё время настолько секретного, что лишь две газеты в Союзе могли упоминать о нём на своих страницах — “Звезда Прииртышья” и “Кызыл Ту”), в интервью нашей газете косвенно признал, что в прежние годы среди его вредных выбросов был и фосген — боевой отравляющий газ — побочный продукт производства хлористого алюминия. А с 1987 года его выбросы полностью прекращены.

Хорошо же мы жили все предыдущие годы!

Мой дальний родственник, который пошёл на этот завод ради квартиры, рассказывал, что на некоторых участках люди здесь работали в противогазах и чаще всего “хватали” дозу, снимая её последствия чисто по-русски — выделяемым начальством спиртом. Другие чуть ли не голыми руками вычерпывали из ванн жидкую ртуть, применяемую здесь по технологии...

“Химзавод, конечно, не кондитерская фабрика”, — философски заметил главный инженер завода, комментируя экологическую ситуацию на своём предприятии, категорически не соглашаясь с тем, что оно — главный виновник экологических бед в Павлодаре.

В чём-то он, может, и прав. Подсчитано, например, что только золы из труб в атмосферу все наши ГРЭСы и ТЭЦы выбрасывают в год около миллиона тонн. Или по тонне — на голову каждого жителя области. А ещё мы удивляемся, что у нас почти нет здоровых детей...

17 ноября

Большую часть двух номеров газеты отвели Всесоюзному совещанию в Орле. Повестка дня: нынешний этап перестройки, партийно-политическое обеспечение решений XIX партийной конференции об улучшении продовольственного снабжения населения. Значит, положение в стране с этим самым продовольственным снабжением и в самом деле аховское. Местом совещания выбран город Орёл, где “продовольственная проблема уже не ставится”, где, как сказали Генеральному секретарю, “уже жить можно”.

В отчёте приводится характерный диалог. Во время одной из своих бесед с людьми на Орловщине М. С. интересуется, как обстоят дела со снабжением продуктами. В качестве его собеседника выступает некий безымянный голос:

Голос. В молочных продуктах недостатка нет. Птица, яйца — бесперебойно.

М. С. Горбачёв. Значит, снабжение продуктами всё-таки лучше, чем прежде?

Голос. Намного лучше.

И дальше диалог с “голосом” продолжается в том же духе: М.С. выдвигает основополагающие тезисы, а “голос” их поддерживает.

Судя по всему, в Орле М. С. понравилось. “Вот такая и должна быть жизнь в стране. Нашенская, социалистическая, трудовая”, — подытожил он в своём выступлении.

Утёрли-таки наши нос американцам. С Байконура стартовал и приземлился в автоматическом режиме орбитальный корабль многоцелевого использования “Буран”. В это трудно поверить, но ведь было: сел на специально для него подготовленную посадочную полосу (стартовал “на спине” ракеты “Энергия”), а сопровождающие его во время посадки истребители выглядели как птички, сопровождающие орла.

В космосе — первые, а картошку хранить не умеем. Опубликовали сегодня фотообвинение: в одном из городских овощных магазинов в присутствии нашего корреспондента провели сортировку стандартного ящика картофеля: из 32 килограммов оказалось десять килограммов глины.

Выбирать же покупателям только хорошую картошку продавцы не разрешают: им “по норме” заложено всего четыре процента “отхода”.

Бред какой-то... Но хорошей картошки в магазине купить почти невозможно. Мы с детьми, например, садим свою долю у Лихановых — сестры и зятя в Железинке, помогаем полоть, копать и потом везём в Павлодар. Храним в кооперативном овощехранилище, где у нас своя “ячейка”. Попали туда “по благу”, хотя и заплатили за строительство немалые деньги.

“Неформалы” долбят власти, требуя информации о радиационной обстановке в области в связи с прошлыми и нынешними ядерными взрывами. Нам в газету поступило официальное разъяснение главного государственного санитарного врача СССР А. И. Кондрусева. Его суть: компетентной комиссией с участием ведущих учёных и специалистов Минздрава, Госкомгидромета и “других компетентных органов” Союза проведено специальное обследование радиационно-гигиенической обстановки в области. Проверяли содержание стронция-90 и цезия-137 в молоке, хлебе и других продуктах, и оказалось, что их — значительно меньше допустимого уровня.

Содержание радиоактивных изотопов в атмосферном воздухе и поверхностном слое почвы в сто и более раз ниже допустимых уровней... Содержание в почве цезия-137 обусловлено его глобальными выпадениями, а не ядерными испытаниями. Таким образом, по всем показателям радиационная обстановка в Павлодаре и области идентична обстановке на остальной территории страны...

Далее: “Онкологические заболевания — на общесоюзном уровне... А по ряду заболеваний органов дыхания, включая бронхиальную астму, отмечается тенденция к снижению...”.

И вывод: “полученные в результате работы комиссии материалы... дают основание говорить об отсутствии отрицательного влияния радиационного фактора, связанного с деятельностью полигона, на местное население”.

Ну ведь врут же самым бессовестным образом! Как будто не было наземных и воздушных взрывов, в том числе водородных бомб... Другое дело — может, и не догадывались тогда, какая это страшная вещь — радиация... Да и люди в то время знать не знали, от чего они болели и болеют, как, впрочем, и теперь.

19 ноября

В Экибастузе избрали нового генерального директора “Экибастузугля”. Было два кандидата на эту должность, которые провели более 20 встреч с угольщиками, выступили со своими программами в многотиражной и городской газетах.

“Экибастузуголь” делает погоду в экономике области, поставяет уголь на 22 электростанции страны. Здесь добывают в год до ста миллионов тонн угля — самого дешёвого в мире.

В объединении работают свыше 20 тысяч человек. На выборы они делегировали четыреста человек. Выступили оба претендента, потом — их сторонники. С большим отрывом победил В. В. Каландаришвили, проработавший в объединении более двадцати лет. Был директором разрезов “Степной” и “Богатырь”. Последний, я уже писал, самый мощный в мире. Здесь есть роторные экскаваторы, способные добывать и грузить в железнодорожные составы до пяти тысяч тонн угля в час.

В этом году только на селе должно быть построено семь детских садов — почти на 900 мест. Пять из них уже построены.

Верховный Совет Эстонской ССР принял поправку к своей конституции, позволяющую в определённых случаях приостанавливать пределы применения законодательных и иных актов Союза ССР. Это уже что-то сверхперестроечное... Вопрос будет рассматриваться Президиумом Верховного Совета СССР с приглашением представителей Эстонии.

Из криминальной хроники. Задержаны двое парней, сорвавших ондатровую шапку у прохожего. Оба задержаны. Им “светит” срок до шести лет. За прошлую неделю совершено три убийства (все раскрыты) и пять (!) самоубийств.

Из сообщения ТАСС. “Всё больше американцев сталкиваются с нищенским тупиком... В таких крупных штатах, как Нью-Йорк, Калифорния насчитывается три и три с половиной миллиона бедняков, соответственно. Однако “рекорд нищеты” принадлежит штату Миссисипи, где более четверти всего населения считается по официальным меркам бедняками, которые хронически не имеют крыши над головой, недоедают и голодают...”.

Не знаю: верить — не верить... Скорее — не верю.

Новые веяния. Городская центральная библиотека и кооператив “Меценат” открыли платную библиотеку. Здесь собраны пользующиеся спросом книги из личных библиотек: исторические романы, детективы, приключения и фантастика, мемуары, элитарная поэзия, детская литература. Берёшь книгу почитать — плати. Берёшь домой — вноси задаток...

Может, в этом и есть свой смысл, а то ведь каких-то новинок, других дефицитных книг просто не достать...

26 ноября

После снятия ограничений на подписку растёт тираж нашей газеты: 1986 год — 114 тысяч, 1987 — почти 143 тысячи, 1988 — около 145 тысяч, 1989 (на сегодняшний день) — 145808, плюс две тысячи — розница.

30 ноября

Грядёт политическая реформа в области государственного строительства. Этот вопрос обсуждён на пленуме ЦК КПСС и внеочередной сессии Верховного Совета СССР. В речи М. С. Горбачёва, которая заняла у нас больше двух газетных полос, обосновывается суть предлагаемых нововведений.

“Политическая реформа — это своего рода кислород, необходимый для жизнедеятельности общественного организма... Сегодня мы намерены возродить ценности Октября, воплотить в жизнь провозглашённые революцией лозунги свободы и демократии с учётом накопленного экономического, социального, культурного, интеллектуального потенциала...”

Основное содержание первого этапа реформы — обновление структуры Советов, порядка формирования и деятельности высших органов власти, избирательной системы... Чтобы Советы на деле решали все вопросы местной жизни, возродились как полновластные органы народного самоуправления...”

Конкретно речь идёт об “учреждении системы съездов народных депутатов, превращении Верховного Совета СССР в постоянно действующий орган”, радикальной демократизации выборов. Съезд будет состоять из более чем двух тысяч депутатов и собираться, как правило, раз в год. А уже из их числа будет избран постоянно действующий Верховный Совет.

Процедура выборов такова: предварительное обсуждение кандидатур на предвыборном окружном собрании, которое наделяется правом представлять кандидатов для регистрации. Выдвигалась идея, что выборы могут состояться при выдвижении не менее двух кандидатур, но возобладала точка зрения, согласно которой в бюллетень может быть внесено любое число кандидатов. (То есть и один — тоже, хотя о каком выборе в таком случае может идти речь?).

Две трети депутатов будут избираться в одномандатных округах, где могут выдвигаться несколько кандидатов, одна треть будет избрана от общественных организаций: КПСС (около 20 млн. человек), комсомола (почти 30 млн.), профсоюзов (практически всё работающее население), организаций ветеранов (50 млн.), творческих союзов (писателей, журналистов, художников и т. д.).

Нововведения и впрямь революционные, хотя очень многое непонятно. Как быть с руководящей и направляющей ролью партии? Октябрьский (1988 г.) пленум ЦК КПСС провозгласил курс на существенное видоизменение функций парткомов как органов политического руководства. Они “должны освободиться от административно-хозяйственных функций, призваны сосредоточить свои

усилия на ключевых направлениях организационно-партийной и идеологической работы, перенести центр тяжести на политические методы решения стоящих задач”. А чем же на самом деле станут заниматься райкомы, горкомы, обкомы партии, когда будут отодвинуты от “административно-хозяйственных функций”, от экономики и т. д. и т. п.? Ведь сегодня они по сути руководят всем, или, вернее говоря, контролируют всё... Мне кажется, и в умах партработников царит полная неразбериха.

Дали информацию о том, что почти 50 охотников-профессионалов начали отстрел белки. Только в нынешнем сезоне “в соответствии с биологическими расчётами” они заготовят восемь тысяч беличьих шкурок. Да охотники-любители отстреляют 2200 ондатр, а промысловики облпотребсоюза уже заготовили 4300 шкурок сурков...

Какие там к чёрту биологические расчёты! Жалко этих самых белок, ондатр, сурков... Последних я наблюдал в Баянауле: это же чудо какое-то, когда они, стоя и по-старушечьи сложив лапки на животе, встречают и провожают каждую проезжающую машину. А истребляют их, как и ондатру, варварски, без меры и без счёта...

В объединении тракторостроителей создан банк профессиональных намерений. Хочешь получить повышение, инженерную должность, реализовать свои выдающиеся способности — опусти свою “заявку” в ящики службы “Отзывчивость”... Что-то в этой идее есть, хотя навряд ли для всех хватит должностей...

1 декабря

В очередной подборке писем читательница ругает кооператоров. Масло продают по восемь рублей, в два раза дороже, чем в госторговле. На “кооперативные” сапоги не хватает её месячной зарплаты в 125 рублей (считает её хорошей)... То же с постельным бельём... Пишет, что женщина днём — работник, вечером — ищeyка необходимых товаров по приемлемым ценам, ночью — домработница... Это она в пику опубликованной у нас рекламе “Женщины! Будьте обаятельны!” с призывом пользоваться услугами маникюрных кабинетов.

2 декабря

Что мы знаем о собственной истории? Часто ничего. Вот лишнее подтверждение тому. Инженер из Свердловска (бывший казахстанец) Б. Вайсберг прислал материал о том, что необходимо найти место, где похоронен капитан Е. С. Гернет. “Командующий Волжской, Азовской и другими флотилиями, исследователь Арктики, составитель навигационных таблиц, создатель теории ледников Земли, он заложил основы современной теории больших колебаний климата и оледенения, разработал астрономические графики для знаменитой экспедиции Папанина на Северный полюс... Был дружен с писателем Паустовским, у которого есть повесть “Теория капитана Гернета”... Иначе говоря — неординарный человек, выдающаяся личность...

А всё дело в том, что Е. С. Гернет был в своё время осуждён (за что — неизвестно) и после отбытия срока находился в ссылке в Павлодарской области. Жил в Чернорецке, “Спартаке”, умер уже свободным человеком, в день отъезда к родным! Похоронен в бывшем колхозе “Спартак”...

Автор письма спрашивает: сохранились ли кладбище и могила капитана Гернета? Может быть, о нём помнит кто-нибудь из старожиллов? Может быть, есть возможность установить памятник на месте его захоронения, пусть и скромный? Материал опубликовали. Надеюсь, кто-нибудь откликнется.

Сколько шараханий было в последнее время на тракторном заводе! То совсем было собрались выпускать “Кировец”, то широкозахватную жатку “Степь” в авральном порядке собирали, чтобы показать Генеральному секретарю... Правда, вины самого предприятия здесь нет — это всё Москва экспериментировала. Между тем “основной продукт” — гусеничный трактор ДТ-75М по существу не модернизировался лет 20... Главный конструктор объединения Л. Ли пишет в нашей газете, что “завершается второй этап модернизирования и подготовка к производству тракторов Т-90П и ДТ-75Т... Это позволит вывести нашу продукцию на мировой технический уровень...”.

В последнее слабо верится. Хотя главный конструктор уверяет, что наш трактор вне конкуренции по сравнению с харьковским и волгоградским, а кабина ДТ-75М и вовсе лучшая в отрасли...

На 1989 год павлодарский трактор заказали более 70 агропромкомитетов страны — от Дальнего Востока до Урала, Поволжья и Прибалтики.

3 декабря

Несколько лет слежу за природоохранными мероприятиями на Экибастузской ГРЭС-1 — самой “грязной” по части экологии тепловой станции в Казахстане. Она самая мощная на востоке СССР и только из двух своих труб выбрасывает на головы экибастузцев сотни тысяч тонн золы в год (все тепловые станции области — около миллиона трёхсот тысяч тонн, или свыше тонны на каждого жителя). Это при том, что в самом неблагоприятном, 1986 году, коэффициент улавливания золы составлял 85,7 процента. Теперь на трёх блоках смонтированы новые золоулавливающие установки с коэффициентом полезного действия 98,35 процента. Задача — довести этот показатель до 99-95,5 процента. Тогда по станции в целом ежегодно будет вылетать в трубу “всего-то” 40 тысяч тонн золы.

Ну не знаю — не знаю... Экибастуз и Павлодар сегодня хорошо видны из космоса — как две грязные кляксы на теле Земли. А “хвосты” дымов из труб экибастузских ГРЭС улавливают за полторы тысячи километров...

Внесены изменения в Конституцию СССР, касающиеся выборной системы. Съезд народных депутатов будет состоять из 2250 депутатов: 750 — от территориальных избирательных округов с равной численностью депутатов; 750 — от национально-территориальных округов: по 32 — от каждой союзной республики, 11 — от каждой автономной республики, 5 — от автономной области, 1 — от автономного округа; 750 — от общественных организаций.

Опубликовали перечень товаров, разрешённых для продажи кооперативам и гражданам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельностью. Это — мука, крупы, растительное масло (почему-то любое, кроме подсолнечного),

соль, макароны, чай грузинский, жиры животные, рыба мороженая ставридной группы (!), перец красный...

Трудно что-либо понять. Почему, к примеру, “кроме подсолнечного масла”, или почему нельзя торговать, скажем, чёрным перцем?

Список “разрешённых к продаже” промтоваров и вовсе смехотворен: тесьма и лента отделочная, бахрома, пуговицы, швейные изделия выпуска прошлых лет, ткани в мерном лоскуте, пользующиеся ограниченным спросом у населения... Т.е. на тебе, боже, что нам не гоже.

В Германии уже столетия существует профессия трубочиста, цеховые товарищества трубочистов сохранились до наших дней. На трубочистов по-прежнему учат... Прочитал об этом в нашей газете (тассовская заметка).

7 декабря

Опубликовали материал комиссии партконтроля при обкоме партии о том, как НПО “Сборочные механизмы” занимается (а вернее — не занимается) выпуском товаров народного потребления. Здесь сорвали запланированные объёмы производства сепараторов (молочных) и центрифуг для отжима белья.

Критикуют Я. Ф. Райсиха, М. А. Рогачевского... Они предложили такой вариант: смонтировать сборочную конвейерную линию для одного из украинских заводов, который как раз специализируется на изготовлении сепараторов. Это позволит выпускать их более 20 тыс. штук в год, а половину украинцы поставят нам...

Хорошая идея, ведь НПО как раз и должно проектировать и производить сборочные линии — это профиль научно-производственного объединения... Разве этому НПО до сепараторов и центрифуг, как тому же тракторному — до стиральных машин “Малютка”?

“Указали” в очередной раз руководителям, потрепали нервы... А будет ли толк?

8 декабря

В обкоме партии собирали арендаторов. Интересный, поучительный разговор. Конечно, арендаторы работают лучше, чем традиционные производственные подразделения. Но это и не удивительно: у них есть заинтересованность в конечном результате, на основании которого определяется зарплата. Считается, что аренда основывается на ленинском тезисе о том, что строить социализм надо не на энтузиазме, а при помощи его...

Я сам давно дружу с бригадиром Владимиром Никитовичем Песоцким из совхоза-техникума и хорошо знаю, что сделала его кормодобывающая бригада, перешедшая на подряд.

И всё же очень много препон, нестыковок, не всегда есть возможность предоставить арендаторам условия, которые им нужны. Почти всякий раз возникает проблема, когда речь идёт о зарплате: бухгалтера упрутся — мол, это ж куда им (арендаторам) такие деньги?

Упразднены Тургайская и Мангышлакская области.

11 декабря

День за днём проваливаются как в прорву. Работа как будто входит в нормальную колею, но радости не приносит. Душит официоз, а не было бы его — бедствовали бы с материалами. Какой-то порочный круг.

Хотя внешних оснований для уныния быть не должно: есть прибавка тиража, пусть и небольшая (3200 экз.), нет серьёзных проколов. Брожения и разговоры в связи с моим назначением приутихли... Вот только дома время от времени “искрит”, что сразу выводит меня из колеи. Иногда говорю себе: умей жить с этим, принимай как должное. Говорить-то говорю, но не очень получается...

13 декабря

Страшное землетрясение в Армении. Ленинакан разрушен на 80 процентов, Спитак — практически полностью. В Армению уже выехала группа павлодарцев, привезут оттуда 150 человек, в основном детей, лишившихся крова.

Не зря говорят, что беда не ходит одна. Разбился военно-транспортный самолёт Ил-76 около аэропорта Ленинакана. Погибли 9 членов экипажа и 69 военнослужащих, которые летели на помощь пострадавшим от землетрясения.

Никто не может сказать — сколько человек погибло в результате землетрясения. Называют расчётную цифру — 40-45 тысяч.

Наказание Божье: не хотите ладить сами по себе (Армения — Азербайджан — Нагорный Карабах — резня, кровавые стычки, военные действия) — кровью миритесь, через горе и смерть поймёте, что зашли слишком далеко. Может, кощунственно так говорить, но именно так получается!

Павлодарцы перечисляют деньги в Армению, очень многие — свои, личные. Доноры сдали 387 литров крови. Отправлено 26 вагонов со стройматериалами.

Впервые Павлодарский аэропорт принимал тяжёлые транспортные самолёты Ан-22 (“Антей”) и Ил-76. Шестнадцатитонный подъёмный автокран заезжает в чрево “Антея” — как в склад... Четырьмя рейсами из Павлодара в Ереван отправлено 140 тонн грузов, бригады строителей с техникой... Мы опубликовали фоторепортаж из аэропорта...

На сессии облсовета оглашены цифры потребления основных продуктов на душу населения в области в 1987 году: мяса — 66 килограммов при норме 82, молока — 312 при норме 405, яиц — 260 при норме 292. Ничего не говорится о том, когда будет достигнут нужный уровень.

15 декабря

Г. В. Колбин дал интервью собкору “Литературной газеты” в Казахстане А. Самойленко. О декабрьских событиях 1986 года сказал следующее: “Говорят, будто агрессивное поведение — сожжённые машины, побитые витрины магазинов — всего лишь неумение демократическим путём выразить свою позицию... А истина в том, что на площади бесновались силы противодействия перестройке — демократия тут ни при чём...”.

Ещё Колбин сказал, что когда Кунаева попросили помочь утихомирить толпу, он категорически отказался...

На мой взгляд, это неправда.

Редакцию “бомбят” звонками: куда девался из торговли сахар? Оказывается, реализация его увеличилась на 17,4 процента, в летнее время было продано сверх фондов более трёх тысяч тонн сахара. Но ажиотажный спрос продолжался, поэтому ввели талоны. Теперь запасов нет, и его продают по дневной норме. При нормальном потреблении хватит до конца года. Но люди не верят — запасаются впрок...

То же с мылом и стиральным порошком. Продали последнего на 208 тонн больше, чем в прошлом году, но спрос по-прежнему не удовлетворён. Теперь хозяйственное мыло и порошок продают только с пяти часов вечера и по норме — “в одни руки” не более двух кусков.

16 декабря

Трест “Ермакферросплавстрой” начал выпускать ценные бумаги — акции. Первыми и главными их держателями станут рабочие и пенсионеры предприятия. До 40 процентов основных средств треста теперь могут формироваться за счёт личных сбережений. Людям гарантировано пять процентов дохода от суммы вклада ежегодно. Будет больше прибыли — больше станут отчисления.

Логика вроде есть, но что из всего этого выйдет — большой вопрос...

17 декабря

Идёт областная партийная конференция. А мы опубликовали материал нашего давнего автора, историка М. С. Тереник о первой партийной конференции, состоявшейся в 1938 году. Факты она приводит просто ужасающие. Лишь несколько месяцев назад была создана Павлодарская область, партийной организацией руководило так называемое оргбюро, почти весь состав которого накануне партконференции был объявлен врагами народа.

Вот какие речи звучали в те годы с главной партийной трибуны области: “Под руководством нашего славного сталинского наркома Николая Ивановича Ежова органы НКВД раскрыли и уничтожили троцкистско-бухаринских и национал-фашистских бандитов...”

Между тем скоро в их числе окажется и сам сталинский нарком и разделит их участь...

Подгоняемые страхом люди будто соревновались друг с другом — кто больше выявит и разоблачит врагов народа.

Коммунисту Тулебаеву из дальнего аула инкриминировали хищение 12 мешков хлеба и воза сена, а ещё то, что он с 1921 года связан с английской разведкой... Удивительно, что партколлегия ЦК КП(б) Казахстана не приняла этих вздорных обвинений... Ведь объявили же врагами народа членов оргбюро, сумевших за каких-то четыре месяца развалить экономику области. А первый секретарь Казрайкома КП(б) Мирзоян, секретарь ЦК Нурпейсов, председатель Совнаркома КазССР Исаев, руководители Восточно-Казахстанской области Свердлов, Онишин (тот самый, что возглавлял в только что созданной Павлодарской области оргбюро ЦК), Пинхасик были названы “кучкой презренных негодяев”, “главными сообщниками врагов народа”.

Нам, живущим сегодня, просто трудно себе представить: как такое могло быть?

В этом году область за счёт всех источников финансирования должна сдать почти 550 тысяч квадратных метров жилья, в том числе 20 тысяч за счёт индивидуального строительства. Кто они, эти самые индивидуальные застройщики, как подвигаются у них дела? Ответить на этот вопрос взялись журналисты газеты Сергей Горбунов и Альберт Павлов. Подготовили неплохой материал “Когда хата с краю”. Пишут, что тот, кто взялся сам строить жильё, дважды патриот: не ждёт, когда квартиру даст государство, а строит сам, на свои деньги, тем самым участвует в выполнении программы “Жильё-91”, пополняет местный бюджет, приобретая стройматериалы и т. д. и т. п. Откуда деньги? Во-первых, теперь предприятия дают ссуду своим работникам (разрешено!), во-вторых, собственные сбережения...

Казалось бы, есть деньги, выбирай участок, заказывай проект и строй. Но не тут-то было: никаких специальных фондов под индивидуальное строительство нет, стройматериалы приходится добывать правдами-неправдами; то же со специальной строительной техникой... Участки — маленькие, сродни дачным, будущие дома буквально лепятся друг к другу. А где ставить баню, гараж, летнюю кухню, сарай для живности? Такое впечатление — всё делается для того, чтобы зарубить доброе дело. Так и написали...

20 декабря

Весь номер — официоз. Публикуем отчёт с областной партийной конференции. Первое впечатление от доклада Ю. А. Мещерякова — в области сплошные провалы.

Сорваны задания по поставкам важнейших видов продукции: тракторов и бульдозеров, бензина, стройматериалов, товаров народного потребления.

Плохи дела в Экибастузе: сорван ввод первого энергоблока на ГРЭС-2.

В Павлодаре дефицит тепла составляет 700 гигакалорий; “хромают” торговля и бытовое обслуживание; не хватает поликлиник и больниц, детских садов.

В области много убыточных предприятий: в промышленности — каждое восьмое, в строительстве — каждое десятое, в сельском хозяйстве каждое третье хозяйство либо убыточное, либо низкорентабельное.

За последние десять лет объём промышленного производства в области удвоился, население выросло на 18 процентов и на столько же — объём производства сельхозпродукции, что не покрывает наших потребностей.

В сельской местности мало строится благоустроенного жилья, в 162 сёлах нет школ и детских садов, а из-за плохих дорог каждое двенадцатое село не имеет регулярного автобусного сообщения с райцентрами. За десять лет сельское население уменьшилось на 23 процента (люди уезжают в города).

Ставится задача — “быстрее и глубже осваивать арендные отношения, без оглядки и опасок делать ставку на материальный интерес”.

Деньги у людей есть (на сберкнижках — более 600 миллионов рублей), а купить то, что нужно, они не могут. Хорошая мебель, холодильники, цветные телевизоры, хорошая обувь и одежда, легковые автомобили — всё по записи, всё надо ждать годами... В дефиците даже самое необходимое: гречка, макаронны, майонез и т. д.

Про прессу сказано, кроме прочего, и такое: “Некоторые редакции не всегда последовательно и конструктивно проводят на страницах газет линию партии,

своего партийного комитета, а порою предоставляют слово демагогам, тем, кто готов опорочить перестройку”, при этом не приведено ни одного примера.

Зато были приведены такие цифры (я их не знал): 1310 жителей области сдали кровь для пострадавших от землетрясения жителей Армении. Какой всё же у нас замечательный народ!

И ещё. Оказывается, в областной партийной организации насчитывается 51285 членов и кандидатов в члены партии.

25 декабря

Умерла бабушка Мария Петровна, мать моего отца, несколько недель не дожив до 98 лет, пережив всех своих сверстников и 13 из 14 своих детей.

Бабушка прожила у нас года два. До этого она обитала в “Михайловском”, в избушке-завалюшке, верховодила среди бабок, пользуясь у них беспрекословным авторитетом. Жила одна, садила картошку... Было у неё несколько кур. Дрова на зиму мы с братом Петькой пилили и кололи, приезжая в совхоз, картошку пололи с Ольгой...

Когда стало ясно, что она уже не может сама управляться, мы с матерью приехали и забрали её к себе. Это было непростое решение. Мать всю жизнь держала обиду на свекровь, говорила, что та обижала её в молодости, когда они только поженились с отцом. Впрочем, это не мешало матери по-своему заботиться о бабушке: и живя в совхозе, и перебравшись к нам в город, мать никогда не забывала послать ей гостинцев — что-то из продуктов, вещей. Но помогать на “расстоянии” — одно, а жить вместе — совсем другое... Тем более, жива ещё младшая дочь бабушки Людмила Петровна, её последний, четырнадцатый ребёнок... И кому, как не ей, позаботиться о немощной матери? Но бабушка о Л. П. и слушать не хотела: отношения их с давних пор не заладились.

Словом, мать, выслушав мои доводы, скрепя сердце приняла очень непростое для себя решение. Ольга сразу не возражала, её беспокоило лишь, будут ли мать с бабушкой ладить между собой.

Так в нашей семье стало семь человек: мать с бабушкой, мы с Ольгой и трое наших детей. Тесновато даже для нашей отнюдь не тесной четырёхкомнатной квартиры...

Жили — как жили, случалось всякое, некое напряжение в отношениях матери и бабушки сохранялось, не выходя, впрочем, за рамки приличия. Ела бабушка то же, что и мы, за одним столом с нами, мать стирала её одежду, Ольга помогала мыться в ванной и стричь ногти. Ничем она как будто не была обделена, вот разве только общением. Каждый из нас жил своей жизнью, а на неё времени ни у кого не хватало. В совхозе у неё постоянно толклись люди. А у нас, я думаю, она больше всего страдала от одиночества, не милы ей, наверное, были ни отдельная комната, где я теперь пишу эти строки, ни сытый стол, ни прочие блага городской жизни.

О чём думала бесконечными ночами, долгими вечерами, когда мы собирались у телевизора, а она сидела одна, часто без света? Когда я пытался ей выговоривать: “Что же ты без света сидишь?” — отвечала: “А зачем он мне, я ведь всё равно ничего не вижу”.

Я всё думал: вот разберусь немного с делами, вот станет чуть-чуть посвободней — возьмусь записывать историю её удивительной, полной трагических событий жизни. Увы! Хватило духу на два-три захода. Она была великолепной рассказчицей, до последних дней сохранила ясность ума, обладала прекрасной памятью. Касалось ли это её раннего детства в Тульской области, переезда их семьи в Сибирь, истории её замужества или трагической гибели детей.

Ко мне бабушка благоволила с самых пелёнок, а когда я чуть-чуть подрос, всюду таскала меня за собой. В Купино и в Новопокровку, на озеро Чаны, в Дивногорск. У нас с ней были особые отношения... Я ни разу не пожалел, что перевёз её в свой дом, хотя, повторяю, не всё и не всегда у нас тут было гладко...

Отчего же тогда у меня чувство вины перед бабушкой? У меня, больше чем кто-либо другой сделавшего для неё? Что же это за наказание такое — старость? Или вправду говорят: не смерть страшна, а старость?

На бабушкину долю пришлось царствование Николая Второго и революция, гражданская война с кровавым рейдом через их деревню Чубаровку атамана Анненкова (её муж и мой дед, бывший по другую сторону баррикад, чудом избежал при этом смерти); коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная (мой отец, единственный воевавший её сын, вернулся с войны лишь контуженным, попав в счастливые три процента уцелевших на фронте сверстников); бабушка была свидетельницей и участницей стольких событий, что их бы хватило на целый десяток жизней! Наконец, повторяю, она пережила и оплакала 13 из 14 своих детей... Как она не сошла от всего этого с ума — моему уму непостижимо...

Она почти ослепла, плохо слышала, у неё не осталось ни одного зуба. Но её любимыми блюдами неизменно оставались хлеб и квашеная капуста. И когда я ей подкладывал хлебный мякиш, она говорила: “Не надо, я и скорки (т. е. корки) люблю!”. А в последний Новый год, который мы отмечали вместе, на мой вопрос: “Бабушка, выпьешь шампанского?” — она ответила: “Нет, внучек, налей мне лучше стопку беленькой”.

Вот какая у меня была бабушка. И умерла она, можно сказать, на ногах. Заболела дней за десять до смерти. Мы поняли это потому, что она, всегда отличавшаяся отменным аппетитом, стала хуже есть... Потом не стала выходить к столу — мы носили ей еду в комнату. Видимо, ей становилась всё хуже, хотя она ни на что не жаловалась, ничего не просила, только пристанывала. Два дня не вставала с кровати и почти не ела, но оставалась в памяти.

Тут я и сам заболел — гриппом. Решил день отлежаться — мы как раз номер пропускали. Несколько раз заходил к ней, но ни о чём не спрашивал — не хотел тревожить. Вечером того же дня перевернули вместе с матерью её на другой бок (сама просила), мать напоила её...

Долго не мог уснуть... А в начале пятого ночи меня разбудила мать. Я испугался, сам не знаю отчего, мать заметила это и, помолчав, сказала, что бабушка умерла.

Мы пошли в её комнату и увидели, что бабушка лежит не так, как мы её положили, а неудобно, поперёк дивана, головой к батарее, а её ноги свисают... Мы положили её головой на подушку, поправили постель... Бабушка была ещё теплая...

Потом мы молча сидели с матерью, часов до семи утра, пока не встала Ольга (я болел, она спала в другой комнате с детьми).

Потом была похоронная карусель. Вечером, в день похорон, приехал брат Шурка (наша телеграмма застала его в Красноярске, потому и добрался так быстро, хотя бабушку уже не застал).

На другой день мы с ним сходили на кладбище. Я всё говорил ему о чувстве своей вины перед бабушкой, он меня успокаивал...

Шурка в этот приезд показался мне уверенным в себе, основательным; кажется, ему удалось найти какое-то равновесие в жизни. Может быть, отсюда и новые стихи, в которых есть по-настоящему хорошие строки. В нём появились

новые привлекательные черты, которые либо затушёвывались прежним образом жизни, либо казались вовсе утраченными: жизненная устойчивость, чувство собственного достоинства; он казался куда более свободным, чем я, со всеми моими достижениями и внешним благополучием.

27 декабря

Новые веяния. Стали публиковать “Экологический дневник”: сведения о радиационном фоне, уровне загрязнения Павлодара вредными веществами. Первый показатель, как правило, всегда в норме: от 10 до 15 микрорентген в час. А превышения предельно допустимых концентраций бывают по пыли, окиси углерода, двуокиси азота, хлористого водорода. Виновники — предприятия города: ТЭЦ, химзавод, тракторный завод, автотранспорт.

29 декабря

П. В. Лефлер привёз очередной материал из своего любимого колхоза имени 30-летия Казахской ССР. Там теперь новый председатель вместо умершего Я. Г. Геринга — И. Ф. Штрайф. Этот колхоз иногда называют островком коммунизма. И не без основания. По уровню развития животноводства ему нет равных в области. В этом году надой на корову составил 3800 килограммов. Ставят задачу — довести до пяти тысяч килограммов. Откуда результат? Всё как будто просто: высокопородистые коровы, хороший уход и, конечно, кормление. Где ещё дойное стадо кормят не только степным и луговым сеном, но и люцерной, донником, силосом из кукурузы с почти спелыми початками, а ещё свёклой, тыквой, морковкой!

Основа же всего — пять тысяч гектаров орошаемых земель. Вода — из-под земли, из артезианских скважин. Дождевальные машины — от простейших до суперсовременных “Кубаней” с шириной захвата 800 метров. (Я как-то был на ВДНХ, так там даже места не нашлось для “целой” “Кубани” — установили лишь её фрагмент.)

Орошаемый гектар кормит самое крупное в области стадо крупного рогатого скота. Есть также свиньи, лошади, овцы и даже верблюды. Есть звероферма и даже свой колхозный зоопарк.

Центральная усадьба — как картинка. Говорят, что хозяйки, выгоняя своих коров в стадо и встречая их вечером, прихватывают с собой совки и мусорные вёдра, чтобы сразу убирать “художества”, оставляемые на сельских улицах их бурёнками.

Впрочем, этот колхоз — тема для особого рассказа, о нём написаны книги, сняты фильмы. Секрет этого успеха — в личности бывшего председателя Я. Г. Геринга — Героя Соцтруда, депутата, лауреата и труженика — каких поискать. И, наверное, в национальном составе колхозников. Здесь с конца прошлого века обосновались немцы-переселенцы. Немецкое население преобладает и сегодня. Но ведь не всегда колхоз был таким: и земля в округе далеко не благодатная, и засухи — каждый год — т. е. условия, как у всех, и даже гораздо хуже, чем у многих. Но ведь смогли! И прежде всего — благодаря Герингу. Я встречался с ним несколько раз, когда ещё только начинал работать в “ЗП”. Всегда робел, всё оставлял основательную беседу на потом...

Будь у нас в области десятка два таких хозяйств (хотя бы по паре на район) — картина в сельском хозяйстве была бы совсем иной.

Дали в подборке писем письмо учительницы О. Руди. С возмущением пишет об утрате людьми своих национальных корней. Когда она начинала работать, в Павлодаре почти не было школ, где бы изучали казахский язык. У них в школе проходила неделя казахской культуры, так не могли найти ученика, который бы прочитал стихи на родном языке. В городе одна школа и один интернат, где дети могут учиться на казахском. Разве это дело?

Да, чтобы состояться в жизни молодому человеку, у нас надо знать прежде всего русский. Потому-то и казахи предпочитают, чтобы их дети учились на русском. Хотя при всём при том мои друзья, одноклассники-казахи, на казахском изъясняются свободно: говорили с детства дома с родителями, дедушками-бабушками.

Но проблема есть. И на многие годы.

Читатель В. Ткаченко “долбит” нас за публикацию поздравлений. Пишет: “Кому пришло в голову при таком дефиците бумаги делать это? Неужели эти мужья, жёны, дети, внуки живут где-то за рубежом, за тридевять земель от родного дома? Не лучше бы было, товарищи поздравляющие, для ваших именинников, если бы вы принесли в их дом букет цветов, открытку, приветственный адрес?..

... Нам, читателям, совершенно неинтересно — кому сколько лет исполнилось. Другое дело — когда в нашей газете рассказывают о делах того или иного человека, об интересных людях...

... Пусть наша гласность будет содержательной, толковой...”

Наверное, читатель не знает, что мы берём за эти поздравления деньги. Знал бы — нам бы ещё больше досталось.

30 декабря

ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совмин по предложению трудовых коллективов, граждан, партийных и советских органов упразднили имя Л. И. Брежнева в названиях предприятий, колхоза, института, дивизии, средней школы, площадей, морского судна, стипендии для студентов и т. д. и т. п. в разных уголках Союза.

Аналогичный акт принят в отношении недавнего увековечения имени К. У. Черненко.

Будут также лишены мемориальных досок дома в Москве, в которых они жили.

Между тем увековечивали имена обоих генсеков также “по просьбам трудящихся”...

Своеобразный рекорд области установил житель Майского района М. Казиев: в этом году он продал государству со своего личного подворья семь с половиной тонн молока. Его чествовали как передовика. По существующим правилам тем, кто сдал по две тонны молока, зернофураж в районе продаётся втрое дешевле обычного и, кроме того, им полагается две тонны бесплатного сена с общественного сеновала.

Дали об этом информацию нашего собкора Ю. Сакина.

Другой рекордсмен области — руководитель семейного арендного звена, кавалер орденов Ленина и Октябрьской Революции, лауреат Госпремии Казахской ССР А. Я. Рудько. Он вместе с дочерью и зятем откармливает крупный рогатый скот по интенсивной технологии.

В этом году звено А. Я. Рудько сдало государству 715 бычков по 585 килограммов каждый. При этом каждый бычок на откорме прибавлял в сутки по килограмму.

Об опыте А. Я. Рудько говорил в докладе на одном из пленумов ЦК КПСС М. С. Горбачёв. В области поставлена задача — распространить передовые методы работы на откорме. Но дела у последователей мастера не блестят: наш П. А. Побережников ездил в Успенский район разбираться — почему. Причин много: нет тех условий, тех кормов, не выдерживается технология. А главное в том, что нет второго А. Я. Рудько...

Новые веяния. Нашу газету заваливают объявлениями об обмене квартир. Хотя подавляющее большинство жилья в Павлодаре — государственное. Обмен по сути та же купля-продажа, потому что в принципе можно обменять однокомнатную квартиру на трёхкомнатную (разумеется, с доплатой) и наоборот...

Прямой продажи жилья ещё нет, но уже разрабатываются соответствующие правила, о которых пишет в нашей газете зампред горисполкома А. Рюмкин.

31 декабря

Два года тракторный завод работает в условиях так называемой госприёмки. В службе вневедомственного контроля более ста человек. Вроде есть сдвиги в сторону улучшения качества. В этом году с первого предъявления принято около 80 процентов тракторов. Но машина-то по-прежнему несовершенна. Почти сто раз приостанавливалась приёмка и отгрузка тракторов, дважды — на срок до трёх недель...

То есть нет никаких кардинальных сдвигов. Одно ужесточение контроля при приёмке продукции не решает всех проблем... Пишем, пишем... А толку...

1989 год

2 января

Новый год встречали всей семьёй дома, как-то очень тихо, спокойно. Хорошо, если бы и год выдался таким...

Оказывается, имя нашего города носит сухогруз "Павлодар" Дальневосточного морского пароходства. И павлодарцы уже восемь лет поддерживают с ним контакты.

Наши журналисты сумели связаться по радио с экипажем. Капитан Зозуля в ответной радиограмме сообщил, что сейчас "Павлодар" находится в Тихом океане, у берегов Японии. До этого он доставил из Филиппин в Канаду 4660 тонн груза. В этом году сухогруз ожидает плановый ремонт, а затем рейсы в Таиланд, Малайзию, Индонезию, Филиппины.

Вот бы куда попасть в качестве журналиста!

Наш Мишка Чирков в своё время, оставив работу в газете, устроился матросом на рыболовецкое судно, “ходил” (не плавал — поправлял он всегда нас, добавляя, что плавает г...) через Тихий и Атлантический океаны, а затем публиковал в нашей газете рассказы об этом путешествии, которое было одновременно и тяжёлой работой. Привёз с собой часть мужского достоинства моржа, представляющего собой кость весьма характерной формы. Журналистка областного телевидения, расспрашивая его о плаваниях, добралась и до этой “реликвии”, вертела в руках, допытываясь: “А это что?”. Мишка уклонялся, а потом вынужден был объяснить. Журналистка расплакалась... Эту часть беседы, конечно, вырезали... Журналистка с тех пор с Мишкой не разговаривает...

Что только не выпускает наш суперсекретный химзавод! Дали в праздничном номере информацию: технологи предприятия разработали рецептуру сырья с высоким содержанием ароматических углеводов — исходного элемента для производства технического углерода, или, говоря нормальным языком, — сажи. Она в свою очередь используется для изготовления автомобильных покрышек.

Более тысячи тонн сажи было отправлено на Омский шинный завод, и промышленные испытания показали: павлодарская сажа — самого высокого качества, она значительно удлиняет рабочий век шин.

4 января

Ругают, ругают павлодарский трактор, но тем не менее на этот год в объединение поступило заявок на 52 тысячи машин. Это больше, чем может дать завод, который заключил договоры на поставку 48 тысяч тракторов. Честно говоря, трудно даже себе представить это неимоверно огромное количество. Это значит, что каждый день с конвейера должно сходить по 131 с половиной трактору...

Решили посмотреть, как работают советы трудовых коллективов (СТК), громко провозглашённые школой демократии. Володя Карпов сравнивает СТК авторемонтного завода и ТЭЦ-1. Первый возглавляет директор, второй — слесарь. Первый убеждён — так и должно быть, второй говорит, что, если бы знал, как пойдёт дело, то ни за что не согласился бы возглавить СТК. Оно и понятно: у директора и без того хватает полномочий, а если он к тому же умный человек, то использует на благо предприятия и авторитет СТК. У простого рабочего, ставшего во главе СТК, выбор невелик: либо почти во всём согласовывать свои действия с руководителем, либо — конфликтовать, что чревато последствиями — какой же директор потерпит “пятую колонну” на вверенном ему предприятии?

Наверное, лучше всего было бы сделать СТК консультационно-совещательными органами при руководителях, иначе они сами по себе прикажут долго жить.

В Японии существует традиция издавать специальные словари “слов, пришедших из-за рубежа”. С 1948 года число иностранных заимствований (китайских, португальских, голландских, испанских, английских, немецких, русских) перевалило за 50 тысяч.

В прошлом месяце проведён конкурс на самое популярное слово 1988 года. Условий два: слово должно получить самое широкое хождение среди японцев и оказать значительное влияние на их сознание.

Решением специального жюри первая премия — золотая медаль — была присуждена русскому слову “перестройка”.

Опубликовали в нашей газете заметку АПН об этом.

В другой “АПНовской” заметке (тоже печатаем) сравниваются уровни личного потребления в США и СССР. Сравнения явно не в нашу пользу.

Фонд заработной платы в национальном доходе, созданном в промышленности: в США — 64 %, в СССР — 36,6 (в 1908 году — 54,8 %).

Душевое потребление мяса: у них — 120, а у нас — 62 килограмма в год, к тому же и качество нашего мяса значительно хуже. На хлеб и картошку у советского потребителя приходится 46 % дневного рациона, а на мясо и рыбу — 8 %. В США, соответственно, 22 и 20 %.

Советскому работнику приходится трудиться намного больше, чем среднему американцу, чтобы купить единицу продукта: по мясу это превышение составляет 10-12 раз, птице — 18-20 раз, молоку — 3 раза, сливочному маслу — 17 раз, яйцам — 10-15 раз, апельсинам и бананам — 18-25 раз, хлебу — 2-8 раз, водке — 18 раз.

Да уж... Ну что касается апельсинов и бананов, то, как говорится, семь лет мак не родил, и голоду не было, а вот что касается мяса, хлеба и водки, то тут крыть нечем... Первая страна победившего социализма явно проигрывает капиталистической акуле США.

Та же ситуация с одеждой и обувью, мебелью и коврами. Про автомобили и говорить нечего. Наше население обеспечено ими лишь на 5 % по сравнению с американским.

Соотношение зарплаты и розничных цен в торговле в СССР в 10-12 раз ниже, чем в США.

Это данные за 1985 год. Если что-то и изменилось в последние годы, то только в худшую сторону для нас.

Чего им не жить, этим американцам! У них и развлечения — соответствующие. В этом же номере опубликовали заметку “Боров-рекордсмен”. Один 65-летний американский фермер выращивает свиней по особой технологии. Его любимый боров по кличке “Шеф” ежедневно сжирает по 13 килограммов зерна и 10 банок пива (не пишется — какого объёма). Дважды в день хозяин выводит своего любимца на прогулку, тот также регулярно проходит медосмотр, включая рентген — на предмет того, не сказывается ли излишняя полнота борова-рекордсмена на его здоровье.

Всё же можем, если захотим... На химзаводе налаживают выпуск шампуня “Диона”, который, оказывается, не хуже польских и болгарских. При всём при том живую клетку женьшеня, входящего в состав нового шампуня, выращивают в Павлодаре методом биотехнологии. Фантастика какая-то! Надо самому заняться этой темой, уже и заголовок придумал: “Женьшень растёт в Павлодаре”.

Наша область — соляной край. В значительной мере и Павлодар появился благодаря тому, что России нужен был надёжный поставщик качественной соли. В своё время сам Пётр Первый отправил в эти края специальную экспедицию с наказом найти постоянный источник снабжения центральных районов империи солью.

И вот теперь не только тракторы, уголь, но и наша павлодарская соль идёт в самые разные уголки Союза. По Иртышу и Оби, Северному Ледовитому океану, через порты Дудинки и Игарки — в Якутию, северные районы Красноярского края. По железной дороге — на Дальний Восток и в другие районы страны.

Ежегодно добывается свыше 300-350 тысяч тонн соли. И хотя в торговле пачки с павлодарской солью выглядят не очень привлекательно, как и сама соль — серая, крупная, по вкусовым качествам она очень хороша, к тому же сбалансирована по необходимым микроэлементам.

6 января

Опять перебои на тракторном... У завода, конечно, и своих грехов хватает, но и поставщики хороши. Их у завода свыше 120. Это только по Союзу, а есть и зарубежные. И как завод может не лихорадить, если, скажем, даже соседи — объединение “Резинотехника” из Караганды — в прошлом году недопоставило ему 28 процентов комплектующих. В числе должников аналогичное предприятие из Красноярска, Елецкий завод тракторных агрегатов, Магнитогорский металлургический и т. д. и т. п. Неудивительно, что и наши тракторостроители подводят партнёров, недодавая им тракторы, запасные части и другую продукцию.

Со всем этим разобрался областной комитет народного контроля, мы опубликовали материал, но вряд ли ситуация кардинально изменится.

В эти же дни проходила конференция женщин Павлодарского тракторного. Женщины недовольны: в высшем руководящем звене всего одна из них — главный бухгалтер; начальников отделов — 7 из 46, начальников цехов — ни одной из 44, главных специалистов — ни одной, начальников смен — 7 из 46, старших мастеров — 177 из 630. Зато инженеры-конструкторы, инженеры-технологи, экономисты — почти сплошь женщины — 85 процентов общего состава.

Вместе с тем более половины коллектива — 12 тысяч человек — женщины. В производственной сфере (т.е. на рабочих профессиях) занято 6,5 тысячи женщин, в том числе треть этого числа на рабочих местах с вредными условиями труда, а 53 “героини ударного фронта” — на участках с особо вредными условиями — это формовщицы машинной формовки.

В чугунолитейном цехе женщины-маляры перевешивают (читай, переключают с места на место) 20-килограммовые детали и 16-килограммовые гири с конвейера на конвейер. И это — всю смену. Почти 2,5 тысячи женщин работают по трёхсменному графику.

Была в годы войны такая грубовато-циничная частушка: “Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик”. Ну там-то выхода не было — война, нужда, на самих себе пахали. А теперь? Теперь — из-за той же нужды, из-за денег проклятых: на тяжёлых работах больше платят, короче смена, раньше отправляют на пенсию. К тому же на таких работах не требуется особой квалификации. А то что женщины гробят себя, не могут рожать нормальных детей, в 40 лет становятся старухами... Кого это трогает? Материал о конференции назвали “Этот сильный слабый пол”. До каких же пор ему быть сильным?

Уже, наверное, лет десять ведём рубрику: “Равнение — на трёхтысячниц!”. Цель — увеличивать число доярок, надаивающих за год от каждой закреплённой за ними коровы не менее трёх тысяч килограммов молока. В 1987 году в движении за достижение этого рубежа участвовало 496 доярок, достигли заветного результата 196. Не так уж много, хотя такие есть в десятках совхозов и колхозов. В это же время в Песчанском племзаводе, Опытной станции по защите почв от эрозии, колхозе имени 30-летия Казахской ССР, колхозе имени Тельмана надаивают в среднем от 3105 до 3390 килограммов. Вот уровень, к которому надо стремиться. А всё это равнение на трёхтысячниц, которое наша газета “тащит” на своих страницах вот уже лет десять, кажется мне надуманным, в значительной мере искусственным.

7 января

Опубликовали большое решение облисполкома о работе кооперативов и лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. Оказывается, в прошлом году число кооперативов выросло более чем в шесть раз и достигло 293. Ими произведено товаров и оказано услуг на 4 млн. 261 тыс. рублей. Банки выдали кооперативам 564 тысячи рублей ссуды, а сами они заплатили в местный бюджет 313 тысяч рублей.

Впрочем, сами по себе эта цифры ещё ни о чём не говорят, потому что удельный вес кооперативов и лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, составил в общем объёме производства товаров народного потребления лишь 1,1 процента.

Кооперативы почти не занимаются производством чего бы то ни было или услугами как таковыми, зато с охотой заполняют выгодные ниши, вступая в альянсы с предприятиями. Так, ремонтно-строительное управление “Облремонтстройбыта” и оптово-розничное объединение “Казстройторг” в прошлом году реализовали кооперативу “Виктория” облицовочную плитку — на 1666 рублей. Тот стал наносить на эту плитку рисунок и продал за 12639 рублей, получив более 600 процентов чистой прибыли...

Кооператив “Севинж” закупил конфеты “Арахис” по 1 руб. 40 коп. и апельсины по 2 руб. 10 коп., а продал, соответственно, по 3 руб. 50 коп. и по 5 рублей. Решение облисполкома характеризует подобную деятельность как откровенную спекуляцию. Хотя с этим можно и поспорить. Вряд ли этот кооператив в состоянии сам выпускать конфеты, а тем более выращивать в нашем краю апельсины... Но ведь они пользуются спросом, а в госторговле их нет... Может быть, и хорошо, что кооператив извернулся, нашёл, купил... А что продавал дороже в два с половиной раза, так ему же надо и собственную выгоду поймечь...

Перечисляются прочие многочисленные нарушения, допускаемые кооперативами, критикуются райисполкомы за то, что мало уделяют внимания и плохо контролируют работу.

Тут же публикуется внушительный перечень видов индивидуальной трудовой деятельности, которым разрешается заниматься гражданам на территории области в этом году и размеры оплаты за патент на подобную деятельность. Минимальная стоимость патента — за право на реализацию населения зоокормов и аквариумных рыбок (75 и 180 рублей, соответственно), максимальная — за так называемый частный извоз (900 рублей), техобслуживание и ремонт автомашины (940) и пошив головных уборов из меха ценной пушнины (1000 рублей в год).

Самый большой тираж в стране в этом году у еженедельника “Аргументы и факты” — 20,5 миллиона экземпляров.

8 января

Ездил в Алма-Ату на пленум Союза журналистов Казахстана — выдвигали кандидатов в народные депутаты СССР от нашего творческого союза. Пленум был шумным и бестолковым, хотя по-своему интересным, а в чём-то и поучительным. Уже одно то, что председателю правления СЖ Казахстана, одному из кандидатов, пришлось выслушать немало нелестных слов в свой адрес, говорит о многом... “Назовите хотя бы один приличный материал, опубликованный за вашей подписью!”. “Ваша газета — одна из самых серых!”. “Вы случайный груз застоя в перестройке!”. Люди становятся смелее, и авторитет должности, если и срабатывает, то не так автоматически, как прежде.

Впрочем, выдвинули в конце концов того, кого и намечала столица...

Урок мне: никакая занятость не может служить оправданием личной творческой импотенции редактора. Надо находить время писать в свою газету. Что и делал в воскресенье...

Первым замом стал Ю. А. Ковхаев, а ответсекретарём В. Г. Семерьянов. Похоже, оба довольны.

Если же проанализировать, что удалось мне сделать за несколько последних месяцев, то картина откроется безрадостная. Можно, конечно, найти оправдания: сначала надо было “утрясти кадры”, потом чуть ли не заново формировать “верхушку”... На это уходили и время, и силы....

А может, я слишком много хочу? Тираж вон опять добавили — на пять тысяч, он у нас теперь почти 150 тысяч...

Нет, всё же не так мы работаем: очень многие журналисты привыкли к тихой, спокойной жизни со всеми удобствами... Но ведь газета и такой образ мысли и жизни несовместимы.

Вышла, наконец, в “Лике земли” моя “Пора сенокосная”. Ровно через десять лет после того как была написана. Спасибо Гуле Ертлесовой и Лене Кузьминой — нашим “казушницам”: и за то, что сумели включить рассказ в сборник, и за то, что не вмешивались в текст. К тому же, судя по содержанию, я затесался в хорошую компанию: К. Лоренц, Э. Сетан-Томпсон, П. Мариковский...

С грустью подумал: вот бы те десять лет, пока “Пора сенокосная” шла к читателю, писать по одной такой же вещице в год, можно было бы уже собрать приличный сборник. Что ни говори, а мне очень дорога эта полуочерковая, полубеллетристическая новелла — долг памяти детства, моей семье и совхозу, всей той уже далёкой жизни, в которой я, наверное, был счастливее, чем сейчас.

Вот ведь как: радуешься тому, что должно быть нормой. Но ведь изуродовали же беспредельно в двух последних сборниках “Талант владеть землёй” и “Отцовское поле” мои и без того несовершенные очерки и статьи... Всё же надо писать, находить для этого время. А хорошая вещь рано или поздно пробьётся в свет.

Засобирался в отпуск. Хочу как “ценный партийный кадр” съездить куда-нибудь в санаторий. Хорошо бы в Подмосковье. Махнул бы оттуда к братану Петьке в Ленинград...

10 января

Практически весь номер занял отчёт о встрече в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры. А большая часть самого отчёта — речь М. С. Горбачёва, который высказывается по разным аспектам перестройки. Тут, наверное, уместнее всего привести некоторые цитаты.

“... Раздаются голоса о том, что, мол, перестройка ведёт к хаосу, вседозволенности, всеядности. Что она-де представляет угрозу нормальному развитию страны, что мы якобы уже заблудились не только в определении методов и способов решения задач, но и в самом выборе, в постановке цели...”

... В некоторых дискуссиях выдвигается вопрос о том, что для перестройки рамки социализма якобы тесны. Исподволь подбрасывается мысль о политическом плюрализме, многопартийности и даже частной собственности. Речь идёт о якобы неспособности через перестройку раскрыть потенциал социализма...

... Под видом гласности предпринимаются попытки атаковать КПСС... которая разработала и предложила перестройку...

... По партии бьёт тот, кто хочет сорвать перестройку, навредить ей...

... Довольно распространённое суждение, которое считаю ошибочным: мы, вроде бы, ведём дело перестройки в стране, не имея разработанной программы, не знаем, к чему стремимся и чего хотим.

... Мы должны продолжить разработку концепции нового облика социализма. И этим мы сейчас заняты...

... Важнейшая заслуга XIX Всесоюзной партконференции состоит в разработке концепции реформы политической системы...

... Нам надо отбросить всякие спекуляции относительно того, что мы вроде бы не знаем, к чему идём и что делаем...”

Говоря о нехватке товаров, продовольствия, очередях, проблеме жилья и других, М. С. подчёркивает, что “люди напрямую связывают это с перестройкой, говорят, что она, дескать, пока ничего не даёт в экономическом и социальном плане, что во многих случаях ситуация даже ухудшилась...”

Как на самом деле обстоят дела?

... Самое тяжёлое наследство, которое мы получили от прошлого — это дефицит бюджета, который тщательно скрывался... Сказалась негодная практика выплачивания практически незаработанных денег во многих отраслях... За последние 20 лет денежные доходы населения росли быстрее, чем производство товаров...

... В результате падения цен на нефть на мировом рынке мы недополучили в 1985-1988 годах 37 миллиардов рублей. Произошло резкое уменьшение выручки и поступления доходов от продажи алкогольных напитков — недополучено за тот же период 49 миллиардов рублей... Считают, что это результат ошибки нынешнего руководства. Думаю, что это необоснованное обвинение. Мы можем говорить лишь о некоторых искажениях в проведении этой линии, но сама линия правильная...

... Весь опыт перестройки убедительно показывает незаменимую роль партии как генератора идей перестройки и гаранта их практического воплощения... На

этапе глубоких преобразований мы ещё больше нуждаемся в сильной теоретически, идеологически, организационно партии, действующей на ленинских принципах...

... Мы ни в коем случае не отказываемся от социалистического плюрализма, именно социалистического, основывающегося на наших ценностях...

С позиций нового политического мышления мы рассматриваем социализм как органическую часть современной цивилизации, без которой немислим прогресс человечества... Убеждены, что социализм ещё раскроет свои огромные возможности как общество, уверенно смотрящее в своё будущее”.

Вне всякого сомнения, М. С. нужна была поддержка людей, чьи имена хорошо известны в стране. И он её получил. Выступали академики, поэты, писатели, композиторы, деятели культуры и все высказывались за перестройку. Писатель Б. Олейник сказал, что ей нет альтернативы, что только в братском сообществе каждой из республик гарантирована государственность, а некоторые и вовсе получили её благодаря советской власти. Поэт Я. Петерс сказал, что в Прибалтике происходит возрождение веры в социализм и высказал обиду в адрес другого поэта, который, будучи приглашённым в Ригу, задал ему вопрос: “А можно ли будет там читать стихи по-русски?”. Писатель Д. Гранин, говоря о недостатке милосердия в обществе, поставил очень точный диагноз происходящему: “Состояние постоянной борьбы во всём и всюду, по всем направлениям выводит людей из равновесия”.

Весьма дурной пример всем остальным подают сами писатели, которые давно перегрызли друг с другом, что нашло отражение и в их выступлениях на встрече в ЦК КПСС. В. Коротич (“Огонёк”), говоря о том, что “у народа исподволь понемногу формируется и вызревает новое доверие к советской власти”, заметил: “Целый ряд ораторов личную свою беду гибнущего собственного всевластия стремится представить как трагедию страны и системы”. Редактор “Молодой гвардии” А. Иванов (автор романа “Тени исчезают в полдень”, “Вечный зов” и т. д.) в свою очередь критиковал “Огонёк”, “Московские новости” и другие издания за мелкобуржуазные и буржуазные взгляды. А опубликованный недавно в “Юности” роман В. Войновича “Необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина”, по его мнению, — клеветает и на Советскую Армию, и на советского солдата.

Академик Н. П. Бехтерева заявила: “Для меня самое дорогое — моя семья, моя наука, а сейчас — наша перестройка, моя перестройка”. В связи с публикацией в “Литгазете”, объявившей Сталина параноиком, Бехтерева сказала, что она не может ни оспаривать диагноз своего деда, поставившего Сталину такой диагноз, ни защищать его, но вместе с тем параноия сама по себе ни от какой ответственности не освобождает. А Сталин, безусловно, преступник, считает Бехтерева.

Читать всё это жутковато: тридцать лет страной правил преступник, да к тому же ещё и параноик...

Конечно, гораздо интереснее было бы не читать тассовский отчёт о выступлениях всех этих, безусловно, неординарных людей, а послушать их самих в прямой трансляции, но, наверное, таковая заняла бы не один час...

Когда же некоторые из выступающих (академик Г. Арбатов, писатель Г. Бакланов) в ряду других проблем заговорили о том, что тотальный дефицит продуктов питания и товаров первой необходимости могут свести на нет все достижения перестройки, М. С. решительно возразил. Напомнил, что ВЦСПС поручено организовать тотальный рабочий контроль за распределением дефицитов, и

заявил: “Не поверю, что наш народ откажется от перестройки только потому, что у него в магазине того, другого не было. Он не отказался от социализма на изломе тяжелейших испытаний. Не откажется он из-за этого от перестройки...”.

А вот с этим утверждением М. С. можно и поспорить. Что касается рабочего контроля, то знаю я ему цену по нашей области — он носит скорее декоративный характер, эффект его близок к нулевому. Что же до испытаний, выпавших народу в пору тяжелейших испытаний (гражданская война, индустриализация, коллективизация), то кто его, этот самый народ, спрашивал — хочет он всего этого или нет?

Тем не менее разговор, конечно, был интересный. В главном академики, писатели, деятели культуры поддержали М. С.

11 января

Публикуем доклад М. С. на пленуме ЦК КПСС. Он посвящён выборам народных депутатов СССР от КПСС. Всего было предложено от парторганизаций, трудовых коллективов 382 кандидатуры. Политбюро, рассмотрев все предложения, внесло на обсуждение пленума 100 кандидатур. Названы в докладе лишь некоторые: шахтёр В. Гвоздев, нефтяник В. Сидорейко, председатель колхоза М. Вагин и т. д. О результатах голосования пока ничего не говорится.

Через день начинается Всесоюзная перепись населения. Готовились к ней два года. За последние два года среднегодовой прирост населения в области составил 15-18 тысяч человек.

Я не раз бывал в колхозе имени Кирова Павлодарского района, знаком с его председателем В. К. Руди, но прочитал очерк П. В. Лефлера, и как будто заново открыл их для себя. Всё в хозяйстве продумано, налажено, работает как часы. В прошлом году колхоз реализовал 3200 тонн зерна, 5570 тонн молока, 1210 тонн мяса. Всё это — отменного качества. Чистая прибыль — пять миллионов рублей, рентабельность — 100 процентов.

Добротно, ухожено само село Розовка. В домах — центральное отопление (от колхозной котельной), электроплиты, газ. Люди с охотой строятся, потому что половину расходов на возведение дома с надворными постройками (а это 5-7 тысяч рублей) колхоз берёт на себя, благо кирпичный завод свой... Оставшуюся сумму колхозник выплачивает частями — 20 лет. Отчего же не строиться? В каждом дворе полно всякой живности, потому что с кормами проблем тоже нет.

Само собой — отличная школа, в том числе музыкальная, сельская врачебная амбулатория с дневным стационаром и бесплатным (за счёт колхоза) питанием, детский сад, столовая, Дом культуры и Дом быта. Собираются строить крытый плавательный бассейн...

Чего, спрашивается, не жить, не работать в таком селе? Может быть, этому колхозу и перестройка не нужна? Только бы не мешали председателю В. К. Руди вести дела, как он считает нужным... Он и сегодня считается молодым руководителем, а возглавил хозяйство в 27 лет. Оно и раньше было на хорошем счету, но под его началом шагнуло вперёд, и значительно. Руди скромен, лишнего слова не скажет, хотя его авторитет признают не только в области, но и в республике — он председатель совета колхозов Казахстана, член союзного совета колхозов.

Личность? Ещё какая! Хотя никто из нашего брата-журналиста по-настоящему крупно не написал о нём. Может быть, ещё и потому, что для этого самому надо быть личностью.

Две недели назад опубликовали спорные заметки В. М. Воронова “Так кому же мешает инерция?”. В них наш “Митрофаныч” много чего набуровил: лягнул селян, которые не хотят заниматься подворьем (а это, мол, один из путей к изобилию продуктов), “проехался” по ряду контор, где отказались заварить глушитель на его личных “Жигулях”, привёл другие примеры нежелания больше работать, чтобы больше зарабатывать.

Пришли отклики, в которых кто-то с автором соглашается, кто-то кроет его почём зря... В. Коньков, рассказывая, как он, в своё время отслужив в армии, буквально бежал из разорённого колхоза, замечает: почти 60 лет разорили село, начиная с коллективизации, было время — запрещали подворье, а теперь ещё чего-то от деревни требуем... Другая читательница “долбит” Воронова за “барство”: мол, не в автосервис поехал, а по госконторам, предлагая “левую” десятку за работу... А если все пойдут по этому пути? Третий спорит с автором, не соглашаясь с тем, что личным подворьем можно обеспечить продовольственное благополучие страны; надо, наоборот, развивать крупное сельскохозяйственное производство. Между тем, как свидетельствует статистика, на долю личного подворья приходится 30 процентов производимого в области мяса, 43 процента — молока, а картофеля — 70 процентов. То есть сельский житель работает сегодня на два фронта: днём — на совхозно-колхозном, а утром и вечером — в своём сарае да на огороде. Особенно тяжело приходится женской половине, я это знаю по своей матери, отдавшей больше 20 лет жизни работе в животноводстве. У нас у самих были и корова с телёнком, и овцы, и свиньи, и птица... Когда она всё успевала?

13 января

В прошлом году в редакцию пришло более восьми тысяч писем. Около трёх десятков в день, не считая выходных.

17 января

Очередное совещание в ЦК КПСС. На этот раз по совершенствованию управления агропромышленным комплексом. Отчёт — две полосы. Если бы от всех этих совещаний положение в сельском хозяйстве улучшалось и продуктов прибавлялось...

Опубликован полный список (100 человек) кандидатов в народные депутаты СССР от КПСС. Кандидаты в основном именитые — учёные Абалкин, Патон, Марчук, Велихов, писатели Белов, Васильев, Олейник, Гранин, режиссёр Абуладзе, актёр Ульянов, врачи Илизаров (ортопед) и Фёдоров (офтальмолог), а также знатные рабочие, руководители, секретари ЦК КПСС, включая М. Горбачёва. В числе кандидатов — редактор “Правды” Афанасьев и “Известий” Лаптев. Из казахстанцев — второй секретарь ЦК Компартии Мендыбаев, директор Восточно-Казахстанского медно-химического комбината Штойк, сталевар Карметкомбината Ромазанов.

Насколько понял, все секретари ЦК Компартий союзных республик и обкомов партии будут избираться на местах, по округам.

На совещании в обкоме партии рассматривался вопрос о выполнении программы “Жильё-91”. В соответствии с ней все, кто стоял в очереди на получение жилья (а это 55 тысяч семей), в течение пяти лет должны его получить. За первых два года введено в эксплуатацию один миллион 100 тысяч квадратных метров жилья. Очередь продвинулась на 50 процентов, в том числе в Экибастузе — на 59, в Павлодаре и Ермаке — примерно на 40, в сельских районах — на 76 процентов.

Результат вроде неплохой. Но на деле получается где “густо”, а где и пусто. Если в “Экибастузугле” получают квартиры работники, стоящие в очереди с 1984 года, то на тракторном без квартир очередники с 1976 года (то есть ожидающие жилья больше 20 лет). Плохо дело у бюджетников — учителей, медиков, которые получают жильё по фондам местных советов... В сёлах почти перестали строить личные жилые дома, привыкли, что это делают для работников совхозы-колхозы.

Так что, если в целом по области контрольные цифры вполне могут быть достигнуты, на многих предприятиях программа под прямой угрозой срыва.

19 января

Главный архитектор Павлодарского филиала института “Целингипросельхоз” Ю. Абакумов написал статью (и справедливую, кстати) о серости и убогости облика наших сёл. Ещё с целинных времён главными достоинствами типовых проектов сельских жилых домов были и остаются экономичность и дешевизна строительства. Понятно, что торопились дать людям хоть какое-то жильё — не до красоты было. И теперь большинство центральных усадеб тех же целинных совхозов (а это — не худший вариант села) являют собой нечто однообразно-невыразительное — не на чем глазу остановиться. “Удобства”, как правило, — во дворе, вода — из уличной колонки (иногда — из своего колодца), тепло — от печки... Есть, конечно, исключения (те же колхозы имени 30-летия Казахской ССР, имени Кирова и ещё, наверное, с десятков), на каждой центральной усадьбе есть “привилегированные” дома местного начальства, подключённые к местной же котельной, но в основной своей массе люди живут как жили в прошлом веке. Разве что со светом да бытовым газом, о других коммунальных удобствах говорить не приходится.

Ю. Абакумов рассказывает о проектировании “экспериментальной жилой группы” в Черноярке. Здесь будет 15 жилых домов, каждый из которых проектируется с учётом пожеланий будущих жильцов, высказанных при предварительном проведённом анкетировании. Это в основном одноквартирные или двухэтажные дома “с оригинальным, неповторимым решением фасадов”, встроенными или пристроенными гаражами, погребами, банями в доме (!), верандами, мансардами. Важная деталь: эта группа домов должна иметь полное коммунальное обеспечение — то есть централизованное тепло- и водоснабжение и даже канализацию. Проектируется дом, который можно будет расширить с ростом семьи — за счёт пристройки, которая “не нарушает общее объёмно-планировочное решение”, а также “жилой дом близко-раздельного проживания”, в котором под одной крышей размещены две квартиры с любым набором комнат, разными входами, но общим внутренним пространством — зимним садом.

Да, зимний сад в сельском доме — это, конечно, круто, если, конечно, всё не сведётся к цветам на подоконниках...

Добавление из 2005 года. Зря я иронизировал. Эти дома в Черноярке были построены, причём довольно быстро. Оригинально-живописный уголок Черноярки окрестили Мещеряковкой — по фамилии тогдашнего первого секретаря обкома, инициировавшего и лично курировавшего экспериментальное строительство. Дома и сегодня прекрасно смотрятся — их хорошо видно с трассы Павлодар — Омск.

Читательница Т. Петрова ругает газету за публикуемые чуть ли не в каждом номере речи партийных руководителей, отчёты с совещаний в Москве и Алма-Ате. Мы напечатали её письмо, объяснив, что все эти материалы получаем по телетайпу для обязательного опубликования. Хотя Т. Петрова, конечно же, во многом права: в большинстве семей выписывают не только “ЗП”, но и республиканские, центральные газеты, где также есть все эти речи, отчёты. И людей это раздражает.

20 января

Конфликтная ситуация в автобусном парке. Два его водителя взяли в аренду автобус “Икарус”, обслуживающий маршрут “Павлодар — “Авангард”. Главное новшество — безбилетный проезд пассажиров. Билеты не нужны, потому что и без них водители сдают ежедневно заранее обговорённую сумму, которая, кстати, на 12 процентов больше той, что давал маршрут до перехода на аренду. Пока все довольны. Пассажирам не надо давиться в очереди за билетами, меньше загружены кассиры, выручка регулярно сдаётся, ни одного срыва рейсов (а их три в день) не было, автобус всегда исправен. Но отпадает надобность в контролёрах, прежде отслеживавших “левый” заработок водителей, поскольку такового теперь нет: всё, что остаётся у них после того, как сдадут оговорённую сумму выручки, и есть их зарплата.

Такой расклад явно не по душе контролёрам: а что, если и другие водители перейдут на аренду? Так можно и весьма выгодной работы лишиться (зарплата — до 220 рублей да “приварок” с “левого” заработка водителей, везущих безбилетников). Но был у контролёров в запасе ещё один “козырь” — так называемый перегруз. Дело в том, что “Икарус” арендаторов рассчитан на 38 сидячих и 28 стоячих мест. Но последних по инструкции можно перевозить лишь на расстояние 50 километров, а до “Авангарда” — почти 70. Налицо нарушение, на которое прежде никто, в общем-то, и внимания не обращал. На арендаторов же стали устраивать форменные засады (даже “гаишников” привлекали для этой цели), мордовать самым бессовестным образом. И тогда они обратились в редакцию.

Мы дали большой материал, в котором изложены все точки зрения, но, конечно, поддерживаются арендаторы. После этого перешли на аренду водители, обслуживающие маршруты “Павлодар — Омск” и “Павлодар — Чигириновка”. Оказывается, выжидали: как выступит газета, не задушат ли первых арендаторов?

Чего только не выращивают павлодарцы в своих квартирах! Д. Морозкин написал нам о папайе — дынном дереве, которое по своим целебным качествам превосходит даже знаменитый женьшень. Морозкин с помощью папайи

избавился от непроходимости кишечника и ишемической болезни сердца... Она служит сырьём для более чем ста лечебных препаратов и, помимо прочего, сама по себе экзотический пищевой продукт.

Д. Морозкин соорудил для папайи дома нечто вроде парничка, где поддерживает постоянную температуру в 25 градусов. Он передал семена папайи в тепличный комбинат "Весна", где теперь есть саженцы. Но рассада может погибнуть, ей там уже тесно, а спроса на растения нет... Вот наш читатель и агитирует энтузиастов. Один уже нашёлся: О. Григорьева принесла семена домой и посеяла в горшке...

Областные телевизионщики Володя Дегтярёв, Сергей Морозов и Алексей Чепенко сняли документальный фильм о колхозе имени Карла Маркса Успенского района. Фильм будет показан по Центральному телевидению.

К своему стыду, я ни разу не был в этом колхозе и незнаком с его председателем В. Д. Глазыриным, который, по рассказам очевидцев, и в самом деле превратил заурядное хозяйство на границе с Алтайским краем в образцовое.

21 января

Идёт выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР. Выдвинуты на собраниях трудовых коллективов уже десятки кандидатур: известные всей области руководители (П. П. Коваленко, Н. П. Шабрат), передовики производства (чабан Ж. Буkenov, бригадир-хлебороб А. Ахмединов, бригадир водителей А. Г. Матюшин), первый секретарь обкома Ю. А. Мещеряков и другие.

Недавно в редакцию обратился наш активный автор, замдиректора материально-технического снабжения агропрома А. Семёнов. Он готов выставить свою кандидатуру, о чём уведомил избирательную комиссию, и просит газету предоставить ему свои страницы для изложения предвыборной платформы. Вряд ли подобное было возможно ещё несколько месяцев назад.

Разъяснили А. Семёнову, что новый закон о выборах чётко регламентирует процедуру выдвижения: это право предоставляется общественным организациям, трудовым коллективам, собраниям по месту жительства. "Самовыдвинуться" без согласия подобных собраний он не может.

Бурно проходила на днях конференция по выдвижению кандидатов в депутаты в НПО "Сборочные механизмы". Выдвигались главный конструктор А. А. Чернов и бригадир П. К. Лихачёв. У каждого — свои несомненные достоинства, но при этом сторонники Лихачёва оказались явно активнее, и предпочтение было отдано ему. Может быть, ещё и потому, что он из так называемых "неформалов" — один из лидеров инициативной группы "Экология и общественное мнение". Павел очень активно проявил себя в борьбе против строительства в Павлодаре завода по производству белково-витаминных концентратов (БВК), именно в это время его узнали в городе. Я тоже занимался этой проблемой, так мы и познакомились, Павел, как мне кажется, хороший парень — чистый, искренний, однако власти не хотят видеть его кандидатуру в качестве будущего депутата: нужен свой, предсказуемый, послушный, от которого не будет сюрпризов... И со мной уже провели воспитательную беседу в обкоме на эту тему, однако мы дали, по сути, нейтральный материал с собрания, лишь покритиковав секретаря парткома за неубедительное, вялое выступление, а участники воевавшего собрания — за пассивность (участники конференции даже не захотели выслушать программы кандидатов)...

Кстати, о БВК. В редакцию опять пошли письма о том, что завод, мол, всё строится... Дали разъяснение по этому поводу: вопрос закрыт. С несостоявшимся заводом БВК связана целая полоса моей жизни. Я написал первое интервью о том, что такое строительство планируется, что в Павлодаре “прописывается” биотехнология. Мы в ту пору близко сошлись с директором строящегося завода Р. Х. Гарифулиным (это он организовал выращивание женьшеня в Павлодаре из живой клетки — методом биотехнологии, а наш химзавод наладил производство шампуня “Диона” на женьшеневой основе). А потом выяснилось, что этот самый БВК — с “сюрпризом”, его выбросы могут вызывать аллергическую реакцию. Мы с Сергеем Горбуновым в другой статье упомянули все аргументы: за и против. Поднялась настоящая буча — в борьбу ввязались сторонники и противники завода от Павлодара до Москвы. Я ездил с группой специалистов на родственные заводы в Новополоцк (это в Белоруссии) и в Кириши (Ленинградская область), подготовил серию статей об опасностях, связанных с разворачиванием в Павлодаре нового производства в довершение к уже существующим “грязным”. В Павлодар приезжала группа ведущих специалистов Минмедбиопрома СССР во главе с первым заместителем министра, они приходили в редакцию газеты и на местное телевидение. Были острейшие дискуссии и публикации — как у нас в области, так и в большинстве столичных газет: от “Правды” и “Известий” до “Комсомолки” и “Сельской жизни”.

В конце концов было принято решение отказаться от строительства этого завода в Павлодаре. И это была безусловная победа общественного мнения, в которой немалая роль принадлежала нашей газете. У меня самого скопилось огромное досье по проблеме БВК, и я хочу написать историю нашей борьбы от начала до конца — уже для журнала или книги. И как самую дорогую реликвию храню толстенный фолиант, который мне однажды принесли с тракторного завода. В нём — свыше пяти тысяч подписей заводчан (с фамилиями, должностями, названиями цехов), протестующих против строительства БВК и поддерживающих позицию газеты.

Рад, что в моей журналистской биографии была эта страница...

Каких только дефицитов у нас нет! Гробы, оказывается, тоже в дефиците. В среднем их требуется шесть штук в день, а ремстройуправление облжилкомхоза поставляет только три. Об этом написал в газету начальник бюро спецобслуживания (и нашли же замену слову “похоронное”) А. Конвишер. Он обратился за помощью к крупным предприятиям. Навстречу пошёл алюминиевый завод, где пообещали поставлять недостающее количество гробов. Одна проблема снята. Скоро встанет другая: действующее кладбище через полтора года исчерпает свои возможности. Уже определено место для нового — на выезде из Павлодара, в сторону Успенки.

24 января

Узнал из нашей газеты (отчёт Госкомстата), что рождаемость и смертность по стране составили в прошлом году 19 и 10,2 человека в расчёте на каждую тысячу населения против 19,8 и 9,9 в предыдущем. Это значит, что людей стало рождаться меньше, а умирать — больше. Не припомню, печатались ли подобные сведения раньше.

Ещё узнал из своей же газеты, что трамвайное управление выпускает на линию в часы “пик” 76 вагонов. А всего их 88, да 23 — “химзаводских”, которые управление взяло на обслуживание. Общая протяжённость трамвайных путей (с “химзаводскими”) — 72 километра.

Трамвай в Павлодаре — самый надёжный вид транспорта. Работают как часы — это как раз про наших “трамвайщиков”.

В Экибастузе придумали новый способ привлечения болельщиков на футбольные матчи. Вместе с билетами на матчи продают (и недорого) лотерейные билеты. Результат выигрыша объявляется уже в ходе матча: это может быть палас, телевизор и даже автомашина. “Ну при чём тут спорт?”, — возмущается наш собкор в Экибастузе Марат Валеев.

А почин экибастузцев уже подхвачен в Щидертах, где лотерейные билеты продаются вместе с билетами в местный кинотеатр. Если раньше зритель сюда не шёл, то теперь валит валом.

Наш собкор считает, что “политика чистогана недопустима в области духовного развития человека”.

26 января

В области — новая инициатива, получившая название “Программа-53”. Она призвана способствовать решению проблем, накопившихся в селе, и улучшению продовольственного снабжения в городах и рабочих посёлках, население в которых растёт быстрее, чем объёмы производимого продовольствия. За последнее время отток населения из сёл в города вырос в три раза, что само по себе говорит о неблагоприятии жизни на селе по сравнению с неидеальной городской.

В чём же суть новой программы?

Подсчитано, что сегодня в области 53 совхоза и колхоза убыточны или низкорентабельны. Это немало — каждое третье хозяйство. Их общая задолженность государству (только по кредитам банка) составляет около миллиарда рублей. Вместе с тем с начала этого года все совхозы и колхозы переведены на самофинансирование и самоокупаемость, стало быть, убыточные и низкорентабельные хозяйства вряд ли смогут выжить в таких условиях.

Цель “Программы-53”, разработанной по опыту Орловской области, поднять “лежачие” хозяйства “за счёт привлечения материальных и финансовых ресурсов промышленных предприятий и организаций. Строителям предстоит в короткие сроки возвести необходимые сельскохозяйственные помещения, благоустроенное жильё, объекты соцкультбыта, проложить дороги, закрепить таким образом кадры, на новый, более высокий уровень поднять экономику и социальное развитие сёл”.

Для подъёма животноводства, сдерживаемого сегодня недостатком кормовой базы, разрабатывается программа “Мелиорация-90”, по которой предстоит площади регулярного орошения в области довести до 200 тысяч гектаров, на что, в свою очередь, потребуется 1 14 миллионов рублей.

Часть денег на все цели даёт правительство, часть заработают сами хозяйства, но всего этого будет явно недостаточно.

В то же время в области насчитывается почти полторы тысячи предприятий, организаций и кооперативов, которые имеют возможность и поэтому могут часть средств направить для помощи селу.

В связи с этим обком партии и облисполком приняли обращение к ним с призывом внести свой посильный вклад в реализацию “Программы-53”. Открыт спецсчёт в банке, на который можно перечислять деньги.

Нам предписано широко освещать всю эту работу.

Помнится, лет десять назад в области была развёрнута широкая кампания по организации шефства промпредприятий над совхозами и колхозами. В некоторых хозяйствах она принесла свои плоды, хотя со временем была благополучно похоронена. Скорее всего, вряд ли что-то изменит кардинальным образом и эта. Но что-то же надо делать...

Из истории кооперативного движения в области. В Качирском районе зарегистрировали кооператив “Ирбит”, который обязался изготовить в прошлом году две тысячи оглобель и 400 дуг для упряжи. Получил для этих целей ссуду в банке, купил грузовую машину. Итог? Ни оглобель, ни дуг, ни машины...

Кооператив “Полёт” доставляет в Павлодаре людям домой билеты на самолёт, беря за свои услуги по 2 руб. 50 коп. Читательница Н. Живетина пишет в газету, что это — нетрудовые доходы, и такой кооператив нам не нужен. А я готов платить и по три рубля — только бы в очереди не стоять.

Вася Гольшкин написал материал о том, как “самовыдвигался” кандидатом в народные депутаты секретарь парторганизации отделения ВНИИ “Энергопром” В. Н. Вихлянов. Из 336 работников на собрание пришли 218. Претендент на кандидатство рассказал о себе: в энергетике — с 1961 года, работал и учился в индустриальном институте. В системе ВНИИ — около двух лет, руководит отделом, второй год подряд избирается секретарём парторганизации. Считает, что народ должен почувствовать себя хозяином страны, для того Вихлянов и выдвигает себя. Считает, что готов на союзном уровне решать перспективные вопросы развития энергетики и другие.

Двое выступающих поддержали В. Н. Вихлянова, двое — критиковали, в том числе за неумение наладить работу в отделе и в парторганизации. Но большинство всё же оказалось на его стороне. За — 110, 42 — против, 42 воздержались. В итоге он избран кандидатом в депутаты — в округе, в котором, кстати, уже выдвинут директор картонно-рубероидного завода Н. П. Шабрат — человек куда более известный, чем В. Н. Вихлянов.

Жильцы домов с улицы Кутузова критикуют магазин “Ласточка”, куда они ходят за продуктами: нет даже самого необходимого — молочных продуктов, круп, пряников, печенья, конфет... Что есть? “Заржавевшая” селёдка да запылившиеся трёхлитровые банки консервированных огурцов и томатного сока...

Редкий случай. Не только исключён из партии, но и получил срок начальник одного из областных управлений А. Держал в Павлодаре собственное подсобное

хозяйство — с коровами, свиньями, птицей (для дома, для семьи), а ухаживающая за скотом работница числилась то в одном, то в другом районном подразделении облуправления. Для юной дочери организовал покупку двух “Жигулей” в обход очереди, устроив её на несколько месяцев в одно из всё тех же районных подразделений, где она, кстати, ни дня не работала. Супруга А., отдыхая на юге, получала зарплату в подведомственном ему предприятии, где только числилась старшим прорабом.

27 января

Мы почему-то редко пишем о нашем НПО “Сборочные механизмы”, которое находится в двух шагах от редакции, занимая одно из самых внушительных зданий в городе. Между тем это уникальное объединение, которое проектирует и изготавливает не только разного рода механизированные сборочные линии, сборочные и испытательные стенды, но и автоматические линии, гибкие переналаживаемые системы сборки. Продукция НПО идёт в Болгарию, Чехословакию, на Кубу, в Монголию и даже в Мозамбик.

Об этом рассказал в газете генеральный директор НПО Я. Ф. Райсих, которого я больше знаю по работе в облсельхозтехнике. Колоритная фигура!

1 февраля

Публикуем материалы по реализации “Программы-53”. Ермаковский завод ферросплавов, получивший в прошлом году немалую прибыль, в том числе в валюте, приобретает колбасно-копильный комплекс производительностью от двух до пяти тонн продукции в смену и передаст его подшефному хозяйству, а взамен получит от него сто тонн мяса для продажи металлургам по госцене.

Кроме того, завод закупает в Дании комплекс по переработке молока и производству сыра. Комплекс будет смонтирован в совхозе “Путь Ильича”, а хозяйство в виде компенсации поставит металлургам сто тонн мяса и тысячу тонн фуража для подсобного цеха завода.

Областное объединение автотранспорта отчислило из фонда развития производства на спецсчёт “Программа-53” 180 тысяч рублей, облагропромстрой — сто тысяч, кооперативы: “Спектр” — десять тысяч, “Сюрприз” — 1500, “Зодиак” — десять тысяч...

Может, если так дело пойдёт, и впрямь что-то изменится. Хотя странно видеть в списке тех, кто поддержал “Программу-53”, областное УВД, которое также перечислило на спецсчёт сто тысяч рублей из фонда развития производства. Тем не менее информацию об этом мы тоже дали.

Перепечатали из “Правды” интервью Олжаса Сулейменова, которое он дал собкору газеты Г. Дильдяеву. Хорош заголовок — строка из стихотворения Олжаса “Возвысить степь, не унижая горы”. Говорит, что на пленуме Союза писателей обсуждалось предложение о двух государственных языках в республике — русском и казахском. Ушёл от прямого ответа на вопрос о декабрьских событиях 1986 года, заметив лишь, что “лаборатория дружбы народов” (так называли Казахстан) — это, может, и грубовато, но Казахстан был и остаётся республикой дружбы народов. И что не лозунгами она созидалась, а естественной практикой человеческого общения.

Ещё запомнилась заповедь матери Олжаса, которую он запомнил на всю жизнь. В буквальном переводе она звучит так: “С гордым будь горд: он не сын пророка, с вежливым будь вежлив, он не раб твоего отца”. Иногда не знаешь — как себя вести с тем или иным человеком. Оказывается, есть универсальное правило...

2 февраля

Читательница Г. Нубербекова пишет, что сами казахи должны прежде всего позаботиться о том, чтобы их дети говорили на родном языке. Но как это сделать, если в доме нет бабушки-дедушки? Ребёнок целый день в школе или в детском саду, где говорят по-русски, а дома с родителями он находится всего несколько часов. Можно было бы отдать его в детский сад или в школу с обучением на казахском, но таких в Павлодаре мало — многим надо будет добираться через весь город. В Дачном микрорайоне открыли три больших детсада — и ни в одном нет казахской группы.

Что тут можно возразить? Конечно, она права, потому и печатаем её письмо.

В двух других письмах читательницы дают “отлуп” автору письма одной из предыдущих подборок, которая ругала нас за обилие официоза. Оказывается, такие публикации тоже нужны, чтобы “быть в курсе событий в стране, знакомиться с решениями партии и правительства по самым различным сторонам жизни”. Газета соответствует своему назначению, в последнее время стала интереснее, пишут читательницы, добавляя: единственное, что её портит — рекламные объявления.

3 февраля

В области озаботились проблемой оскудения рыбных запасов. И есть отчето. За последние 15 лет добыча рыбы сократилась почти в 20 раз. Никакая сверхснащённая самыми изуверскими орудиями лова армия браконьеров никогда бы не сделала с Иртышом того, что сделало государство, позволив построить в верховьях реки Бухтарминскую и Усть-Каменогорскую ГЭС. Экономическая их выгода, как поставщиков дешёвой электроэнергии, весьма сомнительна, поскольку суммарная мощность обеих ГЭС ничтожна даже по сравнению с Ермаковской ГРЭС, не говоря уже об Экибастузской ГРЭС-1. Говорили в своё время, что гидроэлектростанции станут благом для реки, поскольку её сток будет полностью зарегулирован, паводки на Иртыше станут управляемыми, река начнёт выходить из берегов не когда ей вздумается, а в оптимальные сроки, в оптимальном режиме.

На самом деле всё вышло с точностью до наоборот. Раньше, до зарегулирования стока, талые воды заполняли всю речную долину — триста с лишним гектаров. Вода стояла долго, рыба выходила на пойму, метала икру. Пойма тысячами была уникальным естественным инкубатором, где на мелководье под весенним, летним солнцем из икры проклёвывалось несметное количество мальков. Вся эта рыбная молодь успевала подрасти и скатывалась с уходящей из поймы водой в Иртыш. Так из года в год, тысячами, благодаря обильному половодью, пополнялись его рыбные запасы, полноводные разливы делали их поистине неисчерпаемыми.

Теперь разливы регулируются, воды, в угоду энергетикам, подаётся недостаточное. Пойма заливается не полностью, вода быстро уходит назад в Иртыш,

оставляя на обнажившихся лугах икру, из которой не успели вывестись мальки. Отсюда и безрыбье на Иртыше. Скудеет и деградирует сама пойма — уникальная природная жемчужина... Но это тема для особого разговора, поскольку в данном случае речь — о рыбе.

Ставится задача — наладить производство рыбы промышленным способом, используя канал “Иртыш — Караганда”, 12 искусственных водохранилищ при нём, прудовые хозяйства, садки. Речь идёт о том, чтобы искусственно разводить рыбу: самим выращивать мальков, зарыблять ими подходящие водоёмы, кормить, то есть выращивать... На всё это требуются деньги, и немалые. Области удалось “потрясти” союзных “монстров” — Минводхоз, Минэнерго, Минуголь. Логика действий местной власти такова: все ваши ведомства наносят немалый урон окружающей среде, забирая под свои объекты земли, отравляя воду и воздух выбросами... Вот и раскошеляйтесь на так называемые “компенсационные” объекты — в данном случае рыбоводные, которые помогут отчасти решить и продовольственную проблему.

С этой целью в области устроили по-настоящему вселенский сбор с участием не только руководителей крупнейших предприятий области, но и представителей их ведомств из Москвы и Алма-Аты, учёных и проектировщиков ведущих союзных рыбохозяйственных организаций (Москва, Ленинград, Челябинск и т. д.).

Все обещают области всяческое содействие: финансовое, материальное, научное, организационное. Разработана программа “Рыба”, в соответствии с которой в 1990 году объём выращиваемой рыбы составит 1,5 тысячи тонн, в 1995 — до шести тысяч, а в 2000 — до девяти тысяч тонн в год, что превысит уровень, достигнутый в прошлом году, соответственно: в три, 12 и 18 раз.

Это уже третья крупномасштабная программа, заявленная в последние месяцы...

Очередной материал об итогах рейда рабочего контроля — теперь уже из Экибастуза. Картина — ужасающая. В одном из магазинов по документам мяса нет, а в холодильнике — 35-килограммовая часть туши. “Откуда?” — спрашивают проверяющие. “Не знаю”, — отвечает продавец. “Почему не продаёте?” — “А оно продано, и деньги уплачены”.

В другом отделе сливочного масла нет. А в подсобке и холодильнике обнаружилось его целых тринадцать ящиков. Всего, как выяснилось, их было 20, но семь уже ушли неизвестно куда...

Среди прочих припрятанных дефицитов оказались коньяк и шампанское, сахар, крышки для консервирования, стиральный порошок, хозяйственное мыло... Пока рабочие контролёры пытались наладить продажу этих товаров, неведомым образом исчез один из трёх ранее обнаруженных ими ящиков с хозяйственным мылом, полупаковки стирального порошка.

Конечно же, все эти проверки — чистая формальность, ничего они изменить не смогут, пока продуктов и товаров не будет в достатке. Но фокус ещё и в том, что дефицит сегодня создаётся также искусственно — на всякий случай припрятывают даже то, чего хватает — лишь бы это пользовалось спросом. В прошлом году сверх фондов, которых раньше вполне хватало, было продано сахара — 5,3 тысячи тонн, хозяйственного мыла — 131 тонна, туалетного — 70 тонн. Люди просто боятся, что ничего этого не будет, и делают запасы.

Сегодня в Казахстане в школах ведётся обучение на казахском, русском, уйгурском, узбекском, таджикском языках, ещё девять (немецкий, корейский и другие) изучаются как родные. Газеты и журналы издаются на шести языках. Вряд ли подобное есть хоть в одной из союзных республик.

5 февраля

Туго подвигаются мои записи. Не всегда удастся выкроить на них время даже в выходные.

Из хорошего в последнее время была поездка к брату в Ленинград. Просто повезло. Съездил на редкость хорошо. Боялся — возникнут проблемы с гостиницей, но Колодный не подвёл. В “Украине” (московская “фирменная” высотка на Кутузовском проспекте, рядом жили Брежнев, Андропов) был часа в два ночи. Дежурной сказал, как и было велено: “Есть запись в книге”, — сам не зная, что это означает. Она, наоборот, сразу поняла, даже как-то засуетилась, чаю предложила (!), от которого я, правда, отказался. Выделили одноместный номер.

Утром я решил подняться на самый верхний (25 или 27 этаж), чтобы полюбоваться сверху панорамой Москвы. Чуть ли не на самую крышу забрался, там всё открыто оказалось. Ветер гуляет. Вид и правда открывается потрясающий, жаль только дымка, смог...

Пообщался с А. Г. Колодным, с которым, как я уже писал, мы подружились ещё в пору моего “замства”, когда он по командировке ЦК КПСС помогал нашей газете перестраиваться. Проводили много времени вместе в редакции, встречались в выходные, гуляли по Набережной... Он сыграл не последнюю роль при назначении меня редактором. Думал, — вернётся в Москву и тут же забудет о нас. Но нет: встретил радушно, обо всех расспросил, напоил чаем... Ему тоже очень нелегко сейчас: для журнала “Советский Союз” наступают трудные времена, а Колодный весь его тянет на себе. Редактор — поэт, общественный деятель Н. Прибачёв — в весьма преклонном возрасте...

Колодный завёл меня в кабинет главного — мрачно-казённого типа, продемонстрировал “кремлёвку” — телефон специальной правительственной связи. Он хранится под специальным деревянным “саркофагом”, который снабжён маленьким замочком, ключ от которого есть и у Колодного.

От уютного особняка, который занимает журнал “Советский Союз”, не очень далеко до Красной площади. Я пошёл туда пешком, заново открывая для себя центр Москвы...

Бывают же совпадения: у входа в мавзолей В. И. Ленина встретил Ф. Ф. Игнатов — редактора “Казахстанской правды”. Пошли к нему в “Россию”, выпили по бутылке армянского коньяку. Я впервые встречался с Игнатовым в столь неформальной обстановке; оказалось, абсолютно не чванлив, прекрасный собеседник и рассказчик, пишет неплохие стихи и, кажется, отчасти стесняется этого...

Вечером сел в “Красную стрелу”, причём в вагон “СВ”. Это Толя Егоров мне удружил — взял билет в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где он сейчас учится. В “СВ” я ехал первый раз в жизни — уютное купе на двоих, приготовленные постели, чай... Но и цена — 25 рублей, дороже, чем на самолёт от Москвы до Ленинграда.

Брат Петька прямо с вокзала потащил меня на конференцию, так что я приобщился и к столичной литературной жизни.

Какие это были прекрасные дни в Ленинграде! Мы ездили в Пушкин (бывшее Царское Село) и в Павловск, бродили по Невскому, были в Эрмитаже. Власть наговорились.

Эти три года не прошли для брата бесследно: он вырос во всех отношениях, стал увереннее в себе, есть у него своя твёрдая концепция жизни и творчества.

Я уже давно так хорошо и безмятежно не спал, как у Лены с Петром в Ленинграде, в их крохотной кухоньке в “пэтэушной” общаге, на узкой и тесной кровати с продавленной панцирной сеткой... Если и просыпался ночью, то, осознав, где я, тут же приходил в благодушное состояние и опять неспешно засыпал...

Можно сказать, брат подарил мне Ленинград.

На работе срочное поручение — интервью с первым секретарём обкома партии. Бывший “Первый” их почти не давал, в редких случаях требовали письменные вопросы, на которые потом давались письменные ответы. На этот раз я также составил подробный перечень, думал ещё придётся их отстаивать (было дело — нас даже укоряли в обкоме за “неправильные” вопросы “Первому”).

На этот раз — ничего подобного. Мещеряков принял меня сам, прочитал вопросы и сказал: “Ну что, начнём?”. Говорил около двух часов — без натуги, спокойно, открыто. Вопросы не обсуждал. Отвлёкся один раз — звонила тёща из Алма-Аты. Счёл нужным пояснить: в столице все они жили вместе, в четырёхкомнатной квартире. Уезжая в Павлодар, он её сдал, взамен его старшей дочери-студентке и теще выделили двухкомнатную.

Поговорили хорошо. Хотя я, конечно, больше слушал.

Урывками готовлю интервью к печати. Не торопят, что мне тоже нравится.

В редакции с утра трезвонят телефоны: на проходной тракторного завода стоит рабочий с плакатом: “Объявляю голодовку. Требую вернуть мне рабочую честь”. Спрашиваю на планёрке: “Кто пойдёт?”. Вызвался Халел Карпыков. Вернувшись через несколько часов, докладывает обстановку: у рабочего Зайнуллина давний конфликт с начальником заводской лаборатории Мешковым, который заставляет его и других подчинённых выполнять побочные работы. К тому же груб, нетерпим к критике. Зайнуллина снизили разряд, лишили премии, сняли его фотографию с Доски почёта... Он жаловался начальству, но на его обращения не реагировали. 7 ноября он вышел на демонстрацию с плакатом: “Я — за перестройку, гласность, демократию!”. А на другой стороне плаката была другая надпись, предусмотрительно укрытая от глаз посторонних: “Я пострадал от бюрократа Мешкова!”. Именно эту сторону плаката он попытался продемонстрировать трибуне, когда колонна тракторостроителей выдвинулась на площадь. Плакат у него вырвали и сломали свои же тракторозаводские поборники порядка.

Так копились зайнуллинские обиды, до которых, по большому счёту, никому не было никакого дела. И вот — результат: протест в столь необычной форме.

Начальник Зайнуллина Мешков, разумеется, всё отрицает. Наказание считает справедливым, а наложение на подчинённого нескольких “карательных” мер в короткое время чистым совпадением.

Как быть? Официальная реакция из обкома (первая) — не замечать! Но ведь весь город только об этом говорит! Чуть лоб не расшиб, убеждая обкомовское начальство в том, что надо сообщить хотя бы о самом факте, изложить

позиции сторон, не давая им оценок. В конце концов можно покритиковать и выбранную форму протеста: разве голодовка аргумент при разрешении конфликта? В обкоме провожу времени больше, чем на работе. После долгих дебатов получаю “добро”: ладно, давайте, но не делайте из него героя или мученика.

Читаю материал Халела, пространный, избыточный многочисленными подробностями, и вижу: симпатии автора явно на стороне голодающего Зайнуллина. Но ведь и он не во всём прав! Вызываю на совет Штарка и Семерьянова, садимся все вместе за стол, начинаем править. Принцип: минимум эмоций, изложение позиций (но не речей, ведь любой из конфликтующих может заявить, что он так не говорил) Зайнуллина и Мешкова, их сторонников и противников. Далее отношение к голодовке как таковой: нравственно ли в такой ситуации, выступая против административного нажима, самому прибегать к тому же нажиму? Ну и в концовке, само собой, критика в адрес администрации завода, прежде бездействующей, а теперь вынужденной принимать пожарные методы, которые к тому же не срабатывают.

От карпыковского эмоционального репортажа остались рожки да ножки. Автор, скрепя сердце, смиряется: в конце концов лучше так, чем никак.

Заслали материал в типографию — звонят с телевидения. Им тоже велено “не пущать” сообщение о голодовке. Говорю: доказывайте, убеждайте. В конце концов выходит на экран урезанный и весьма невразумительный репортаж и у них.

Реакция читателей на нашу публикацию — скорее отрицательная: плохо защитили рабочего человека. Меня вызывают в обком. В кабинете у секретаря обкома А. М. Ажибаевой — секретарь парткома завода. Последние новости: разряд Зайнуллину вернули, премию вернули, требует вернуть рабочую честь.

— Я-то здесь при чём?

— Ваша публикация сработала как детонатор, Зайнуллин повернул свои требования против газеты, требует правдивого освещения...

— А вы читали материал?

— Читали, всё правильно, но надо было подождать, пока конфликт будет улажен, а потом писать.

— Да нельзя было молчать, когда весь город об этом только и говорит!

— А что вы будете делать, если он пойдёт на крайние меры?

— Это какие ещё?

— Обещал устроить самосожжение, если его требование о другой публикации не будет выполнено...

Долгая пауза.

— А у него с головой всё в порядке? — спрашиваю я.

В ответ мне сообщают, что в пять часов на заводе митинг, надо поехать, действовать по обстановке и помнить: главное — погасить конфликт.

Как будто мы до сих пор добивались чего-то иного!

Потом долго спорим в редакции, так и этак прокручиваем ситуацию, чешем в затылках. Всем теперь ясно, что стихийный протест Зайнуллина сработал как резонанс: у очень многих бывают нелады с начальством, очень многие считают себя несправедливо обиженными, уверенные в том, что правды рабочему человеку не добиться...

Поэтому-то симпатии большинства на стороне Зайнуллина, мы же пытались “встать над схваткой”, а это заведомо проигрышная позиция в глазах общественного мнения. Произошло поразительное несовпадение двух вещей: содержания публикации в нашем её понимании с ожидаемой реакцией на конфликт части наших читателей, особенно тех, кто работает на заводе.

“Как это так, человека довели до крайности, до голодовки, он мученик, страдалец за правду, его надо пожалеть и восславить, начальника наказать, притом немедленно... А газета в это время пишет, что нельзя таким способом (голодовкой) разрешать конфликты...” Никто не говорил нам именно этих слов, но так или примерно так думали многие из тех, кто позвонил в редакцию.

Едем на завод. У главной проходной толпятся люди. Здесь же Зайнуллин, сидит на подоконнике, на груди у него большой плакат — на цепи, свисающий с шеи. Он художав, смугл, но измождённым не выглядит. Обстановка вокруг — как на похоронах: все говорят вполголоса. Время от времени Зайнуллин повторяет свой рассказ всё новым и новым слушателям. Он готовился к голодовке и использует для неё свои накопившиеся отгулы, положенные ему как донору. На подоконнике листки бумаги с бесчисленными подписями. Некоторые, не особенно вникая в суть дела, подписываются тоже, выражая тем самым свою солидарность голодающему, кое-кто присовокупляет к подписи жалобы на собственное начальство.

К пяти часам толпа устремляется через проходную к площади у тракторосборочного цеха, где сооружено нечто вроде трибуны. На неё поднимаются Зайнуллин, его жена, заводское начальство: генеральный директор, секретарь парткома, председатель профкома, какие-то другие люди.

Зайнуллину в очередной раз предлагают изложить свои требования. Тот говорит, что прежде должны выступить десять “назначенных им товарищей”, ранее ушедших из лаборатории, подвергшись всевозможным гонениям. Удалось отыскать семерых. Они также поднимаются на трибуну, и у каждого свой счёт обид к Мешкову. Он, кстати, тут же, на трибуне — в короткой меховой куртке защитного цвета.

Начинаются речи.

— Если бы довелось выбирать — с кем пойти воевать в Афганистан, то с Зайнуллиным я бы пошёл, а с Мешковым — нет, — говорит один.

— Зайнуллин мне по возрасту в сыновья не годится, — говорит другой, — но я бы мог гордиться таким сыном.

Следующий выступающий рассказывает о своих обидах, не имеющих никакого отношения к нынешнему событию.

Ещё один долго и подробно рассказывает о недемократической процедуре выдвижения кандидатов в депутаты в их цехе. Но когда председательствующий просит говорить по делу, из толпы раздаются голоса: “Пусть говорит!”. Оратор, обещая “говорить по делу”, между тем продолжает своё, заканчивая призывом к собравшимся отдать свои голоса на предстоящих выборах народных депутатов СССР за члена инициативной группы объединения “Экология и общественное мнение” Павла Лихачёва...

Робкие попытки иных ораторов призвать митингующих к здравому смыслу поддержки в толпе не находят — их перебивают криками, не дают говорить. Зато предложение исключить Мешкова из партии и снять с должности вызывает бурное одобрение.

Много раз выступает сам Зайнуллин, перечисляя обиды: разряд, премию, отнятый плакат, фотографию, убранный с Доски почёта. Говорит: “У меня не было другого выхода, кроме как решиться на эту крайнюю меру. Я — за перестройку и многие рабочие за перестройку, но они боятся говорить. У нас грань между рабочими и администрацией, а её быть не должно. Моя голодовка — это ваша голодовка. Горбачёв один бьётся, а наши бюрократы что сделали для перестройки?”

Выступает жена Зайнуллиной: “Его довели до крайности. Я поддерживаю мужа. Послушайте — как Мешков разговаривает с рабочими: “Ваше дело — шпиндель в ж..., шестерёнку в зубы — и вперёд!”

Робкие попытки следующего оратора сказать в защиту Мешкова встречаются толпой в штыки: “Не слушать, долой!”.

Пытается выступить сам Мешков: “Тут спрашивали: где моя совесть, так вот она со мной...”.

Женщина из толпы: “Не слушать его — всё равно правду не скажет!”.

Толпа слушает лишь то, что хочет услышать. Другое её не только не интересует, другое она не желает знать. Да, скорее всего, Мешков в чём-то виноват, да, обстановка на заводе долгое время складывалась ненормальная, властвовал административный нажим, аргумент “через “мать”. У людей наболело... Они принесли сюда с собой все свои обиды, всю свою нелюбовь к начальству, которому нет дела до рабочего человека... Может быть, это своего рода расплата за годы единомыслия и безгласия... И если бы на митинге прозвучало, скажем, такое: Мешков будет снят с работы (а ещё лучше — посажен в тюрьму), толпа бы восприняла это, скорее, с удовлетворением, нежели наоборот.

Впрочем, все, похоже, выговорились, митинг уже выдыхается. Зачитывают резолюцию: 1. Осудить действия Мешкова в отношении Зайнуллина. 2. Просить совет трудового коллектива назначить перевыборы начальника лаборатории (Мешкова). 3. Просить Зайнуллина прекратить голодовку.

Опять и опять выступают Зайнуллин и его сторонники. Зайнуллин: “Я не понял — вернули или нет мне рабочую честь? Я требую правильной публикации в газете, сегодняшняя — неправильная”. Это — о нашем материале.

Стоящие на трибуне собираются вокруг Зайнуллина, уговаривают. Выступает какой-то человек, мнением которого Зайнуллин дорожит, убеждая последнего в том, что рабочую честь ему вернули. Председательствующий на митинге говорит, что здесь присутствует не только местная пресса, но и корреспонденты республиканских газет, радио, телевидения, московского “Собеседника”.

После чего опять выступает Зайнуллин и наконец сообщает, что готов прекратить голодовку.

Действо, до боли напоминающее театр абсурда, заканчивается, как тому и положено быть, аплодисментами...

8 февраля

В совхозе “Саргамысский” некоторым рабочим уже четыре месяца не платят зарплату. Ничего подобного на моей памяти ещё не было. Между тем причина на поверхности: работает хозяйство плохо, надои и привесы — кот наплакал, кругом — одни долги, только просроченных банковских кредитов — семь миллионов рублей. Раньше подобное сходило с рук: выполнил совхоз планы — не выполнил, есть прибыль или её нет — зарплату получают все, от уборщицы до директора. Причём, бывало и так, что зарплата в убыточных совхозах была выше, чем в прибыльных.

Теперь — самофинансирование. Надо учиться жить по средствам. Но получается не у всех. И “Саргамысский” — не исключение: в долгах, как в шелках, экибастузские совхозы имени XXII съезда КПСС, “Карасуский”. А по области таких — десятки, потому и учредили “Программу-53”. Что их ждёт — сказать трудно. Пока, конечно, будут помогать, но не бесконечно же... Говорят и о грядущих банкротствах, хотя никто толком не знает, что это такое.

10 февраля

Экибастуз поэтапно осуществляет грандиозную программу создания энергома “Экибастуз — Центр”. Идея: основную часть добываемого на этом месторождении самого дешёвого угля в мире сжигать в топках здешних же тепловых

станций, а в центр страны передавать по проводам энергию. Уже работает на полную мощность Экибастузская ГРЭС-1 — восемь энергоблоков по 500 мегаватт каждый.

К концу этого года должен быть сдан первый энергоблок на Экибастузской ГРЭС-2. Рассказывая о проблемах, связанных с его строительством, наш собкор Марат Валеев слегка обрисовал и сам объект. Это сложнейшее сооружение высотой 63 метра: котёл, бункерные этажерки, трубопроводы, мельницы и другое оборудование общим весом в десять тысяч тонн.

Я бывал на ГРЭС-1, в машинном зале, где установлены все восемь энергоблоков. Грандиозное сооружение! Корпус станции в хорошую погоду виден километров за 25-30, а трубы — и на большем расстоянии. Здание целиком напоминает силуэт гигантского корабля...

В области построено в прошлом году более 600 тысяч квадратных метров жилья — рекордное количество за всю её историю. Квартиры получили 12 тысяч семей. Работает программа “Жильё-91”! Но хотя в рамках программы очередность продвигается быстро (за один прошлый год — на 23,3 процента), в общем она, похоже, почти не уменьшается...

Поставлена задача — довести производство зерна в этом году до миллиона 600 тысяч тонн, в том числе гречихи — до 40 тысяч тонн. Для переработки на крупу предполагается выделить 100 тонн гречихи, чтобы удовлетворить потребности населения области. Итого по четыре килограмма на душу населения, или 24 килограмма на нашу семью из шести человек. Столько нам, пожалуй, даже многовато будет... Ну да поживём — увидим...

Людмила Гришина подготовила отличную подборку “Человек с белой тростью” — о житье-бытье инвалидов по зрению. Только областное общество слепых насчитывает 940 человек, на самом деле слепых и слабовидящих намного больше. 300 членов общества работают на специализированном предприятии, выполняющем заказы для тракторного завода (комплектация 149 узлов). Кроме того, инвалиды по зрению (эти люди не любят, когда их называют слепыми) готовят комплекты проводов для тракторов “К-700”, “КраЗов” и “ГАЗ-51”). Предприятие ежегодно даёт продукции на десять миллионов рублей, уже 30 лет обходясь без государственных дотаций.

А начиналось всё в 1942 году, когда семь слепых инвалидов, объединившись, создали артель, которая вила верёвки, плела корзины, вязала веники, вялала валенки...

Теперь у общества не только свои просторные цехи с современными станками и специальными приспособлениями, но и свой Дом культуры, библиотека с книгами по Брайлю (рельефно-точечный шрифт), школа рабочей молодёжи, многочисленные кружки по интересам...

Эти люди живут, а не существуют. Они заслуживают огромного уважения. Надо бы почаще о них рассказывать. Гришина хорошо это сделала.

11 февраля

Случайно встретил на улице Г. А. Никифорова. И он вдруг завёл разговор о своей судьбе. Мы никогда не были с ним близки, я не входил в круг близких ему людей, скорее наоборот — старался держать дистанцию... Мне большей частью не по душе был его жестковатый авторитарный стиль руководства. Однажды на бюро горкома, куда я обязан был ходить в качестве первого замредактора, они со вторым секретарём явно “топили” главного инженера крупного строительного треста — лишь за то, что он не признавал какие-то свои недоработки — “воспитывали” таким образом, дабы не забывал — где находится...

И вот сам Г. А. оказался в крайне сложной ситуации. На пленуме обкома партии первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин по сути обвинил его в подлоге: якобы 42 коммуниста-руководителя подписывали один текст отзыва о Шакиримове, а он, воспользовавшись тем, что подписи были на другой странице, подменил текст, составив его таким образом, будто они ходатайствуют перед ЦК о выдвижении Шакиримова на пост первого секретаря обкома партии. Никифоров говорит, что не было ничего подобного — Колбин его просто публично оклеветал (хотя вообще-то говоря, подумал я, а в чём, собственно, криминал, если руководители-коммунисты рекомендуют на более высокий пост своего товарища по партии, которого хорошо знают и которому доверяют?). Никифоров не был избран ни в состав горкома, ни тем более в состав обкома партии и теперь лишён какой бы то ни было возможности объясниться.

Г. А. в крайне нелестных выражениях отзывался о Колбине, жалел, что смалодушничал на пленуме, когда промолчал в ответ на обвинения в свой адрес, а теперь попал в заколдованный круг. Первый секретарь ЦК дал указание “разобраться” с Никифоровым. Вопрос уже выносился на заседание бюро обкома, но Никифоров на него не пошёл.

Мещеряков и Никифоров встречались наедине, последний изложил свою позицию, выслушал Мещерякова и понял, что вопрос предрешён, потому и не пришёл на бюро.

“Да, я смалодушничал, согласившись уйти с должности первого секретаря горкома, — говорил мне Никифоров, — но они обещали, что, если уйду сам, не будут трогать остальных — тех, кто подписал письмо, но слово не сдержали”.

Г. А. ездил в Москву, был на приёме у председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, но результатов пока никаких. Попытка подать в суд на Колбина, документы в Алма-Ате приняли, но условно: сначала они должны пройти все нужные инстанции — районный, городской, областной суды...

Теперь Г. А. намерен посещать встречи Колбина — кандидата в народные депутаты СССР с тем, чтобы рассказывать на них избирателям, что собой представляет их потенциальный депутат. Но ведь Колбин баллотируется где-то на западе Казахстана — туда расстояние, как до Москвы... Так что эта идея Г. А., по моему, уже прожектерство...

Как бы там ни было, заседание бюро с “вопросом по Никифорову” назначено на 21 февраля... Сам он сказал Мещерякову, что будет защищаться всеми доступными способами и что на крайний случай у него есть ружьё, и он готов будет уйти из жизни, и даже не один...

Я не стал расспрашивать, что значит “и даже не один”, но подумал, что человек, доведённый до отчаяния, тем более такой, как Никифоров, может пойти на что угодно.

Конечно же, фрондёрство Никифорова по отношению к бывшему первому секретарю обкома Ерпилову ни для кого в обкоме и горкоме не было секретом,

как и его, скажем так, близкие отношения со вторым секретарём обкома Шакиримовым. Одним из условий своего ухода из горкома Никифоров поставил уход Ерпилова из обкома (потому-то и прозвучало — с какой стати на пленуме горкома? — его заявление о том, что он также подаёт в отставку в связи с уходом на пенсию). Ничем хорошим это противостояние не могло закончиться...

Но всё же не вполне понятно — чего добиваются в ЦК Компартии Казахстана? Никифоров и так уже вполне наказан: пережить такое в конце партийной карьеры — что может быть хуже? Или нужно его окончательно добить, чтобы другим nepовaдно было выступать с инициативами по кадровым вопросам, что всегда оставалось прерогативой партийных верхов?

Никифоров — достаточно противоречивая фигура, руководитель старой закалки, авторитарного типа. Думаю, с ним нелегко было работать, я имел возможность наблюдать стиль и методы его руководства. Некоторые его идеи раздражали... Можно вспомнить хотя бы дендропарк или проект застройки поймы Иртыша индивидуальными домами... Но кто из нас не заблуждается? К тому же ведь было в характере Никифорова и другое — преданность делу: себя не жалел и других не щадил во имя общей, как он сам считал, пользы.

Чем закончится вся эта история?

14 февраля

Косность руководителей и специалистов наших хозяйств поистине беспредельна. Лишний раз убеждает в этом материал Николая Марчевского. Изобретатель В. А. Турушев сконструировал оригинальную и в то же время очень простую в изготовлении теплообменную блокирующую вентиляцию — чрезвычайно эффективный регулятор микроклимата для животноводческой фермы. Дело в том, что большинство животноводческих помещений — это типовые бетонные коробки, где зимой всегда сыро, а у нерадивых хозяев ещё и грязно. Подобный “микроклимат” не только дискомфортен, но зачастую губителен для скота. “Вентиляция Турушева” устраняет этот страшный бич ферм буквально в несколько дней, её изготовление и монтаж обходится примерно в полторы тысячи рублей — это стоимость одного хорошо упитанного бычка.

Первую блокирующую теплообменную вентиляцию смонтировали в совхозе “Потанинский” Ермаковского района, и дела в животноводстве хозяйства стали разительно меняться. Заметка об этом появилась в “Сельской жизни”. На её автора, директора областной ветеринарной лаборатории Н. Н. Ющенко (кстати, моего давнего товарища), обрушился настоящий шквал телефонных звонков, телеграмм, писем... Потом без всякого предупреждения поехали делегации...

Только за один день в “Потанинском” побывали гости из Крымской, Волгоградской областей, Алтайского края, Башкирии. Просят разрешения приехать специалисты из Чувашии, Воронежской, Пензенской, Костромской, Хмельницкой, Белгородской, Ярославской областей...

А что же наши, павлодарцы? Проведены два специальных семинара, на которых пытались учить прорабов, техников, инженеров, специалистов животноводства, как изготовить вентиляцию и запустить её в эксплуатацию. Не заинтересовался почти никто! В области не одна тысяча животноводческих помещений, в которых скот по полгода не живёт, а мучается. “Вентиляция Турушева” смонтирована примерно на пятидесяти фермах, но почти нигде не доведена до ума.

Недавно проведён очередной семинар — в колхозе имени Кирова Павлодарского района, где помимо этого есть чему поучиться. Многие наши руководители сюда опять “не доехали”.

Какие реформы могут помочь тем, кого надо тянуть за уши, доказывая очевидное?

15 февраля

Кандидатом в народные депутаты СССР от советских профсоюзов зарегистрирована учительница русского языка и литературы средней школы № 22 города Павлодара, председатель профсоюзного комитета школы Г. А. Амангельдина. Её кандидатура получила абсолютное большинство голосов на пленуме ЦК профсоюза работников образования и на пленуме ВЦСПС.

Опубликовали большой отчёт О. Григорьевой с областного съезда кооператоров. В концовке она хорошо “прошлась” по укоренившейся дурацкой традиции завершать областные форумы (земледельцев, животноводов, работников потребкооперации и т. д.) раздачей пакетов с дефицитами. За деньги, разумеется, но обычному человеку подобные товары (индийский чай, апельсины, хорошие конфеты) не купить. Накануне съезда кооператоров к Григорьевой зашла читательница из Железинского района: нигде в Павлодаре не могла купить апельсинов, которых попросил её маленький сын, лежавший в больнице. Вот Ольга и отвечает через газету: чтобы купить апельсинов, ей надо быть по крайней мере делегатом областного съезда кооператоров...

Закончен вывод советских войск из Афганистана. Сюжет по телевидению: колонна воздушно-десантного полка пересекает мост через Амударью в Термезе...

Между тем я помню — как всё начиналось...

В тот день, когда наши ввели в Афганистан так называемый “ограниченный контингент советских войск”, мы схлестнулись на этот счёт с Виталием Ерёмным. Дело было в обед, мы с ним играли на бильярде в редакционном конференц-зале. Начав обсуждать горячую тему, про игру тотчас забыли.

— Зря, — сказал Ерёмин, — это непростительная ошибка Политбюро.

— Да ты что, — возмутился я, — там же всё даже не дни, а часы решали: не мы, так американцы ввели бы свои войска и были бы у нас под боком, как когда-то в Турции со своими ракетами.

Мы тогда крупно поговорили с Виталием, решительно разойдясь во мнениях. Сгоряча я, кажется, сказал ему: ты, мол, всё же определись, за кого ты в конце концов или что-то в этом роде.

Каюсь теперь, удивляясь его тогдашней правоте, точности оценок. Ведь кто мог подумать, что “интернациональная миссия” обернётся войной, будут гибнуть люди — мальчишки, которым только жить да жить. Казалось бы, где Афганистан, а где совхоз “Михайловский”? Но и к нам однажды привезли запаянный цинковый гроб, в котором был Николай Толстой. А мы с ним учились в одной школе, правда, в разное время... Довелось служить в Афганистане однокласснику брата Петьки. Спустя несколько лет вызвали в военкомат — вручили медаль “За отвагу”. Петька говорит, никто из его друзей даже не знал, что он воевал в “Афгане”. Как-то прозвучала цифра погибших в Афганистане — больше 13 тысяч. Во имя чего? А кто считал погибших афганцев, в том числе мирных жителей?

Встреча в обкоме партии с журналистами. Большой сбор: редактора газет — от многотиражных до областных, руководители облтелерадио, соборы республиканских газет. Разговор состоялся нормальный: журналисты уже отвыкли от того, что первый секретарь обкома может говорить с ними свободно, без всяких бумажек...

И вот читаю: отчёт о встрече для публикации, который готовился в недрах обкома. Получилось что-то вроде присылаемых нам из КазТАГа сообщений “В бюро ЦК Компартии Казахстана”. Впрочем, всё понятно: предполагается, что каждый журналист, прочитав публикацию, воспримет её как программу собственных действий.

Нас критикуют (и справедливо) за то, что “мало пока ещё публикаций, которые своей новизной, глубиной, смелой позицией, высоким профессионализмом, проблематичностью привлекали бы всеобщее внимание”. С другой стороны, нам “следует решительно отказываться от “митингового” демократизма, крикливых лозунгов, излишней драматизации действительности, представления всего в тёмных тонах”. В каких местных газетах подобное можно обнаружить? Это, скорее, для остратки, на всякий случай, имея в виду некоторые столичные издания...

16 февраля

Опубликовали итоги анкетирования: как люди относятся к переменам, удовлетворены ли тем, как идёт перестройка. Почти каждый третий ответил, что в минувшем году для него лично плохого было больше, чем хорошего, у половины хорошего и плохого было примерно поровну. К числу непосредственных участников перестройки относят себя 40 процентов опрошенных, 34 процента ответили на этот вопрос отрицательно, остальные 20 процентов не знают, что сказать.

Областной комитет народного контроля проверил, как работают подсобные хозяйства некоторых предприятий. Своеобразный “рекорд” достигнут в областном производственно-техническом управлении связи, где в прошлом году произведено на каждого работающего менее четырёх граммов мяса в день.

17 февраля

В ЦК КПСС состоялась встреча М. С. Горбачёва с представителями рабочего класса страны. Отчёт о ней занял у нас больше двух газетных полос. Предваряя встречу, М. С. обрисовал суть перестройки: “Революционный переход от нынешнего состояния общества к новому, когда человек, его проблемы, заботы, его жизнь действительно были бы в центре нашего внимания... Перестройка захлебнётся, если её главным действующим лицом не станет сам человек... Мы — за социализм, мы будем этот строй укреплять, мы верим ему. Это строй для трудящихся. А значит, мы — за социалистическую собственность...”.

Разговор шёл о многом: о разных производственных проблемах, о надоевшей всем талонной системе торговли, о несовершенстве системы зарплаты (в кооперативах — никаких потолков, а на госпредприятиях — всевозможные ограничения) и т. д. и т. п. Чувствуется, что многих выступающих готовили руководители предприятий, вложив в уста своих посланцев соображения подчас явно не уровня “рабочего от станка”.

Бригадир-кораблестроитель из Литвы сказал, что рабочий класс, народ республики за перестройку, против тех экстремистских элементов, которые требуют чуть ли не выхода Литвы из состава Советского Союза. М. С. тут же отреагировал:

“Это или одержимые личными амбициями, карьеристскими соображениями люди, или попросту экстремисты... Будем давать им решительный отпор”.

Отвечая на жалобы о дефиците продовольствия и других товаров повседневного спроса, М. С. вновь говорил о том, что нужен тотальный рабочий контроль в сфере торговли и потребления. Привёл пример: где-то не было в торговле детских колготок, проверили один магазин — лежит их полторы или две тысячи. То есть дефицит создаётся и искусственно, потому и нужен рабочий контроль.

В заключительном слове М. С., выражая удовлетворение состоявшимся разговором, подчеркнул, что “революцию делали не напрасно, народ взял власть в свои руки не напрасно... Вера в социализм, приверженность к этому строю, неприятие частной собственности, неприятие эксплуатации человека человеком — все эти наши ценности вошли в кровь и плоть целых поколений советских людей”.

О первых результатах перестройки М. С. сказал: “Всё общество пришло в движение. Народ же не узнаешь! Всё пришло в движение, всё меняется”.

Дискуссии о многопартийности М. С. назвал беспочвенными.

Опубликовали материал с весьма характерным заголовком “Библиотеку на подряд”. В Экибастузе активно развивают “самокупаемые формы работы библиотечной системы”. Создают какие-то хозрасчётные кружки любителей книги, внедряют систему КТУ (коэффициента трудового участия) при начислении зарплаты и т. д.

18 февраля

Сегодня представляем первого официально зарегистрированного кандидата в народные депутаты СССР. Это В. И. Видикер. Мы давно знакомы с Владимиром Ивановичем. Как-то, ещё в корреспондентах, я ездил с ним в командировку. Он тогда был директором областного объединения по откорму скота. Высокий, массивный, наверное, с центнер весом; когда втискивался в “УАЗ”, тот почтительно приседал под ним. Он из ссыльных немцев, прошёл по всем ступеням служебной лестницы — от разнорабочего и комбайнера до директора крупнейшего в области зернового совхоза “Суворовский”. Отлично проявил себя ещё раньше в “Харьковском”, где, помимо прочего, сумел наладить выращивание морской водоросли хлореллы — в качестве добавки к рациону питания скота.

А в командировку мы с ним ездили, когда он начал в подведомственных его объединению хозяйствах по откорму скота создавать цеха дрожжевания кормов. Технологию где-то раздобыл, сам отработывал вместе со специалистами, несложное оборудование изготавливали на наших же павлодарских предприятиях. Подобные цеха потом стали запускать почти во всех совхозах и колхозах. А главное — прок был: там, где всё делали как надо, готовили дрожжевые корма по технологии, скот действительно рос как на дрожжах — суточные привесы в 900-1000 граммов были обычным делом.

Из той поездки запомнилось ещё вот что. Обедали на центральной усадьбе Качирского райспецхозобъединения — в Ивановке. Когда принесли водку — ледяную, а бутылка заиндевели, директор хозяйства И. Г. Комаров в свою рюмку добавлял кипятку из чайника, чтобы горло не простудить. Мы с Владимиром Ивановичем употребляли натуральную, но очень умеренно. Он запомнился мне тогда своей немногословностью, деловитой сосредоточенностью, тем, что вникал во всякую мелочь.

Позже мы с Геннадием Бабиным ездили к нему в “Суворовский” — описывать первый в области опыт внедрения бригадного подряда в целой отрасли — растениеводстве.

Владимир Иванович — безусловно, достойный человек. В свою программу, которую мы тоже публикуем, включил действительно актуальные вопросы: законодательное обеспечение аренды, внедрение зонального хозрасчёта, создание взаимовыгодных условий для кооперации промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также ряд других назревших задач. И всё-таки, мне кажется, не его это дело — депутатство. Он — хозяйственник до мозга костей, он силён как никто в практическом деле, потому, кстати, и сменил руководящее кресло областного масштаба на незавидную директорскую должность в огромном хозяйстве, который его предшественники едва до ручки не довели. Утешает лишь то, что В. И. остаётся директором, а в Москву будет ездить до двух раз в год — на съезд народных депутатов. В том, что его изберут, я не сомневаюсь.

Моя однокурсница Алия Марденова (теперь она Рахимбаева) прислала интересный материал из Шидертов Экибастузского района. Местный ветеран Г. В. Сидоров уже много лет растит сад у своего дома. И самое удивительное — это ему удаётся, несмотря на то что на здешней щелнистой почве вообще мало что родит. А у него и ели, и плодовые деревья, и цветы. Восемь сортов роз, столько же — гладиолусов, а ещё лилии, гвоздики, хризантемы. Несколько сортов яблонь, вишни, черешни, смородины, шиповник... Г. В. Сидоров один такой — на все Шидерты. А в Экибастузе, где тоже, казалось бы, и расти-то ничего путного не может, — уже тысячи обихожанных дачных участков, где люди выращивают всё, что душа пожелает: от картошки до винограда. Про Павлодар и говорить нечего. Вот бы кто-нибудь нашёлся и создал оду нашим дачникам, воспел бы их трудолюбие и самые невероятные достижения!

21 февраля

Новые веяния. В красном уголке городской телефонной станции состоялась встреча молодых связистов и евангельских христиан-баптистов, которая вылилась в активную дискуссию на вечные темы. В ответ на каверзные вопросы атеистов (“Чем вы докажете существование Бога? Как можно верить во всё то, что написано в Библии? Зачем мне религия, если я и так живу полноценной жизнью?”) следовало: “А кто-нибудь из вас читал Библию, вдумываясь в её строки? Хорош ли на самом деле воинствующий атеизм? Зачем надо было уничтожать церкви, осквернять их, превращая в склады или спортивные залы?”. Протекала дискуссия мирно, с обеих сторон в ней участвовало около ста человек, в том числе почти двадцать баптистов во главе со своим пресвитером. От нашей газеты на встречу ходил Роберт Штарк, дали его материал.

22 февраля

В Павлодаре прошло окружное предвыборное собрание по выдвижению кандидатов в народные депутаты. Шло оно ни много ни мало — почти десять часов. Каждый трудовой коллектив, выдвинувший своего кандидата, прислал на собрание по 21 делегату, кроме того по 66 человек делегировали два района Павлодара, а также Павлодарский, Качирский и Успенский районы — все они входят в один избирательный округ. Итого — 498 делегатов (присутствовало 484). На собрании было выдвинуто восемь кандидатов: мастер-электрик алюминиевого завода

В. М. Бутин, главный инженер проекта отделения ВНИИПИ энергетической промышленности В. Н. Вихлянов, наладчик завода “Октябрь” П. К. Лихачёв, бригадир водителей объединения транспорта А. Г. Матюшин, военный комиссар А. И. Невежин, главный врач больницы скорой помощи Р. М. Тулегенов, директор картонно-рубероидного завода Н. П. Шабрат, сталевар тракторного завода В. Ф. Шевяков.

Выступали кандидаты, высказываясь по самым разным вопросам, на многие из которых ни у кого не было ответов, агитировали за своих выдвиженцев представители трудовых коллективов. Самоотвод не взял ни один из восьми.

По результатам тайного голосования никто не набрал более половины голосов и, стало быть, регистрировать кандидатом в депутаты оказалось никого. Но по правилам можно было провести второй тур голосования, включив в него тех, кто набрал большинство голосов. После шумных дебатов и голосования в финале оставили тройку лидеров: Матюшина, Тулегенова, Шабрата. В итоге на первом месте оказался Матюшин, на втором Тулегенов и на третьем — Шабрат. Первые двое, получившие большинство голосов после очередного голосования, и были представлены к регистрации — так решило собрание.

В Экибастузском округе зарегистрированы кандидатами чабан Ж. Букенов и руководитель арендного звена А. Ахмединов. Второго я хорошо знаю: писал о нём, когда он получил звание Героя Социалистического Труда. Хороший мужик — спокойный, несуетливый, трудяга.

Об идиотизме трезвой жизни. “Тревожная хроника” полна сообщений с фронтов борьбы с самогонварением: у продавца рабкоопа изъято 10 литров браги, у домохозяйки — 40, у пенсионерки — 20 да ещё литр самогона. Все — из одного села. Оштрафована за хранение самогонного аппарата (и только?) начальник смены КЖБИ-4, за изготовление самогона — мастер СПТУ, за изготовление браги и хранение самогонного аппарата — пенсионерка. В доме у оператора комбината хлебопродуктов и к тому же члена партии было изъято четыре литра браги (подумать страшно!), за что последняя оштрафована на 150 рублей. О наказании по партийной линии ничего не говорится.

Переплюнул всех слесарь-сантехник теплосилового цеха тракторного завода, которого “прихватили” на рабочем месте с флягой, полной браги, и самогонным аппаратом, который он самолично изготовил на вверенном ему служебном посту. Уверяет: всё это исключительно для личных нужд, во что, впрочем, мало верится. Судя по тому, что никто из сослуживцев не донёс “куда следует” на коллегу, все они, скорее всего, пользовались его услугами, ведь в магазинах той же водки днём с огнём не сыскать.

Всего же в прошлом году за самогонварение наказаны девять тракторостроителей: от стрелка ВОХР и упаковщицы до контролёра центральной метрологической службы.

Нам велено публиковать номера телефонов, по которым граждане могут сигнализировать о самогонщиках.

28 февраля

П. В. Лефлер привёз не совсем обычный аналитический материал — на этот раз из колхоза имени Тельмана. Колхоз этот — не рядовой, можно сказать,

уникальный: в области нет другого такого хозяйства с подобными экономическими показателями. В прошлом году колхоз получил свыше семи миллионов рублей чистой прибыли, у него на банковском счёте более десяти миллионов рублей свободных средств. Рентабельны здесь и полеводство, и животноводство. Одна гречиха при урожайности в 11,3 центнера с гектара дала почти три миллиона рублей прибыли. В животноводстве хозяйству также немного равных: в прошлом году государству продано рекордное за всю историю колхоза количество молока и мяса: соответственно 6150 и 1635 тонн. Средний надой от коровы — 3380 килограммов, в так называемом “клубе трёхтысячниц” 47 доярок, больше, чем в любом другом хозяйстве.

Колхозники хорошо зарабатывают, живут в добротных, как правило, личных домах, в каждом дворе полно собственного скота и птицы. Село — одно из самых благоустроенных, есть большая школа, приличная больница, детский сад с яслями, музыкальная школа.

И, как всегда, за подобными результатами надо искать главного человека, личность. В данном случае — это Карл Яковлевич Блац, здешний председатель, который возглавляет колхоз уже 27 лет. Поскольку орден Ленина у него уже есть, впору представлять и к Герою Соцтруда. Между тем К. Я. Блац подал заявление об отставке. Причина? Группа колхозников написала жалобу на председателя, и заурядный производственный конфликт положил начало нескончаемым проверкам из района... Поговаривали также о конфликте “неудобного” председателя с первым секретарём райкома партии. Первый — хозяин до мозга костей и не терпит над собой мелочной опеки. Второй в недавнем прошлом тоже руководитель хозяйства и тоже был не из последних, иначе бы не выдвигали в секретари. Оба — натуры волевые, с характером. Председатель вгорячах написал заявление, а когда колхозники стали его укорять: что же ты, мол, так поступаешь, не посоветовавшись с нами, мы ведь тебя выбирали, — пошёл в райком его забирать. Но ему сказали: поздно, уже объявлен конкурс на замещение должности.

И вот — колхозное собрание. Отдав дань производственным достижениям, колхозники “всыпали” и председателю: за то, что прижимист (деньги есть, а вкладывает он их в развитие хозяйства неохотно), за некоторые другие просчёты, но более всего — за опрометчивый поступок — демарш. Выступил и сам К. Я. Блац — покаялся, попросил прощения, сказал, что готов работать дальше, если ему окажут доверие. Собрание проголосовало “за”, и сам собой отпал вопрос о выборах нового руководителя, на пост которого претендовали пять человек.

К чести первого секретаря райкома партии К. К. Ашимбетова, присутствовавшего на собрании и выступившего на нём, он не стал оспаривать этого решения.

“Вот уже неделю живу без сахара, ещё больше без масла, стирального порошка и мыла, — написал в редакцию инженер В. Механошин. — Интересно, по просьбе каких трудящихся эти товары продаются вечером. Хотел бы я, чтобы наши руководители, установившие такой график продажи (после работы), попытались их купить вместе со мной...”. Далее наш читатель описывает всем нам хорошо известную историю. Приходя к назначенному часу в магазин “Даулет” за сахаром, он застаёт там очередь из 20-30 старушек, в 18.30, когда начинается торг, к ним добавляется примерно столько же домочадцев. Лимит в 100 килограммов исчерпывается за какие-то полчаса, очередь практически даже не успевает продвинуться.

В. Механошин предлагает ввести талоны на дефицитные продукты, как это сделали наши соседи — алтайцы, новосибирцы, омичи... У нас в области этот вопрос также дискутировался, но не получил одобрения в верхах: вроде это как бы неудобно, стыдно...

Мы у себя в редакции решили провести операцию “Сахар”. Разослали журналистов по магазинам Павлодара с одним-единственным заданием — купить сахару. Картина получилась однообразно-безрадостная.

В. Бугаев: пришёл в 16.00, оказался в очереди тридцатым, к началу торговли (18.30) очередь стала стремительно расти за счёт пристраивающихся к ней спереди. Весь “положенный” сахар был распродан за 18 минут, большинству, включая нашего корреспондента, его так и не досталось.

О. Григорьева, которой в другом магазине сахара тоже не хватило, выяснила: максимальное нахождение в очереди за сахаром составило тут десять часов, то есть первые приходили “отмечаться” уже к открытию магазина.

В. Гольшкин: торговля продолжалась ровно десять минут, за это время были проданы положенные по лимиту 200 килограммов.

Без сахара вернулись Л. Гришина, И. Лисовская... И только С. Горбунову посчастливилось — и то потому, что его (уверяет, что случайно) работники магазина выбрали, чтобы удостоверить очередь: все 200 “лимитных” килограммов сахара — в наличии. Серёга вместе с продавцами пересчитывал пакеты и в награду за труды тоже получил два килограмма. А вся торговля заняла 15 минут.

Опубликованный по итогам рейда материал завершили выводом: выход один — срочно вводить талоны. Это лучше, чем очереди, в которых люди перестают быть людьми.

10 марта

Уникальная технологическая операция проведена на тракторном заводе. На две вагранки (шахтные печи для выплавки чугуна) одного из цехов установлена пара искрогасителей. Вся сложность заключалась в следующем: собранные на земле семитонные металлические конструкции надо было установить на отметке в 31 метр — на такой высоте находятся трубы вагранок. Ни один существующий в природе подъёмный кран с такой задачей не справится, поэтому для этой цели использовали вертолёт “Ми-10” Тюменского авиапредприятия. Вертолётчики работали в паре с монтажниками управления “Казпромонтаж”. Сама операция заняла минут двадцать и обошлась заводу в 28 тысяч рублей.

Для чего всё делалось? Из 34 тысяч тонн вредных выбросов завода в год 22 тысячи приходится на чугунолитейное производство. После установки ещё двух искрогасителей выбросы цеха сократятся на 96-98 процентов.

Репортаж Володи Бугаева со снимками о том, как всё это было, украсил первую полосу. Жаль только обошлись “рабочим” заголовком “Станет небо голубым”. Надо было дать другой — “Околпачили!”.

Корреспонденция Николая Марчевского из колхоза имени Карла Маркса Успенского района. Только за этот год здесь будет построено 25 индивидуальных жилых домов. Будущему хозяину колхоз даёт ссуду, обеспечивает стройматериалами, выделяет строителей. Половину ссуды (шесть тысяч рублей) погашает хозяйство, другую выплачивает колхозник — 20 лет. Все эти дома будут с централизованным отоплением и горячей водой, а через пару лет всё жильё в селе перейдёт на такое отопление.

В колхозе есть всё для нормальной жизни людей. В том числе один из лучших в области дом животноводов — с душевыми и комнатами отдыха, кабинетами врача, физиолечения и стоматологическим... Председатель В. Д. Глазырин считает, что этого недостаточно: будет пристроена сауна, комната психологической разгрузки.

Много интересного слышал о Глазырине, обязательно надо съездить к нему, познакомиться, всё посмотреть самому.

Облисполком, наконец, принял решение о введении талонов на сахар — по всей области. Дефицит его, помимо прочего, зампред облисполкома объясняет в нашей газете ещё и тем, что в пору свободной продажи сахара в Павлодаре его скупал заезжий люд из соседних российских и казахстанских областей; сахар также вывозили сотни командированных, отправляли посылками родным и знакомым многие павлодарцы. Облисполком даже вынужден был ввести запрет на “сахарные” посылки, но было уже поздно.

Теперь выход один — талоны. Их будут выдавать через домоуправления, а в сёлах — через сельсоветы из расчёта один килограмм в месяц на каждого человека.

В мире — очередной скандал, в который вовлекаются всё новые и новые силы. Британец индийского происхождения Салман Рашиди выпустил в Лондоне, а затем в Нью-Йорке 547-страничный роман “Сатанинские стихи”, после чего последовало заявление руководителя Исламской Республики Иран аятоллы Хомейни о приговорении автора книги к смертной казни за оскорбление религиозных чувств мусульман всего мира. Установленный сначала “гонорар” исполнившему приговор, которому, кстати, совсем не обязательно самому быть мусульманином, — один миллион долларов — вырос до шести миллионов. Как сообщило иранское радио, Рашиди оскорбил Коран и пророка Мухаммеда, неприглядно изобразил 12 его жён.

Следует скандал за скандалом. В Англии полторы тысячи мусульман — граждан этой страны — устроили перед зданием муниципалитета города Бадфорда публичное сожжение десятков экземпляров “Сатанинских стихов”.

В Исламабаде (Пакистан) около трёх тысяч мусульман пытались взять штурмом американский культурный центр, чтобы запретить роман, только что изданный в США. Вмешалась полиция, несколько демонстрантов погибли.

Сам Рашиди утверждает, что ничего оскорбляющего религиозные чувства мусульман в его книге нет, говорит, что “пытался написать о рождении религии с точки зрения светского человека”.

К писателю приставлена личная охрана, он вынужден скрываться, переезжая с места на место. А тем временем его роман и в Англии, и в Америке стал бестселлером и остаётся лидером продаж на протяжении нескольких месяцев.

12 марта

Весь номер отвели материалам пленума ЦК Компартии Казахстана. Интересно бы знать, сколько из 165 тысяч наших читателей способны одолеть восемь страниц убогистого текста, пусть в нём даже и говорятся о действительно важных вещах, в частности, о работе по реализации решений XIX Всесоюзной партийной конференции.

На что я сам обратил внимание? Оказывается, с начала пятилетки заработная плата в экономике более чем втрое опережала производительность труда, то есть выплачивались деньги, по сути не обеспеченные товарами.

Сказано также, что “ни одна из областей Казахстана не вышла на рубежи, запланированные Продовольственной программой”.

Критикуется идея некоторых трудовых коллективов, предлагающих предоставить профсоюзным комитетам право на объявления забастовок. “Более надуманной проблемы даже трудно себе представить”, — говорится в докладе.

Ещё цитаты:

“Не всякая гласность нам нужна, а только та, которая раскрывает преимущества социализма, мобилизует людей на максимальное развитие”.

“... В республике начали свою деятельность комиссии по борьбе со спекуляцией и злоупотреблениями”.

На заседании бюро обкома партии первым вопросом всегда идёт утверждение кадров. Я сам проходил эту процедуру дважды: первый раз при утверждении замом редактора — со всеми строгостями и претензиями за пристрастие к грешной теме, второй — формально, когда моё назначение редактором было уже согласовано в ЦК Компартии Казахстана.

Вместе с тем не припомню случая, чтобы раньше на бюро кого-то не утвердили в должности. Теперь и это возможно.

Инструктором обкома утверждали бывшего зама одного из областных управлений. Весь фокус был в том, что на эту должность он уходил как раз из инструкторов, но дела у него там не пошли и теперь его возвращали на прежнее место. И вот член бюро — один из секретарей обкома — в соответствии с новыми веяниями, проявляя принципиальность и требовательность, спрашивает: зачем рекомендуемый вновь возвращается на прежнюю должность, тем более что на предыдущем руководящем месте ничем себя не проявил, что ему уже за пятьдесят и ждать от него, как того требует время, новых идей, инициатив вряд ли возможно.

Вопрос был, конечно, на засыпку, ведь возвращение неудавшегося выдвиженца было санкционировано другим секретарём обкома и тоже членом бюро.

— Я — солдат партии, — стоя навытяжку перед членами бюро, отвечивал претендент на свою прежнюю должность, — сам себе работу не выбираю...

Утвердили...

Придумал заголовок для критического материала о плохой организации работы, например, на стройке: “Целый день — дребедень!”. Хорошо бы использовать. Дело за малым: найти “плохую организацию работы”.

Пришёл на приём ветеран. По поручению совета ветеранов они — группа активистов, взяв предварительно в школах сведения, обходят семьи отстающих учеников — чтобы воздействовать не только на них самих, но и на их родителей. Выявлена тройка самых что ни на есть злостных оболтусов: двоечники, прогульщики, нарушители.

— Надо как следует пропесочить через газету их родителей, — говорит ветеран, — я уже и заметку написал.

Отвечаю, что мы не можем дать такую заметку: то, что дети хулиганят, плохо учатся, ещё не повод для публичной “порки” их родителей. Да и не поможет такая заметка — тут, скорее, с каждым родителем надо работать индивидуально.

— Вы что, против решений нашей партии? — спрашивает в ответ ветеран.

— В каком смысле?

— Мы начали перестраиваться, мы взяли за большое дело, а вы не хотите помочь...

И после паузы:

— Так будете печатать?

— Нет, нельзя такое печатать.

— Ну что ж, посмотрим, как на это дело посмотрит обком.

Спустя какое-то время звонок из обкома:

— Такой-то был?

— Был.

— Жалуется на вас.

— А он объяснил — зачем приходил, свою заметку показывал? Можно это печатать?

— Нет, конечно... Но письменный ответ — теперь уже в обком — готовьте. День, можно сказать, испорчен.

18 марта

Облуправление жилищного хозяйства, на которое возложили обязанность выдавать “сахарные” талоны по месту жительства, изобрело новый способ борьбы с задолжниками квартплаты. Приходишь за талонами в своё ЖЭУ — предъяви квитанцию о том, что внёс квартплату, задолжал — талонов не получишь.

Дали реплику по этому поводу, поиздевались, предложив присоединиться к почину “Энергосбыту”, телефонной станции, другим конторам, оказывающим услуги....

“ЗП” несколько раз выступала в защиту частного извоза, составляющего реальную конкуренцию таксопарку. Не зря боролись: за один прошлый год число “частных” извозчиков выросло в два раза — теперь их почти две тысячи. Взять такси — уже не проблема. А я помню времена, не столь уж далёкие, когда П. А. Побережников, чья должность первого зама перешла ко мне, передал и секретный телефон, по которому можно было вызвать такси, когда по обычному (для всех) дозвониться было просто невозможно.

Пленум ЦК КПСС по аграрному вопросу. Доклад М. С. Горбачёва занимает почти весь номер. “Кардинально решить продовольственный вопрос мы до сих пор так и не смогли, — признаётся М. С. — И это — в стране с такими огромными возможностями”.

Упраздняются РАПО... “Никто не должен вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность совхозов и колхозов... Исходный пункт всех наших предложений — полная самостоятельность производителей...”.

На этом же пленуме состоялись выборы народных депутатов СССР от КПСС. Избраны все сто предложенных кандидатур. Однако отнюдь не все — единогласно.

В ЦК КПСС поступили письма с замечаниями в адрес кандидатур М. С. Горбачёва (о том, что он несёт ответственность за сложившееся положение в стране, поскольку уже давно входит в партийное руководство), Е. К. Лигачёва, А. Н. Яковлева и других.

В выборах принял участие 641 участник пленума.

Против М. С. Горбачёва — 12 голосов, против Л. Н. Зайкова (член Политбюро, первый секретарь Московского горкома партии) — 25, против секретарей ЦК КПСС Е. К. Лигачёва — 78 (рекордное количество), В. А. Медведева — 22, В. П. Никонова — 26, А. Н. Яковлева — 59. Против главного редактора “Правды” В. А. Афанасьева — 38, “Известий” — И. Д. Лаптева — 11.

... Несколько дней спустя впервые услышал, что в народе 100 депутатов от КПСС уже окрестили “Красной сотней”.

Участники состоявшегося недавно пленума областного совета добровольного общества борьбы за трезвость приняли обращение ко всем жителям области. Мы не стали его печатать, ограничившись небольшой заметкой о самом пленуме и о том, что обращение было принято.

У нас в редакции тоже есть первичная организация этого общества, хотя зачем мы её создали, я не знаю.

Мы очень мало знаем о своей собственной области, многих её предприятиях. Например, о том, что ермаковские ферросплавы — одни из лучших в мире. Они идут не только в страны социалистического содружества — Венгрию, Болгарию, Чехословакию, но и в ФРГ, США, Финляндию.

Международная торговая палата в Люксембурге присвоила Ермаковскому заводу ферросплавов “привилегии первого поставщика ферросплавов на мировом рынке” с вручением соответствующего диплома.

В обмен на свою продукцию завод получил из Югославии модуль дома отдыха на 400 мест, из Дании — комплекс по переработке молока и производству сыра. А кроме того — колбасно-копильный комплекс, цех по пошиву меховых изделий, оборудование для Павлодарской мебельной фабрики.

В кооператорах по области числится уже более трёх с половиной тысяч человек. 65 кооперативов производят товары народного потребления, однако их вклад в общий объём выпуска этих товаров по-прежнему невелик — менее одного процента.

Впервые в этом году отпраздновали Наурыз — праздник весеннего равноденствия, один из самых любимых и почитаемых на Востоке. Хороший, добрый праздник... Зачем его было запрещать?

Перепечатали из “Московской правды” по распоряжению обкома партии письмо рабочего В. Тихомирова, члена ЦК КПСС — со стыдливой припиской “по

просьбе читателей”. Речь шла о Б. Н. Ельцине. В письме он действительно предстаёт малопривлекательной личностью, человеком с двойной моралью. Наверняка в Москве эта публикация приурочена к выборам народных депутатов: мол, думайте, москвичи, за кого собираетесь голосовать... Но вряд ли это сработает, скорее — наоборот... И нас читатели по телефону долбят: зачем вы напечатали такое, мы этому не верим...

Наш собкор в Иртышске Г. Жаманбалинов прислал материал о том, как в совхозе “Суворовский” выполняют программу “Жильё-91”. Пишет, что лучший дом на четвёртом отделении — у бригадира животноводства Т. Рахметова: шесть комнат, облицован красным кирпичом. Помог ветерану, больше 25 лет проработавшему в хозяйстве, но так и не заимевшему за эти годы приличного жилья, директор В. И. Видикер. Убедил взять ссуду в Сбербанке, помог приобрести стройматериалы, выделил бригаду строителей. Теперь большая семья имеет не просто крышу над головой, а дом, в котором удобно жить. По решению совета трудового коллектива совхоза больше половины ссуды Т. Рахметову погасит хозяйство, оставшуюся часть он выплатит сам в течение 15-20 лет.

Подобную льготу получили в совхозе многие другие. Только за два последних года в совхозе построено 35 квартир. Это лучший показатель в районе и, наверное, в области.

За всем этим — хозяйская рука В. И. Видикера.

Есть первый в области народный депутат СССР — учительница средней школы № 22 из Павлодара Г. А. Амангельдинова. Она избрана на пленуме ВЦСПС — от профсоюзов.

В прошлом году на Калкаманском заводе дорожных машин выпущено 15220 бульдозеров. Собственно, сами тракторы собирают на Павлодарском тракторном, а в Калкамане на них навешивают бульдозеры. Тем не менее на “Дормаше” работают свыше 800 человек. В этом году здесь должны выпустить на 60 бульдозеров больше прошлогоднего.

В кинотеатрах Павлодара идёт скандальный фильм “ЧП” районного масштаба — о нравах, царящих в комсомоле, вернее, в чиновничьей его части — среди освобождённых работников... Помимо прочего, на экране воспроизведены весьма натуралистические половые акты...

Фильм обречён на успех и скандальную славу, а критика его с комсомольских трибун только добавит ему популярности.

Мне не довелось работать на освобождённой комсомольской работе (то есть состоять в штатах), но я был секретарём комсомольской организации в школе, редакции, был членом горкома и обкома комсомола. Поэтому я немного знаю всю эту комсомольскую кухню, в которой хватало всякого — и хорошего, и плохого. Знаю, как встречали и опекали журналистов республиканской молодёжки “Ленсмены”, приезжавших освещать работу областной отчётно-выборной комсомольской конференции.

Думаю, зря комсомольские работники стали копировать внешнюю сторону так называемой оргработы у своих старших — партийных — собратьев. Помню грубую, но вместе с тем во многом справедливую характеристику, данную освобождённым комсомольским работникам бывшим строителем, известным в Павлодаре и области человеком — Е. Г. Азаровым: “Пьют и трахаются (Евгений Григорьевич, впрочем, употребил более крепкое выражение) как взрослые, а работают как дети”.

25 марта

Короткая заметка в “Правде”. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел поступившие в адрес XIX партконференции письма о невозможности пребывания в партии бывшего первого секретаря Краснодарского крайкома партии С. Ф. Медунова. КПК установил, что он покровительствовал взяточникам, выводил их от ответственности, оказывал давление на честных сотрудников правоохранительных органов. Всё это разлагающе действовало на кадры.

С. Ф. Медунов исключён из партии решением Гагаринского райкома партии Москвы. Он уже не всесильный первый секретарь крайкома, которому покровительствовал Л. И. Брежнев, а пенсионер союзного значения, перебравшийся на постоянное место жительства в столицу.

В интервью газете “Московские новости” С. Ф. Медунов отвергает выдвинутые против него обвинения.

Вопрос о судьбе его наград — звезды Героя Социалистического Труда, ордена Ленина и многих других предстоит решать Президиуму Верховного Совета СССР.

По Центральному телевидению идёт какой-то бесконечный бразильский телесериал “Рабыня Изаура”. По вечерам народ не оторвать от телевизора, а на следующий день все обсуждают страсти такого далёкого от нас мира, которые оказываются так близки нашему отечественному телезрителю. В ходу новое, взятое из сериала название дачи — фазенда.

Народный целитель Алан Чумак проводит целебные сеансы по телевидению: водит перед собой руками, как бы снимая с невидимого ему пациента некую вредную паутину и не произнося при этом ни слова. Кто-то кому-то сказал, что может быть целебной и вода в банках, если их поставить во время его сеансов перед экранами телевизоров. Народ теперь таким образом активно заряжает воду, запасая её впрок.

Всё это, конечно же, чистойшей воды (опять вода!) бред, но, говорят, кому-то помогает.

По утрам нас лечит Алан Чумак, а по вечерам — Анатолий Кашпировский. У него отчасти демоническая внешность, острый пронизывающий взгляд, внушающий доверие голос. Кашпировский обещает излечить всех, страдающих от энуреза: “Ваш утренний будильник вас ночью разбудит!” — и других недугов. У кого-то уже рассасываются рубцы от давних операций...

Мать всех нас также усаживает вечером перед телевизором. Мне больше всего нравится музыка, сопровождающая сеансы Кашпировского.

1 апреля

Завели страницу “Панорама”, даём по субботам, стараемся готовить для неё самые интересные, читабельные материалы.

Воздь нынешней страницы — интервью с Валерием Брумелем, побывавшим недавно в Павлодаре. Его жизнь и судьба достойны восхищения, это пример высочайшего человеческого духа. Рос хилым, слабым, пришёл в секцию гимнастики — не смог ни разу подтянуться. А началось всё с желания стать сильным и с того, что в него поверил тренер, разглядел в долговязом неуклюжем мальчишке будущего прыгуна. Стал лучшим в мире прыгуном в высоту: за ним семь рекордов мира, в том числе олимпийский — 2 метра 28 сантиметров.

Казалось, теперь весь мир у его ног, и вдруг — падение с мотоцикла и катастрофа, в результате которой Брумелю чуть не лишился ноги. Три года в клиниках, непонятно куда подевались многочисленные поклонники и знакомые, ушла красавица жена... После 30 операций он попал к хирургу Г. А. Илизарову из Кургана, который поставил его на ноги.

Но Брумелю этого было мало. Он хотел прыгать и снова пришёл в спортзал. Начиная, как когда-то тринадцатилетним, с 1 метра 50 сантиметров, через месяц брал уже 1 метр 90. Решил устроить показательную тренировку, на которой взял уже 2 метра 5 сантиметров. И вновь — серьёзная травма, лечение. Он не оставил тренировок и позже, хотя понял, что с мечтой — побить свой собственный рекорд — придётся расстаться.

Начал писать — издал книгу “Высота”, написал сценарий для документального фильма “Право на прыжок”, пишет рассказы. Много ездит по стране, встречается с людьми, живёт активной жизнью.

Хорошее интервью с Брумелем сделал Халел Карпыков.

На этой же странице короткая заметка о том, что вышла новая детская книжка О. Григорьевой “Прогулка на Иртыш”. Тираж 35 тысяч экземпляров. Включив все мыслимые и немыслимые рычаги, “добыл” 30 экземпляров. Остальные — разошлись в считанные дни, в область поступило меньше тысячи экземпляров.

Вернулся из отпуска. Впервые в жизни отдыхал (и отчасти лечился) в “цэковском” санатории “Алатау” под Алма-Атой. Неплохо отдыхают партийные кадры. Одно-двухместные номера со всеми удобствами, отличное питание и обслуживание, необременительные процедуры. И всё это очень недорого.

На неделю вперёд составляется меню, заказываешь блюда, выбор которых весьма велик... Овощи и фрукты — каждый день...

Из процедур больше других впечатляют души — Шарко и циркулярный, после которых тебя укутывают в простыню и одеяло, и ты, лёжа, млеешь от удовольствия...

Есть ещё сеансы ауторелаксации. Садись в удобное кресло в комнате — полумрак, включают магнитофон, и женщина райским голосом уговаривает тебя расслабиться, после чего и впрямь можно впасть в дремоту. Одно плохо — сосед попался уж слишком внушаемый: начинает, как конь, всхрапывать уже через

несколько минут после начала сеанса, отбивая всякую охоту расслабляться у меня самого...

Хожу на зарядку. Её проводит девушка-тренер в коротенькой кофточке — такой, что при любом упражнении она нам демонстрирует полоску живота с пупочком... Думаю, всё это не случайно, а чтобы хоть чем-то взбодрить жиреющую и стареющую партноменклатуру.

Хорош бассейн, куда я стараюсь ходить каждый вечер — плавать в закрытых бассейнах мне до сих пор не приходилось.

Повидался с однокурсниками-алмаатинцами. У Натальи Баталовой муж угощал спиртом, настоящим на мумиё, взялся записать для меня Высоцкого. Игорь Денисов — звезда местного телевидения, его узнают на улицах, похоже, ему и в самом деле нравится то, что он делает. С Асией Байгожиной, которая когда-то проходила под моим началом практику, затем работала у нас в редакции, закончила Всесоюзные курсы сценаристов при ВГИКе, ходили на день рождения к Мишке Чиркову, тоже бывшему “звездюку”. Украшением стола был жареный гусь.

С Толей Устиненко облазили окрестные горы. Поразительная вещь: восьмого марта, когда на северных склонах ещё снегу по пояс, на южных уже проклёвываются первые подснежники. Они тут не такие, как у нас — совсем крохотные. Принёс с десяток с собой, и они несколько дней украшали наш общий обеденный стол.

Не знаю, поправил ли я здоровье за эти двадцать с небольшим дней, но от дел, конечно, отвлёкся. Хотя и работал тоже: “нахлестал” очерк примерно в два печатных листа (около 50 страниц на машинке) о том, как мы боролись против строительства завода БВК (белково-витаминного концентрата) в Павлодаре. И победили! Хочу предложить его “Простору”. Вот только возьмут ли? Наша победа — конечно, явное проявление демократии, но, боюсь, очерк получился очень уж “технологичным”. А вообще, не умею я отдыхать. Уже через неделю потянуло домой, а последние дни перед отъездом и вовсе места себе не находил.

Иногда в санатории для нас устраивали культурные выезды — в театр, на концерты. Я ездил на встречу с Мариной Влади, которая презентовала в Алма-Ате свою книгу о Высоцком “Владимир, или Прерванный полёт”. Я уже прочитал эту книжку раньше, и не могу сказать, что она мне понравилась. Может быть, потому, что там на первом месте всё же она, а не он. Кстати, алмаатинцы тоже не очень хорошо принимали Марину Влади. Было такое ощущение, словно большинству зала как бы обидно за своего кумира, связавшего жизнь с такой женщиной. Сама Марина держалась хорошо и, судя по тому, что книжка её шла нарасхват, цели своей достигла. Хотя то, что сам автор рекламирует свою книгу, организует её продажу — для нас непривычно. Нам кажется — автор должен быть выше всего этого. В самом деле: трудно представить Шолохова или Симонова, продающих свои книги. Впрочем, наверное, я несправедлив по отношению к Марине: сама она тоже не торговала...

Увидеть, а тем более услышать Высоцкого в моё время считалось невероятной удачей: можно сказать — счастьем. И мне в этом смысле повезло. Осенью 1973 года у нас в университете как раз начинались занятия, московский театр на Таганке приехал на гастроли в Алма-Ату. Спектакли проходили во Дворце имени Ленина. Не знаю, почему местные власти выделили театру с репутацией “не вполне

нашего”, идеологически не совсем выдержанного, самый вместительный в столице зал, но проблем с билетами на его спектакли практически не было. Актёры, привыкшие к своему очень маленькому, камерному московскому залу, даже жаловались потом, что именно из-за гигантских размеров нашего дворца чувствовали себя на его сцене не совсем в своей тарелке.

Я взял билеты сразу на три спектакля: “Добрый человек из Сезуана”, “Десять дней, которые потрясли мир”, “Антимиры”. На второй спектакль пришёл примерно за полчаса и не мог понять, что происходит. На улице перед дворцом гремела музыка — революционные песни и марши; на входе вместо контролёров революционные матросы в пулемётных лентах крест-накрест накальвали театральные билеты на штыки винтовок-трёхлинеек... Дальше — больше: в фойе на небольшом деревянном помосте стоял Владимир Высоцкий с гитарой — в свитере, джинсах... Кажется, он только допел и собирался уходить. Вокруг уже была толпа, протиснуться вперёд мне никак не удалось, а потом и самого Высоцкого кто-то из актёров сменил на помосте.

Потом я его видел на сцене, но та первая встреча потрясла больше всего, я ругал себя за то, что долго проторчал на улице, глаза на матросов, и не увидел поющего Высоцкого.

Не могу сказать, что мне очень уж понравились спектакли Театра на Таганке, но мощная игра актёров — Аллы Демидовой, Валерия Золотухина, Высоцкого — запомнилась.

А ещё на одном из спектаклей я встретил однокурсника Ваську Дмитровского, с которым мы успели сдружиться на первом курсе. Васька был в ту пору “крутой” — он недавно вернулся из стройотряда, где пробыл три месяца и заработал невероятную для тогдашнего студента сумму — что-то около тысячи рублей. В перерыве Васька угощал меня дефицитными в ту пору “Казахстанскими” сигаретами, а после спектакля, у себя дома на “Геологстрое” дорогим “забугорным” бренди или виски из фигурной бутылки.

О спектакле мы не говорили, куда больше в ту пору нас занимали женщины... Но увидеть живого Высоцкого... Это и для нас, тогдашних низвергателей авторитетов, кое-что значило.

2 апреля

Побывал в Москве на внеочередном пленуме Союза журналистов СССР, который избирал народных депутатов от нашего творческого союза.

Но прежде — о другом. В Москву я улетал на самолёте, который доставил из Алма-Аты в Павлодар гроб с телом Виталия Даниловича Ступака. Он умер через несколько дней после сложной операции на головном мозге. Его смерть стала неожиданностью для всех, кто его знал. Оказывается, у него были две большие опухоли — последствия давней травмы, и он знал, что обречён. Писал об этом в своём дневнике... Разослал прощальные поздравительные открытки (к 8 марта) знакомым женщинам. Обошёл друзей, заранее прощаясь с ними, и никто даже не понял, что это был последний его визит. Он очень мужественно держался: не плакался никому в жилетку, наоборот, шутил больше обычного...

Не могу сказать, что мы были очень близки или дружны с Виталием Даниловичем, но всё же хочется верить в то, что мы были больше, чем просто коллеги и просто товарищи... Меня всегда привлекал и глубокий человек. Умел сохранять лицо в самые застойные времена. У него был острый независимый ум и такой же характер. Мне всегда было важно знать, что скажет о моих материалах Ступак. Я старался учиться

у него, хотя мне далеко не всегда импонировала его экономная, жестковатая манера письма. Он приобщал меня к сотрудничеству в “Казправде”, оставлял за себя, уходя в отпуск, сватал в собкоры этой газеты — в Семипалатинск, Аркалык, Кызыл-Орду, Шевченко (почему это не вышло — другой вопрос).

Думаю, нужда в таких людях очень велика ещё и потому, что само их присутствие дисциплинировало остальных собратьев по цеху.

“Схоронили Ступака,

Ну а я живой пока...” —

таким печально-философским двустушием откликнулся на случившееся Виктор Семерьянов... Да, нам остаётся жить. Хотя сколько же в моей сегодняшней жизни суеты, ненужных, пустых разговоров, встреч, бессмысленной обаяловки. Невольно задумываешься, что это не жизнь вовсе, а жалкая пародия на неё — сплошное лицедейство, полуфарс-полудрама...

Состоялся расширенный пленум Союза журналистов СССР, на котором были избраны народные депутаты от нашего творческого союза. Павлодарскую область на пленуме представляли мы с Людмилой Ермолиной. Кандидатов выдвигали заранее: сначала на областных, а потом — на республиканских пленумах Союзов журналистов. Всего на десять депутатских мандатов претендовало 15 человек. Все они выступили со своими программами, ответили на вопросы. Иные кандидатуры обсуждались достаточно остро, иные “проскакивали” между делом. Наш казахстанский кандидат — редактор республиканской партийной газеты — выглядел на общем фоне не слишком убедительно, и я сразу подумал, что шансов у него немного (хоть мы и договорились с узбекской делегацией о поддержке двух наших кандидатов).

Не понравились мне москвичи, как видно, уже поднаторевшие на встречах подобного рода: они говорили больше всех, не церемонились и не выбирали выражений, критикуя оппонентов.

Голосовали тайно. Каждый участник пленума, имеющий право голоса, получил список из 15 фамилий, в котором должен был оставить не более десяти из них; при желании можно было вычеркнуть всех, но нельзя было оставить, к примеру, одиннадцать...

Избрали главным образом редакторов газет — одной многотиражной, одной городской, одной краевой (молодёжной), двух республиканских (Украина и Узбекистан), одной центральной (“Красная Звезда”), председателя Гостелерадио (Литва), генерального директора ТАСС... С последним мы немного знакомы: Л. П. Кравченко, ещё в бытность его главным редактором “Труда”, тираж которого при нём вырос в разы и вышел на первое место, опередив даже “Правду”, “Комсомолку” и “Известия”, руководил Всесоюзной летучкой журналистов в Свердловске, где довелось побывать и мне. Было это несколько лет назад. Кравченко тогда покори нас всех своим обаянием, мягким юмором, отсутствием какой бы то ни было позы, которыми обычно страдают столичные журналисты.

Едва ли не больше всех голосов набрал М. Н. Полторанин. Он — наш земляк, казахстанец, в своё время закончил КазГУ. Работал в “Рудном Алтае” (Усть-Каменогорск), потом в “Казправде”, всегда отличался независимым нравом, неуступчивостью. Его взяли в “Правду” — собкором по Центральному и Восточному Казахстану. Наша область также входила в его собкоровскую зону. Писал нечасто, но остро, как правило, критические материалы. Как-то дал просто зубодробительную корреспонденцию о стиле и методах работы первого секретаря

Карагандинского обкома партии А. Коркина, члена ЦК КПСС, имевшего большой вес в Казахстане.

Полторанина заметили и перевели в аппарат “Правды”, а когда Б. Н. Ельцин возглавил Московский горком партии, предложил ему стать редактором “Московской правды”. Скандальный уход Ельцина с этого поста предрешил судьбу Полторанина, в последнее время он работал политическим обозревателем АПН (Агентство печати “Новости”). Полторанин — безусловно, фигура в журналистском мире, за него проголосовали 369 человек, против — 83. Я подошёл к нему, поздравил, передал приветы от павлодарцев — С. П. Шевченко, А. Ф. Половникова. Он, в свою очередь, передал привет не только им, но и зампреду облисполкома Е. Г. Азарову, а также начальнику канала “Иртыш — Караганда” А. И. Баталову.

Не набрали голосов известные журналисты Отто Лацис — публицист, Всеволод Овчинников — политический обозреватель “Правды”, автор хорошей книги о Японии, Александр Бовин — многолетний ведущий “Международной панорамы”. Бовина я встретил, выходя из здания АПН, где проходил наш пленум. Большой, грузный, он одиноко сидел в коридоре и был чем-то похож на грустного бульдога и моржа одновременно. Я поздоровался и сказал, что голосовал за него. Он улыбнулся и протянул мне руку: “Спасибо...”.

... Через какое-то время журнал “Журналист” опубликовал полный список журналистов — народных депутатов СССР, избранных от творческих союзов, общественных организаций, а также в регионах. Всего в этом списке — более 60 человек. Не так уж мало... Ценит народ нашего брата!

Наш пленум в числе главных наказов своим избранныкам дал следующие: ускорить принятие закона о средствах массовой информации; обеспечить право журналистов на получение информации; добиться перевода газет на хозрасчёт; улучшить условия труда и быта журналистов.

4 апреля

Публикуем острый критический отчёт с заседания президиума Совмина республики. Председатель Совмина Н. А. Назарбаев в своём выступлении сказал, что из 205 сельских районов Казахстана 71 имеет очень низкий уровень социального развития, а 30 из них — прямо-таки в нетерпимом состоянии. Назвал и конкретные адреса в одиннадцати областях, но нашей названо не было.

В 29 сельских райцентрах нет типовых больниц и поликлиник, а две трети больничных коек на селе размещены в приспособленных помещениях.

Одну из главных причин Н. А. Назарбаев видит в том, что сложилась негодная традиция развивать в первую очередь центр — областной ли, республиканский. А теперь надо поступать наоборот. И теперь уже город должен помочь селу.

“Когда мы утверждаем, что Казахстан — богатая республика, неисчерпаемы её недра, то при этом богатстве почему-то не обращаем внимания на, не побоюсь этого слова, убогость”.

Речь в данном случае, заметил Н. А. Назарбаев, идёт о 30 районах, в которых проживает около миллиона человек.

Дали информацию о том, что в совхозе “Северный” геологи пробурили скважину глубиной почти 1400 метров. Это сделала буровая бригада Владимира Игнатьевича Ефремова. Теперь она ведёт бурение ещё более глубокой скважины —

1600 метров в колхозе имени 30-летия Казахской ССР. Цель — разведка пригодных для питья и лечения термальных и минеральных вод.

Это будут две самые глубокие скважины за всю историю области.

А я вспоминаю детство, совхоз “Михайловский”, урочище Кенжибек, где в середине шестидесятых также пробурили скважину — для водопоя скота. Из неё била мощная струя не тёплой даже, а горячей воды, и мы, мальчишки, могли плескаться в ней часами. Вода из скважины со временем наполнила целое озеро, в котором было много красных, диких уток и даже ондатры. Наш класс дважды устраивал двух-трёхдневные походы с ночёвкой на Кенжибек. Вспоминаю о них, и сердце бьётся сильнее...

Бюро обкома партии признало неудовлетворительной работу Иртышского райкома партии по выполнению решений XIII пленума ЦК Компартии Казахстана об увеличении производства продовольствия. Район не выполнил трёхлетний план производства мяса, молока, шерсти. В области идёт рост поставок молока, а в районе они сокращаются.

Весьма бледно выглядели во время отчёта первый секретарь райкома партии А. И. Кошевой и директора совхозов, которых поднимали. Кошевому объявлен строгий выговор, председателя райагропромобъединения (бывшее райсельхозуправление) рекомендовано освободить от должности.

Честно говоря, сомневаюсь в том, что в ближайшее время иртышанам удастся кардинально изменить положение дел, уж слишком много там всего накопилось за последние годы.

На заседании бюро обкома отчитывался также начальник Павлодарского отделения Целинной железной дороги А. С. Саркыншаков — о выполнении программы “Жильё-91”. Вот ему было что сказать: только за два года построено 564 квартиры, в том числе 160 — хозспособом, 28 индивидуальных домов, два детских сада с плавательными бассейнами, пионерский лагерь, санаторий-профилакторий для железнодорожников. Саркыншаков сказал, что программа “Жильё-91” в отделении дороги будет выполнена: все нуждающиеся железнодорожники получают жильё, нет и не будет проблем с местами для детей работников отрасли в детских садах.

Несколько дней назад встречался с директором совхоза “Бобровка” Н. Ф. Мальцевым, подготовил большое интервью — об абсурдности обстановки, в которой приходится работать одному из лучших хозяйств района и области. Совхоз перевыполнил планы последних трёх лет по всем показателям: продаже хлеба, подсолнечника, картофеля, молока, мяса, заработав при этом 6 миллионов 620 тысяч рублей чистой прибыли. Но у него практически нет средств на развитие — строительство откормплощадки, реконструкцию котельной и кирпичного завода и т. д.

“Как же так, — спрашиваю Николая Фадеевича, — а прибыль куда дели? Ведь её бы с лихвой хватило на добрую половину названных объектов?”. — “А прибыль каждый год изымают в фонд республиканского и областного агропромкомитетов”. — “Всю, что ли?” — “Не всю, но больше половины. Поэтому мы вынуждены брать кредиты, а их надо возвращать с процентами”. — “Николай Фадеевич, но ведь часть прибыли отчисляют в республику и область и другие

хозяйства...” — “Отчисляют те, у кого она есть, но не более 30 процентов. К тому же все другие совхозы района имеют 50-процентную денежную надбавку за сдаваемое молоко и мясо: это привилегия нерентабельных или низкорентабельных хозяйств. Вот и подумайте сами — кто остаётся в выигрыше, выгодно или невыгодно быть передовым, то есть рентабельным хозяйством!”.

Ну разве не абсурд! На недавнем общем совхозном собрании, где отчитывался Мальцев, односельчане чехвостили его и за то, что, давно обойдя всех в районе по уровню валового дохода и размеру прибыли, по уровню зарплаты бобровцы как были, так и остаются в середняках. И крыть Николаю Фадеевичу было нечем.

Давно не видел Мальцева таким расстроенным. Интервью с ним назвал “Иждивенчество — тормоз перестройки”. Материал-то, чувствую, хороший получился, но боюсь, обиженных на Николая Фадеевича будет много — и в родном районе, да и в областных конторах, которые всегда найдут способ поквитаться...

Зря перепечатали из “Московской правды” письмо рабочего с критикой Б. Н. Ельцина. Сегодня перепечатываем ответ Ельцина, который характеризует письмо частью кампании, которую ведут против него как кандидата в народные депутаты аппарат Московского горкома и некоторых райкомов партии. Кампания эта, как известно, провалилась. А мы, выходит, также принимали в ней участие.

6 апреля

“Хочу пива!”. Дали под таким заголовком письмо рабочего В. Курятникова. “Пью мало, мне хватит 4-5 бутылок пива в месяц, больше ничего не надо. Но ведь пива даже зимой не возьмёшь, про лето и говорить нечего. У нормальных людей этот дефицит вызывает раздражение...”.

Подписываюсь под каждым словом. Как-то летом мы, трое братьев, Шурка, Петька и я (они были у меня в гостях), обшарили весь Павлодар в поисках пива. И взяли только по случаю: самый молодой и шустрый из нас Петька “подрядился” помочь в разгрузке только что пришедшей в магазин машины с ящиками.

На пивзаводе всё объясняют нехваткой мощностей, сырья...

Честно говоря, не понимаю: неужели и пива не можем выпустить сколько надо. Ну ведь выгодно же — живые деньги!

Тимофей Иванович Кильбасович из совхоза имени Джамбула Лебяжинского района получил в аренду на 50 лет участок совхозного сада. Это право закреплено за ним государственным актом, он может передать его своему сыну.

Кильбасович — любопытная фигура. Мы много о нём писали. Взял в совхозе пятнадцать телят — на дорастивание и откорм — с обязательством сдать затем хозяйству по действующим закупочным ценам. Ухаживает за скотом сам, вместе с домочадцами. Корма тоже свои — часть заготовил на неудобьях, часть купил.

Но всего этого ему показалось мало, и Кильбасович попросил в аренду шесть гектаров заброшенного сада. Навёл там порядок, поливал, ухаживал и в первый же год собрал 28 тонн яблок, спрос на которые оказался очень большим. Кстати сказать, на остальной части сада, вдвое большей по площади, было собрано лишь восемь тонн яблок.

После первого успеха Кильбасович решил взяться за реконструкцию сада, доказать преимущества личного крестьянского хозяйства. В совхозе ему не сразу пошли навстречу, не раз выступала в его защиту и наша газета. Надо будет последить за тем, как пойдут у него дела дальше.

Наша область “прославилась” на всю страну. Космонавт Владимир Левченко, целый год пробывший в космосе на станции “Мир”, рассказал недавно в программе “Человек. Земля. Вселенная” по Центральному телевидению о своих экологических впечатлениях. По его словам, зимой через всю заснеженную прииртышскую равнину тянутся грязные полосы — от Экибастуза — через Павлодар — до самого Алтая. Это хвосты дымовых труб Экибастузской ГРЭС-1, Ермаковской ГРЭС, завода ферросплавов, павлодарских ТЭЦ. А мы всем этим дышим.

Люди не верят объяснениям специалистов и руководителей предприятий, когда те приводят успокаивающие аргументы насчёт экологии. Вот и недавно большая статья начальника Семипалатинского ядерного полигона генерал-лейтенанта А. Д. Ильенко в нашей газете, в которой он пытался успокоить население, имела прямо противоположный эффект. Читатели нас ругают, говорят и пишут о том, что полигон надо вообще закрывать.

Прошли долгожданные выборы народных депутатов СССР. В нашей области из положенных четырёх избраны только двое — оба единственные кандидаты в своих округах: первый секретарь обкома партии Ю. А. Мещеряков и директор совхоза “Суворовский” В. И. Видикер. (Кстати говоря, все первые секретари обкомов в Казахстане избирались безальтернативно. А в Ленинграде, например, где у местной партийно-советской номенклатуры конкуренты были, оказались неизбранными первые секретари обкома и горкома партии, председатели облисполкома и горисполкома. В Москве, как ни пытались власти “топить” опального Б. Н. Ельцина, он победил в своём округе с фантастическим результатом). У нас в двух округах, где были альтернативные выборы (по два кандидата), ни один из претендентов не набрал необходимого количества голосов. Теперь всю предвыборную кампанию надо проводить заново. И всё бы ничего, но опять активизировались “неформалы”, чьи представители дальше окружных собраний не продвинулись (тут, конечно, “поработали” искушённые в тонкостях предвыборных игр власти). Нам дано поручение из обкома “заклеймить” “неформалов” в материале по итогам выборов. Мы хотели сначала заволокитить это дело в надежде, что потом, может, всё само собой рассосётся. (Совсем как беременная десятиклассница: она уже на пятом месяце, а ей всё не верится — думает, а может, ещё “рассосётся”?). Плохо же мы знали наш обком... Сказано было: не дадите в ближайший номер (субботу), будете с этой публикацией выходить вне графика — в понедельник!

Набрался нахальства — позвонил по “вертушке” первому секретарю. Объяснил ситуацию, сказал, что такие дела с бухты-барахты не делаются, можно наломать дров... Вроде убедил...

Ответный удар последовал чуть ли не тотчас — на следующий день. Пока мы всё ещё “обсасывали” материал по итогам выборов, нам передали “вставку” для него, с критикой программы “неформала” Г. В ней было что критиковать: вселенский масштаб, пункты, явно нахватанные из скандальных популистских

статей и т. д. Чего стоил, например, пункт программы Г., предлагавший увеличить долю зарплаты в валовом производственном продукте с нынешних 30 до 70-80 процентов. Каким образом? Денег ещё напечатать, ведь достатка товаров нет и пока не предвидится? Программа также предлагала исключить из Конституции СССР шестую статью — о руководящей роли КПСС... И далее — в том же духе.

Однако, как оказалось, Г. свою программу ещё нигде не заявлял — во всяком случае, официально. Что же мы тогда должны были критиковать? Некоторые соображения частного лица, неизвестно каким образом оказавшиеся в распоряжении редакции?

Переговоры в идеологическом отделе обкома ни к чему не привели, и я настоял на срочной встрече с первым секретарём. Был тут же принят. Разговор происходил в присутствии А. М. Ажибаевой — секретаря по идеологии, с которой мы обычно обменивались мнениями достаточно свободно, открыто.

Мне казалось, и Ю. А. Мещеряков в последнее время был настроен ко мне весьма доброжелательно. Но на этот раз его, скорее, раздосадовала моя активность. В нашем разговоре явно ощущалось напряжение, в репликах Ю. А. сквозило плохо скрываемое раздражение. Конечно же, я понимал причину: “неформалы” у обкома в зубах навязли; на прошедших выборах их удалось нейтрализовать, теперь снова ерепенятся, а редактор пытается блокировать действия обкома по их новой нейтрализации. Но и в обкоме должны были понять, что политика не терпит суеты, что сегодня методы примитивного силового давления не проходят — тем более по отношению к “неформалам” (слово-то какое дурацкое!).

Не думаю, что мой сумбурный монолог был очень убедителен... Мешало говорить то, что я физически ощущал растущее между нами напряжение... Но — говорил. Например, следующее: “Нельзя в наше время доверять человеку серьёзное дело, если он не в состоянии сказать своему начальнику “Нет!”... Надо стараться предвидеть возможные последствия публикаций политического звучания. Пример — перепечатка в “ЗП” письма рабочего Тихомирова о Ельцине, опубликованного в “Московской правде”. Желаемого результата — развенчать в народе авторитет Ельцина — борца за справедливость, пострадавшего за правду — не добились. Эффект оказался прямо противоположный. Ельцин победил на выборах, а “Московская правда” вынуждена была напечатать ответ — гораздо более убедительный. Кстати, и “ЗП” тоже его перепечатала, оказавшись в дураках. Я говорил, что не давить надо “неформалов”, что изо всех сил пытаются делать сегодня некоторые, а идти на контакт с ними, привлекать к реальным делам, уметь спорить с ними в любой аудитории, а если критиковать, то опять же за дело — корректно, аргументированно. Давить инакомыслие — недалеко-видная, обречённая на провал политика. И чтобы понять это, не надо быть семи пядей во лбу: ведь не одну “ЗП” читают сегодня люди, у каждого дома телевизор, почти все читают центральные газеты, где полно публикаций на этот счёт. Изменилась вся общественная атмосфера, этого нельзя не видеть.

Говорил (может, и напрасно), что не боюсь потерять кресло, поскольку ещё не успел привыкнуть к нему. Боюсь потерять имя, доверие читателей. И далее — в том же духе, к сожалению, многословно и сбивчиво.

Мещеряков слушал меня, не перебивая, но по тому, как суживались его глаза и всё более бесстрастным становилось его лицо — каменело — чувствовалось: многое из сказанного мною ему явно не по душе.

Он сказал, что зря меня послушал: публикацию с критикой “неформалов” надо было давать ещё в субботу: сказал, что в моих рассуждениях много сантиментов. Публикацию Тихомирова в “ЗП” дали потому, что избиратели Мещерякова

замучили на встречах вопросами о Ельцине — вот он и пообещал перепечатать то, чем на тот момент располагал.

В конце концов мой довод о том, что нельзя критиковать программу частного лица, возобладал: договорились дать нейтральный материал по итогам выборов. Такой исход, впрочем, меня вполне устраивал, но я шустрой чувствовал: этим дело не закончится.

Два дня стояло относительное затишье. Затем раздался звонок от заведомом обкома: “Надо поставить материал в номер!”. На это раз — письмо председателя совета трудового коллектива картонно-рубероидного завода. Речь о том, что самозванный кандидат-“неформал” Г. вёл на заводе агитацию, и что такой кандидат рабочему коллективу не нужен. Разумеется, сам председатель СТК ничего не писал, но пришёл в редакцию, подписался под текстом.

Вообще, если честно, я и сам не испытывал особых симпатий к Г. Человек он, ничем особым до сих пор себя не проявивший, но крайне амбициозный; такое впечатление, будто он хочет взять реванш за всю прошлую, не слишком удавшуюся жизнь, любой ценой прорваться в политику. Активность его какая-то раздражающе-искусственная... Однако при всём при том мне глубоко неприятны, если не сказать — отвратительны, методы, которыми борются с ним наши обкомовцы, чтобы вывести его из игры...

Поразительная вещь: Генеральный секретарь ЦК КПСС бьётся как рыба об лёд, наводя мосты взаимопонимания с нашими заклятыми врагами из трижды проклятого капиталистического окружения, всё время говорит о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми, о деидеологизации политики, а мы по-прежнему действуем в духе самых что ни на есть застойных традиций, душим инакомыслие.

В душе — дискомфорт, раздраз из-за того, что вынужден делать то, чему она противится... И вместо того чтобы заниматься делами, которых выше крыши, вынужден играть в дурацкие аппаратные игры. Ведь не подчиняться — нельзя...

На днях было очередное областное собрание земледельцев. Как всегда, по большей части пустое, дурацкое, с обязательным “Обращением” — о том, что надо пахать и сеять и т.д. Но было на этом совещании и хорошее выступление — директора ВНИИ зернового хозяйства (Шортанды) Мехлиса Сулейменова. Он призывал вернуться в земледелии к здравому смыслу: не надо никаких общих установок, единых линий — каждый агроном сам должен решать, что и как ему делать на своей земле. Сулейменов говорил, что и пары — не панацея, и любой другой агроприём, особенно если их будут навязывать...

Я подумал: хорошо бы написать статью на эту тему. Скажем, “Крушение стереотипов”, ведь именно этим и занимались всю свою жизнь лучшие наши агрономы — Михаил Иванович Трусов, Василий Степанович Петрушкин, Николай Григорьевич Стрельба...

Был на совещании и другой памятный момент. Выступал директор совхоза “Бобровка” Н. Ф. Мальцев. Почему-то сильно волновался, а когда завёл речь о гречихе, вдруг во всеуслышание заявил следующее: эта многострадальная культура сохранилась в последние годы на павлодарских полях, выстояла во многом

благодаря поддержке “Звезды Прииртышья”, и особенно статьям Ю. Д. Поминова, который отстаивал её право на жизнь принципиально и бескомпромиссно. Так и сказал! Я аж вспотел: услышать про себя такое в зале, где почти 800 человек, в том числе не один десяток признанных хлеборобов...

А в чём, безусловно, прав Николай Фадеевич — были у меня неприятности из-за “гречишной линии” в газете. На бюро обкома партии, когда меня утверждали заместителем редактора, тогдашний первый секретарь П. И. Ерпилов попенял мне за чрезмерное пристрастие к гречихе: вы же, мол, не специалист, о самолётостроении же не пишете... А один из членов бюро обкома, доселе мирно дремавший, вдруг встрепенулся и добавил: “Он пишет, а нам план по гречихе добавят...”. Их, впрочем, тоже можно было понять: работу района, области “наверху” оценивали прежде всего по валу — общему сбору зерновых, а гречиха у нас (да и не только у нас) не могла соперничать с той же пшеницей по урожайности и снижала этот самый вал. Мне тогда ясно давали понять члены бюро обкома: не думай, что ты умнее всех — области эта самая гречиха объективно невыгодна. А то, что гречневой крупы в магазинах днём с огнём не сыскать, никого не интересовало. За исключением, может быть, десятка агрономов и такого же числа дальновидных руководителей хозяйств.

Мне после профилактической беседы на заседании бюро обкома пришлось на год тормознуть уже готовую статью о гречихе для “Простора”. Но книжку о просе и гречихе — “Крупяной клин” — я всё же написал, болтается где-то в алма-тинском издательстве. Обещают издать...

Может, и про историю с “неформалами” когда-нибудь напишу?

Позвонил Саша Бондаренко — в недавнем прошлом наш корреспондент, а теперь собкор КазТАГ по Павлодарской области. Суть дела: он пару дней назад был на собрании в машиностроительном техникуме, где был выдвинут кандидатом в депутаты Павел Лихачёв. Представители горкома и райкома партии делали всё возможное, чтобы не допустить его выдвижения. Среди прозвучавших претензий, адресованных Лихачёву, оказалось и такая, абсолютно абсурдная: уж что-то очень долго он не женится, кажется, и невесту свою обманул. Не прошло: невеста тут же объявилась сама и под аплодисменты собравшихся развеяла все сомнения относительно Пашиной “неверности”.

Подавляющее большинство поддержало его выдвижение, но Саша боится, что будут пущены в ход бюрократические уловки, чтобы всё переиграть: признать собрание неполномочным или что-то в этом роде... Саша сказал, что он свой выбор сделал, что идёт доверенным лицом к Лихачёву, хорошо понимая, какими последствиями это ему грозит...

Чистый, хотя и во многом наивный парень, Саша. Я буквально на днях пытался в обкоме “проталкивать” его кандидатуру на освободившееся место собкора “Казправды”. “Вы что, это же второй Ступак будет!” — услышал в ответ. Что ж, это лучшая характеристика самому Саше, хотя я не стал ему ни о чём говорить — не хотел расстраивать...

Отвечая же на Сашин звонок, прямо сказал, что сам между молотом и наковальней, что мои попытки повернуть “верхи” к здравому смыслу (всего-то!) в отношениях с “неформалами” не имели успеха.

А ещё через пару дней и самого Сашу Бондаренко “нейтрализовали”, вызвав на месячную стажировку в Алма-Ату. Вряд ли это случайное совпадение...

Совершенно неожиданно возобновил отношения с Сашкой Иконниковым. Это один из самых талантливых людей, которых я встречал, и авантюрист, каких тоже ещё поискать. Всё же он для меня загадка... Где только ни работал: в областных газетах, “Дружных ребятах”, “Шмеле”, теперь вот — в “Ленсмене” заведомо. Ведёт передачу на телевидении. Плодовит невероятно: я читал по меньшей мере четыре-пять его фантастических повестей — одна лучше другой. Ни одна не опубликована — не берут издательства. На этот раз увёз с собой из Алма-Аты его новый фантастический роман объёмом 18 печатных листов. Положительный отзыв на него дал сам Борис Стругацкий... Но издателей пока не находится. Какой же крепостью должен обладать талантливый пишущий человек, чтобы прошибить непробиваемую издательскую стену. Сказал Сашке, что как только будет опубликована хоть одна из его фантастических вещей, отбою не будет от желающих издавать остальные — все они обречены на читательский успех.

Наверное, Сашка всё же человек со сдвинутой психикой — нормальный человек просто не в состоянии выдумывать такие фантастические вещи, писать с такой скоростью.

При всём при том Сашка постоянно попадает в разные истории. У нас в Павлодаре “залетел” в вытрезвитель, в Алма-Ате “прославился” тем, что торговал (с наценкой!) джинсами, купленными в ЦУМе по подложному письму — якобы от “Вечерней Алма-Аты”. Всерьёз уверял меня, что за ним следят, прослушивают телефон. Собирается уйти из “Ленсмены” и издавать свою — независимую кооперативную газету. Собирается также уезжать в Прибалтику, учит эстонский язык.

В пятом номере “Простора” обещают дать, наконец, мой очерк о Н. Ф. Мальцеве, принятый в феврале прошлого года. Отдал им также очерк “Уроки демократии” — историю о том, как мы боролись против размещения в Павлодаре завода по производству белково-витаминных концентратов.

Смотрел по ТВ хорошую передачу о трагической судьбе Осипа Мандельштама. Это он написал: “Мы живём, под собою не чуя страны, наши речи за десять шагов не слышны...”. Эти стихи о Сталине привели его в лагерь, где он и умер.

А впервые я услышал эту фамилию только в университете, из уст Тамары Михайловны Мадзигон, на одной из “поэтических пятниц”. Я стихов не писал, но на эти поэтические посиделки с их неповторимой безалаберно-возвышенно-ироничной атмосферой иногда ходил. И вот Тамара (так мы её между собой звали) с какой-то несвойственной ей взволнованностью сказала: “Недавно вышел небольшой поэтический сборник Осипа Эмильевича Мандельштама. Это очень дорогой подарок для истинных любителей поэзии”.

Было это году в 1973 или 1974. Нет уже и самой Тамары Михайловны, которая вела у нас в университете русскую литературу XIX века и которую все мы — “казгушники” — и филологи, и журналисты — так любили. Она умерла от скоротечного рака. Только недавно узнал, что темой её кандидатской диссертации была поэзия Павла Васильева...

11 апреля

В стране — страшные катаклизмы. В Норвежском море затонула наша атомная подводная лодка. Есть погибшие, сколько — не сообщается.

В Тбилиси на площади у Дома правительства несколько дней продолжался митинг. Что там случилось, из сообщений прессы понять невозможно. В официальном сообщении говорится: “В ходе пресечения беспорядков, спровоцированных экстремистскими, антиобщественными элементами, пострадала группа людей из числа гражданских лиц и военнослужащих. В результате возникшей давки погибло 16 человек...”.

Чего хотели собравшиеся на площади? Почему была применена сила? Кто виноват? Никто ничего не объясняет..

12 апреля

Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о внесении изменений и дополнений в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления. В частности, речь идёт об ужесточении наказаний за “призывы к свержению или изменению советского государственного строя”. Они наказываются лишением свободы на срок до трёх лет или штрафом до двух тысяч рублей. (Это примерно средняя годовая зарплата в стране). Аналогичные меры наказания предусмотрены за “оскорбление или дискредитацию государственных органов и общественных организаций”.

Публикуем указ и перепечатаваем передовую “Правды”, в которой подчёркивается, что “демократия — не только расширение реальных прав, но и усиление ответственности, дисциплины, организованности... Между тем лозунгами демократизации, гласности, расширения прав и свобод всё чаще пользуются разношёрстные группки тех, кто, выдавая себя за сторонников перестройки, на самом деле являются её оголтелыми противниками... Именно на совести этих самозванных лидеров — экстремистов и националистов — события в Армении и Азербайджане, которые трагически оборвали жизни ни в чём не повинных людей... Они же сеют сегодня искры раздора в Грузии, где беспорядки в Тбилиси привели к человеческим жертвам... Указ послужит основанием для привлечения к суровой ответственности тех, чьи действия сегодня направлены против советского государственного строя...”. Далее говорится о том, что указ не отменяет ни перестройку, ни демократию, напротив — защищает их, и о том, что аналогичные формы права действуют в США, Франции, ФРГ, Великобритании и других странах.

В области всё ещё продолжают собрания по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР. На картонно-рубероидном заводе были выдвинуты директор Н. П. Шабрат, председатель совета трудового коллектива И. И. Фотт и учитель средней школы № 1 В. П. Галенко. Предложили рассматривать только “своих” кандидатов, за что большинство и проголосовало. Несогласные в знак протеста покинули собрание, и таким образом кандидатура “нежелательного кандидата” была сразу отсеяна. Впрочем, и без этого у Галенко не было шансов на заводе победить Шабрата — авторитетного руководителя и человека, поднявшего предприятие из лежащего состояния. Шабрат и был выдвинут для регистрации.

На Ермаковском заводе ферросплавов выдвинули директора С. А. Донского, в областной больнице — главного хирурга области С. Н. Ткаченко, в НПО “Сборочные механизмы” — бригадира слесарей П. Н. Лихачёва — того самого, что был “отсеян” на окружном предвыборном собрании в первом туре выборов. Характерная деталь: на собрании в НПО выдвигалась также кандидатура генерального директора Я. Ф. Райсиха, однако он взял самоотвод. Так что один из “неформалов” — П. Лихачёв — скорее всего, будет зарегистрирован, что добавит головной боли обкому, да и мне как редактору...

Уже решено: первым из журналистов в космос полетит сотрудник одной из японских телерадиокомпаний. Конечно же, это оплеуха советским журналистам, много лет разрабатывающим “космическую тему”. Почему принято такое решение? Всё очень просто: японец полетит за деньги. Сумма соглашения не называется. Всего же подобных коммерческих проектов уже 19, десять из которых, по словам представителя Главкосмоса, “в той или иной степени реализуются”.

В Экибастузе выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР редактор городской газеты “Голос Экибастуза” П. И. Оноприенко. Когда-то он, ещё до меня, работал в железинской райгазете “Ленинское знамя”, потом — в “Звезде Прииртышья” — сборком в Экибастузе. Потом решено было создать там, в дополнение к существующей районной, свою городскую газету. Оноприенко стал её первым редактором, а поскольку газету называли “Заветы Ильича”, журналисты тут же окрестили её меж собой “Заветами Павла Ильича”.

Оноприенко — авторитетный журналист. Наша областная журналистская организация выдвигала его кандидатом в депутаты, но он не прошёл на республиканском пленуме... И вот теперь идёт от территориального округа. Думаю, что при всех его достоинствах шансов у него немного — ещё и потому, что обком поставлена негласная задача провести в депутаты рабочего-угольщика из того же Экибастуза — В. Ж. Мукишева. Мотив: в первом туре от территориальных округов почти не избрано представителей пролетариата. А они должны быть в обновлённом главном законодательном органе страны.

18 апреля

ЦК Компартии Казахстана рассмотрел вопрос об укреплении социалистической законности и правопорядка в республике. В опубликованном у нас информационном сообщении КазТАГ говорится: “Слабо используется сила закона в отношении пьяниц, наркоманов, тунеядцев, а также лиц, устраивающих несанкционированные сборища, ведущих пропаганду, направленную на подрыв социалистического строя, и сеющих национальную рознь”.

Выходит, все они как бы в одной компании?

В этом же номере перепечатываем передовую из “Казахстанской правды” “Отстоять демократию и гласность поможет наведение дисциплины и правопорядка”. Её жёсткий тон продиктован недавним Указом Президиума Верховного Совета СССР и обсуждением вопроса в ЦК Компартии Казахстана. Стало быть, надо ждать закручивания гаек и на местах.

На окружном предвыборном собрании в Павлодаре всех своих шестерых соперников обошёл главный хирург области С. Н. Ткаченко, набравший 65,5 процента голосов всех выборщиков (496 человек из Павлодара, Павлодарского, Качирского, Успенского районов). Его и представили к регистрации. Тут, помимо прочего, сказалось, наверное, традиционно уважительное отношение людей к профессии врача. Да и сам Ткаченко хорош: представительная внешность, немногословен, много лет проработал в области.

20 апреля

Опять на повестке дня “неформалы”, будь они неладны. Меня снова пригласили в обком и передали поручение “самого”: подготовить материал, в котором назвать их всех поимённо, дать каждому характеристику, подчеркнуть, что они занимаются не экологией и изучением общественного мнения, а будоражат его, навязывая людям своё собственное. Поскольку на работе с них никто ни за что не спрашивает, надо открыть людям глаза на “неформалов”, а уж обком партии позаботится о том, чтобы после появления статьи дали надлежащую оценку каждому из них. И нечего церемониться с этой группкой крикунов и демагогов, её надо нейтрализовать уже сейчас, не дожидаясь, когда она перейдёт к откровенно деструктивным действиям...

Я завёл песню про то, что сегодня нельзя действовать так, будто не было четырёх лет перестройки, что никто враз не изменит своего мнения о “неформалах”, что нельзя их давить...

Мне говорили в ответ, что есть линия обкома, и газете, чьим органом она является, давно пора проявить себя...

Тягучий полуторачасовой разговор ни к чему не привёл: я никого ни в чём не убедил. Я сидел и думал: что же это за мутант такой — парташарат, каким воздухом дышат эти люди? Неужели не видят, что происходит в стране?

А мне говорили: “Вы что, хотите сказать — в редакции нет коммунистов, способных провести линию обкома?”

Ответил: будем думать — в надежде выиграть время...

Хотя чего там думать? Как я могу заставлять кого-то делать то, чего никогда не хотел бы делать сам? Или в этом и состоит высокая миссия руководителя, о которой мне говорили в обкоме?

Ситуация — хреновейшая. Хуже нет, когда приходится выбирать не между “хорошо” и “плохо”, а между “плохо” и “очень плохо”, когда одно хуже другого. Отказаться? Тогда надо и с работы уходить... Кому от этого будет лучше? Конторе, в которой я больше десяти лет проработал? Мне? Добиться ещё одной встречи с “Первым”? Но его позиция мне хорошо известна, к тому же разговор со мной в обкоме вёлся по его поручению...

Откуда брать силы, чтобы отстоять своё право не на борьбу даже (она заведомо невозможна), а хотя бы на здравый смысл? На него только — не более...

Продолжение в следующем номере.

Татьяна КОТИ

“Наступило время возрождения...”

Образ вдохновения

И бездна открывается времён...
 Лишь слово не источит червь забвенья,
 Оно останется как образ вдохновенья,
 Душа вернётся к Богу на поклон
 И станет ждать бесстрастного решенья,
 А слово будет жить — души творенье,
 Пылающее собственным огнём.

Стихи и стихия

Стихи и стихия —
 Вы суть одно.
 Одно дыхание вам дано,
 Одно дыхание —
 Жизнь одна,

Татьяна Юрьевна КОТИ

— поэт, переводчик, педагог, член Союза писателей России и Совета по детской книге России (РВВУ). Лауреат премии им. Л.Н. Толстого за вклад в развитие литературы для детей (2002 г.), награждена медалью Академии российской словесности “Ревнителю просвещения”.

участвует в создании новых учебных комплексов для учащихся начальной школы и разрабатывает новые методики по обучению чтению на английском и русском языках для издательства “Просвещение” (“Волшебная сила слов” и др. пособия).

Татьяна Коти является автором множества лирических стихов. Особенно популярны её

Т. Коти пишет стихи на русском и английском языках, как для взрослых, так и для детей. Первая книга “Азбука в стихах с прописями” вышла в издательстве “Ягуар” в 1995 году. К настоящему времени опубликовано более 140 изданий её произведений общим тиражом около 3 млн. экз. в издательствах “Ягуар”, “Олма-пресс”, “Росмэн”, “Махаон”, “Ридерз Дайджест”, “Академия развития”, “Омега”, “Линг”, “Просвещение” и других. Некоторые её книги переведены на украинский язык.

Как писатель и педагог, Т. Коти

сборники “Дыхание любви” и “Вкус жизни”. Некоторые её стихи положены на музыку.

Т. Коти занимается также переводами современной английской и американской поэзии на русский язык. Большое внимание уделяет пропаганде русской книги, представляя Россию на международных конгрессах в разных странах: Бельгии, Швейцарии, Испании и т. д.

В начале октября 2006 года Татьяна Коти в составе группы московских писателей побывала в Астане.

Неуловимая,
 Как волна.
 Вас, вольных духом,
 Нельзя поймать,
 Ни запереть,
 Ни заковать.
 А можно только
 В дом не пустить
 И не любить,
 Не любить, не любить...

О чём, поэты, вы должны молчать,
 Какие тайны вас вели к дуэли?
 За те высоты, что достичь сумели,
 Преломлено перо, и на устах печать.

Записная книжка неба

Записная книжка неба.
 Запечатаны скрижали.
 Летописец — ангел белый —
 Пишет то, о чём молчали.

Наши мысли и тревоги,
 Тайной страсти искушенье,
 И не пройденной дороги
 Непрерывное круженье.

Русской женщине

Белые руки твои — как снега осиянной России,
 Нежность, как волны спокойной и вольной реки.
 Матушка Волга в глазах отражается синих,
 Ах, глубока та река, и печали её глубоки.

Золото кос ветер лёгкой рукою ласкает,
 Пылко целуя дыханье на свежих губах...
 Тайну твою только небо высокое знает,
 Тропка к тебе затерялась в бескрайних хлебах.

Ты, как Россия, открыта и непонятна,
 Годы проходят, не замедляя свой бег,
 Но всё в сиянии имя твоё — Ярославна,
 И не забыть тебя сердцу мужскому вовек.

Вот ты идёшь, — и походка, и стать королевы,
 Бремя забот лишь расправило плечи твои.
 Русская женщина, сильная духом и верой,
 Ты — восходящее солнце славянской земли!

Молитва о России

Наступило время возвращения.
Господи! Там дочь твоя стоит,
Полная надежды и смиренья,
Голову печальную клонит.
Господи! Там дочь твоя Россия...
Или ты и имя позабыл?
Вся душа, как чёрная пустыня,
Кто бы хоть слезинкой окропил.

Наступило время осмысленья.
Мы вернулись на круги своя.
В небесах — холодное свеченье,
В белом вихре русская земля.
Господи! Поёт и плачет ветер,
Господи! Звонят колокола...
Милая, накинь покров на плечи,
Чтоб беда лихая обошла.

Наступило время возрожденья.
Вешними лучами оживи!
Господи! За женское терпенье
Дай родимой капельку любви.
Пусть она, светла и величава,
Царственной лебедушкой плывёт
И в веках, оваянное славой,
Имя своё с гордостью несёт!

Восточный ветер

Восточный ветер не снимает шляпу,
Под юбку лезет, бёдра обдувая,
Не потому ли женщины теперь
Предпочитают брюки, а не юбки,
И равнодушны к странному бродяге?
О глупые! Они ещё не знают,
Что ветер игнорировать опасно,
Он отомстит неверным за измену,
Как женщине двуличной не приснится:
Одной надует в уши глупых мыслей,
Которые её низвергнут с трона,
Другой надует где-нибудь пониже,
И люди будут только удивляться,
Откуда дьяволёнок появился,
А третьей сердце гордое иссушит,
Запретной плотью соблазняя душу,
И выступят морщины на лице
Потрескавшейся чёрною пустыней.
Восточный ветер мстительный, коварный,
Его не стоит понапрасну злить.
Кокетничай, сердца волнуя платьем

И шёлком-облаком лова игривый ветер,
Сливайся с ним в цветочном аромате
И звонко смейся над невинной шуткой.
Восточный ветер — гость необычайный,
И потому я брюки не ношу.

2.

Восточный ветер, старый мой приятель,
Он появился в доме не случайно
И мне уж не придётся поскучать:
В окно глядеть на серые громады
Жемчужных крыльев облачного неба
И без причины горестно вздыхать,
Улавливать мелодию истома
В изгибе тела и мерцанье кожи
Прелестницы с картины Ренуара,
И чашку кофе пить без наслажденья,
Пытаясь угадать, что будет на десерт...
Восточный ветер — странный господин,
То бабочкой порхающий над розой,
То крови ускоряющий поток,
Внимающий лишь голосу природы —
Открытым чувствам плоти возбуждённой
И звёздным искрам встретившихся глаз.
Легко находит то, что потерялось,
И прячет то, что нечего искать.
А мысли путает искусно, словно нити,
И, как котёнок, ластится, играет,
Закручивая в пыль времён клубок.
Восточный ветер — ветер перемен,
Непостоянный, беспардонный, ловкий,
Игрок по сути — множество проблем
Приносит он, желанья исполняя,
И что ему простое развлечение —
Для большинства — надсада и мученье.
Но я вам по секрету так скажу:
Я с детства почему-то с ним дружу.

Цветы любви

Сердце, истомлённое разлукой,
По простору тела волны гонит,
Волны плачут, берег не находят,
И, обратно к сердцу возвращаясь,
Наполняют, бедное, печалью.
Где ты, аленький цветок весенний,
Тот, что радость сердцу возвращает...
Может, ветры буйные срывают
Лепестки твои по воле рока
И уносят их в пучину неба,
От бессонных глаз людских скрывая?

Я не знаю, где тебя искать мне,
Как уста насытить мёдом пенным,
И воскреснуть для любви заветной
Среди света жизни несказанной.

В суете печаль твою приемлю,
И не просишь — слёзы осушу.
Мы пришли как странники на землю,
А зачем? Кого теперь спрошу...

Знаю я, что вечное мгновенно,
Только ты не думай ни о чём,
Радость нашей встречи неизменна,
Потому и сердцу горячо.

Бабочкой весенний день порхает,
Стоит ли о прошлом горевать?
Может, время в нас и умирает,
Но любовь дарует благодать.

Это был улетающий день,
Когда пели души моей струны,
И плыла облаками сирень,
И месяц смеялся юный.

Я коснулась тебя рукой,
И сказала, вздохнув при этом:
Я навеки останусь такой,
Вечно юной мечтой поэта.

Лёгкость тела, духов аромат...
Я сквозь годы всё помню тот запах:
Облетающий вишневый сад
И скамейку на львиных лапах.

Впереди ещё столько лет...
Жизнь казалась мне бесконечной.
Разве мы изменились? Нет!
Мы всё те же, как в первый вечер.

О женственность души!
Стремление к отдаче —
Всю душу отдаю
И не могу иначе.

О жертвенность души!
Причастие бессмертья —
У бездны на краю
Она прошепчет: верьте!

Когда придумаешь любовь —
Наступит время для соблазна,
И в день блистательный и праздный
Не избежишь безумья вновь.

Как будто новое рожденье
Переживёт душа и плоть,
И дар чудесный наслажденья
Сумеет страх перебороть.

Привычный мир вдруг покачнётся,
И, ирреальности полна,
Другая жизнь тебя коснётся,
Лишняя памяти и сна.

Пылают губы, кровь ликует,
Забыто всё, что есть покой.
И только сердце всё тоскует
И птицей бьётся под рукой.

Стыда коснёшься, не ресниц благоуханных,
И вдруг подумаешь, что есть на свете Бог.
Среди тоской пронзённых слов обманных
Не соберёшь упавших с неба крох

И не узнаешь, что есть мир подлунный
Совсем другой, и ясный, и простой.
Но мы не властны...Мой скиталец юный,
Не обольщайся жизнью, как игрой.

Мелочи жизни

Мелочи жизни спасают меня,
Мелочи жизни простые:
Чашечка кофе, цветочек огня,
Пряди волос завитые,

Запах духов и улыбки детей,
Книги родные страницы,
Солнечный день, ожиданье гостей,
Ваши прекрасные лица,

Всё, что мне дорого, всё, чем живу,
Всё, что меня окружает,
Словно пленительный сон наяву —
Жизнь для меня украшает.

Этому чуду и радуюсь я,
Грусть, как дожди, принимая,
Не потому ли так ждёт их земля,
Рай без конца возрождая?

Женское тело — гитара,
Спой же мне песню любви.
Мир, как мелодия, старый,
Сети раскинул свои.

В этих сетях оказаться
Каждый мечтает, мой друг,
Радовать сердце, влюбляться,
Всё забывая вокруг.

И в аромате истомы,
В царстве чарующих нот

Всё забывается — кто мы,
Где наша пристань и плот.

В райском ли яблоке сила,
Древо ли жизни в цвету...
Ева глаза всем открыла,
Сердцем познав красоту.

Женское тело — гитара,
Спой же мне песню любви.
Мир, как мелодия, старый,
Сети раскинул свои.

Алгоритм будущего

Один из разделов Послания Президента страны Нурсултана Назарбаева “Новый Казахстан в новом мире” определяет задачи государственной политики, направленной на обеспечение международных стандартов образования и профессиональной переподготовки, соответствующих динамике и перспективам развития рынка труда. В их числе глава государства считает необходимым ввести в учебные планы дополнительные часы или предметы по естественным наукам, в первую очередь математике и информатике.

Это позволит не только улучшить ситуацию с преподаванием данных дисциплин, но и наверняка окажет позитивное воздействие на развитие математической науки в целом, которая в этом нуждается.

О состоянии и проблемах математического образования и науки на современном этапе рассказывает видный казахстанский учёный, профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва, доктор физико-математических наук Нурлан Темиргалиевич Темиргалиев, кстати, недавно отметивший свой 60-летний юбилей.

— Видимо, уместно будет начать нашу беседу с экскурса становления математической казахстанской школы.

— XX век можно определить как век вовлечения Казахстана в мировой математический процесс. На самом деле, имя математику, громкое или не очень, делают только его результаты. Если собрать в едином издании значимые результаты научных школ уже занявших своё место в истории математики нашей республики, то это было бы неоспоримым доказательством того, что Казахстан занял определённое место в мировой математике.

Неоценимый вклад в развитие математической науки Казахстана внесли А. Д. Тайманов, К. П. Персидский, Т. И. Аманов, О. А. Жаутыков, Е. И. Ким, Б. М. Уразбаев, Д. У. Умбетжанов, сегодня плодотворно работающие У. М. Султангазин, А. Т. Лукьянов, В. М. Амербаев, Н. К. Блиев, К. А. Касымов, М. Отелбаев, Т. Ш. Кальменов, А. А. Женсыкбаев, Ш. Смагулов и С. Айсагалиев, представители казахстанской школы математической логики во главе с М. Г. Перетяжкиным и карагандинской школы математиков. Достоинно представляют казахстанскую математику в различных странах А. Джумадильдаев, У. Умирбаев и А. Меирманов. Следует назвать научные группы С. Темирбулатова и М. Рахимбердиева, математиков со своими направлениями — С. Оспанова и т. д.

— Есть ли сегодня обобщающая работа, в которой суммируются значимые достижения математиков Казахстана?

— Такая работа должна быть выполнена в соответствии с идеей опубликования в едином издании всех значимых достижений школ, групп, отдельных математиков Казахстана (каковых у каждого математика не так уж и много). Подавляющее большинство математиков многие годы, а иногда и десятилетия, тратит на развитие одного математического сюжета, создание некоей теории или решение какой-то

отдельной задачи. Нередко на это уходит вся жизнь — многие математики “специализируются” лишь в одной какой-то области. Самые крупные меняют темы своих занятий два, три раза. Величайшие, как Гильберт, чуть больше (у Гильберта было восемь “сюжетов”). Обзор следует начать с 1935 года, когда в одном из ведущих математических изданий СССР — журнале “Математический сборник” была опубликована статья Ибатуллы Акбергенова — первая полновесная научная математическая работа казахского математика.

Очевидно, обзор достижений должен быть и замкнутым в себе с необходимыми определениями, постановками задач и комментариями к ним, и открытым в международную математику — с иллюстрацией важнейших достижений в данной тематике, там же, где это возможно, показом респектабельности “родословной” отдельных задач и теорем, сопровождаемом историческим образом, и на всём этом фоне — значимые, по мере возможности ясные, узловые или носящие иллюстративный характер, собственные результаты. Вместе с тем такой обзор, при всей его необходимости, не был бы полным, если бы он не был обращён на перспективу — с формулировкой задач и возможных подходов к ним.

Таким образом, собранные в одном месте, такие обзоры имели бы несомненный исторический интерес, они также необходимы для настоящего и дальнейшего будущего — позволят оценивать современное состояние и перспективу математических исследований, выявить актуальные, по крайней мере, для обеспечения качественного преподавания в университетах, разделы математической науки, также могут использоваться при формировании специализированных советов по защите диссертаций, экспертных советов и назначении экспертов по разным научным делам.

Благодаря наличию компьютерной техники, на подготовку всего издания потребуются столько времени, сколько на написание обзора достижений одной школы или группы. Так, в 1997 году за полтора месяца мною подготовлена и издана обзорная статья, в которой представлены исследования, выполненные мною и моими учениками по четырём направлениям современной математики, предложены различные задачи — от просто диссертабельных, до, надеюсь, хорошего международного уровня, для развития математики в г. Астане, регионе, в Республике Казахстан в целом.

В настоящее время готовится дополнение к упомянутой статье — обзор наиболее значимых результатов исследований за последние годы.

Все эти исследования выполнены в рамках московской математической школы, точнее, её школ теории функции и теории чисел, представленных моими учителями — выдающимися советскими и российскими математиками академиком РАН П. Л. Ульяновым — одним из самых тонких аналитиков современности и С. М. Ворониным, по поводу безвременной кончины которого было сказано “математика потеряла одного из самых ярких своих представителей послевоенного поколения”.

— *Математическому образованию в высшей школе Вы посвятили более тридцати лет. Ваш взгляд на сегодняшний день в преподавании математики?*

— Трудно ожидать, что человек, путающийся в основных понятиях науки, смог бы в ней сделать что-нибудь путное. Хотя, впрочем, единичные

примеры есть. Например, математический гений из Индии Рамануджан (1887—1920), который без базового образования достиг выдающихся успехов (правда, только после 1914 года, когда его пригласили в Англию). Так что, если только не считать себя современным Рамануджаном, то лучше сначала разобраться в основах своей науки и только потом приступить к ней самой.

В качестве воспитанника знаменитой московской математической школы убеждён в том, что сколь-нибудь значимые научные достижения возможны лишь на основе мощной подготовки по фундаментальным дисциплинам данной науки.

Много раз был свидетелем подтверждения этого, в общем-то неоспоримого тезиса, и на опыте других, и на — собственном. Остановлюсь на последнем.

Имея золотую медаль средней школы и диплом с отличием тогда единственного республиканского университета, кипы самостоятельно переработанной учебной и научной литературы, всё время чувствовал какую-то недостаточность в своих познаниях, какую-то зыбкость в своём понимании математических идей и методов, одним словом, чего-то не хватало, причём, как смутно осознавал, чего-то существенного.

Как я позже понял в Москве, всё оказалось так же просто, как, говоря словами скульптора, взять глыбу мрамора и отсечь всё лишнее. Оказалось, есть такое, в каком-то смысле даже иррациональное, понятие как “математическая зрелость”, охватывающее знание того, что и как читать, которое, быть может, сродни чувству понимания музыки или гармонии слога. Это я понял, когда, к моему счастью, мой научный руководитель, ныне академик РАН П. Л. Ульянов снова посадил меня на углублённое изучение дисциплин, по которым сдал на “отлично” вступительный экзамен в аспирантуру Математического института им. В. А. Стеклова АН СССР.

Много позже, основываясь на этих моих познаниях, другой выдающийся математик С. М. Воронин (1946—1997), мой друг и учитель, привлёк меня к новой тематике, одинаково далёкой от нас обоих, — критическому пересмотру математического метода, возникшего при выполнении программы “Манхэттен” по созданию американской атомной бомбы.

Первое осознание определённой уверенности в себе и причастности к великому математическому процессу пришло уже в аспирантуре, когда в длинном ряду обобщений классического результата, вошедшего во все учебники соответствующего профиля, удалось получить самое общее, тем самым поставить в ней точку, и когда была найдена ошибка в работе подававшего большие надежды трагически погибшего математика и дано правильное доказательство — это всё вошло в кандидатскую диссертацию, наряду с результатами дипломной работы.

Пережил и “звёздные мгновения”, когда решение проблемы, над которой работали математики многих стран, было подтверждено основоположником этой теории, что вошло в докторскую диссертацию, защищённую так же, как и кандидатская, в Математическом институте им. В. А. Стеклова тогда ещё существовавшей АН СССР.

Любая эпоха каждому вступающему в науку поколению преподносит вводные курсы, вбирающие в себя самые последние идеи и достижения,

которые надлежит дальше продолжить и пополнить. К таковым в нашей научной дисциплине относится математический анализ, систематический курс которого впервые создал великий Леонард Эйлер, а один из последних принадлежит патриарху математики академику С. М. Никольскому, в добром здравии и научном поиске недавно отметившему своё 103-летие.

Московская математическая школа дала мне возможность с полным пониманием всех заложенных в них научных и методических замыслов изучить практически все советские учебники и все переведённые на русский язык учебники зарубежных авторов по математическому анализу. Затем, используя весь этот накопленный опыт и свои методические решения, выстроить оригинальный курс математического анализа с одновременным формированием казахского математического языка.

Не могу не отметить своего удовлетворения тем фактом, что мой 18-летний труд “Математикалык анализ” на казахском языке в объёме 1120 страниц по результатам беспристрастного опроса библиотек, проведённого Ассоциацией вузов РК, из выделенных как пользующихся спросом 600 учебников был отмечен в числе трёх наиболее востребованных и удостоен серебряной медали А. Байтурсынова (золотая пока не отлита).

Пришлось обратиться и к школе — как без неё выстроить качественное математическое образование? По результатам конкурса МОН РК нами издан казахстанско-российский учебник “Алгебра и начала анализа” для X-XI классов на казахском и русском языках (российским соавтором является известный математик и выдающийся методист профессор МГУ М. К. Потапов).

Сначала в России, затем в Советском Союзе была создана лучшая в мире система образования, в основе которой лежит обучение фундаментальным знаниям.

Однако многие годы в Казахстане математические исследования проводились в основном в направлении дифференциальных уравнений — следующего уровня в естественном развитии математики, тогда как её базовые области — алгебра, геометрия и анализ (математический, действительный, функциональный и комплексный) не получили должного развития.

Для высшей школы Казахстана всё ещё остаётся актуальной организация качественного преподавания базовых и основных (дифференциальные уравнения, уравнения в частных производных, вычислительная математика, теория вероятностей и математическая статистика и т.д.) дисциплин.

При этом необходимо учесть, что наличие степеней и всевозможных званий и должностей не всегда означает понимание соответствующей отрасли науки в целом, которое необходимо как для преподавания в высшей школе, так и для научной работы.

Подтверждений этому, причём с нарастанием, более чем достаточно: возьмите на себя труд проанализировать конспекты лекций по базовой или основной дисциплине, прочитанной таким носителем отличий, или составленные программы, с вопросами, оценками и суждениями на различных научных мероприятиях (семинары, учёные и

диссертационные советы, всевозможные комиссии — экзаменационные, экспертные и т. п.).

Вроде бы, исходя из профессиональных соображений, да и с этических тоже, должно быть непреложным правило, что всё, предлагаемое кафедрой стране, должно быть, по крайней мере, не хуже того, что выработано на этой же кафедре. Однако, к сожалению для обучающихся, это не всегда соблюдается. Из университетской программы по математике полностью исключено содержание курса “Мера и интеграл Лебега”.

Университетская программа решает вполне определённую задачу: как наиболее полно и одновременно экономно представить фундаментальные знания, на основе которых производится вступление в науку?

Здесь вполне уместно привести опыт кафедры математического анализа ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва.

Мы формируем “Университетскую библиотеку по основам математики” (условное название), состоящую из учебников по дисциплинам: математический анализ; действительный анализ; функциональный анализ; комплексный анализ; теория вероятностей и математическая статистика на казахском, русском и английском языках.

По результатам конкурса Министерства образования и науки РК, разработанные в основном на кафедре математического анализа ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва госстандарты образования по специальности “Математика” с 4- и 5-летними сроками обучения изданы МОН РК и обязательны для всех вузов республики. Наш вариант госстандарта основывается на высоких требованиях мехмата МГУ, спроецированных на условия РК.

— *И в заключение несколько слов, пожалуйста, о математическом образовании в средней школе.*

— Начавшийся в позднее советское время кризис в школьном математическом образовании, последствия которого, говоря словами известного российского академика, губительнее костров инквизиции, не преодолен и в суверенном Казахстане.

Резюмируя нашу беседу, хотелось бы подчеркнуть, что естественный ход развития математического образования — понятное и полное в школе, фундаментальное в университете с переходом в исследования от выятных до значительных и международно значимых — заложен в Астане и требует понимания, поддержки и развития.

Математика должна занимать достойное место в системе образования нашей страны, именно практическое применение этой науки позволит республике выйти на передовые рубежи в инновационной деятельности, более успешно интегрироваться в мировую экономику. То есть, образно выражаясь, моделировать будущее, сформулировать его алгоритм. И то, что Президент в своём ежегодном Послании обратил внимание и на математику, вселяет оптимизм.

Вёл беседу Владимир КОЧЕНОВ.

Литературная жизнь России

Премия «Умное сердце»

В концертном зале Центрального Дома культуры железнодорожников (ЦДКЖ) на юбилейной научно-практической конференции, посвящённой 130-летию газеты «Московский железнодорожник», состоялось вручение международной литературной премии им. Андрея Платонова. Лауреатами 2007 года стали поэт В. Хатюшин, прозаик А. Поляков и журналист И. Павлова. На церемонии вручения премии присутствовали президент ОАО РЖД В. И. Якунин, начальник Московской железной дороги В. И. Старостенко, председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев и другие почётные гости.

Несколько лет назад газета «Московский железнодорожник» в содружестве с Союзом писателей России объявила литературный конкурс «Умное сердце», который со временем стал международным. Среди лауреатов прошлых лет не только наши соотечественники, но и белорусские, украинские, болгарские писатели.

Вручая платоновскую премию этого года, председатель СП России В. Н. Ганичев обратился к присутствующим на церемонии журналистам, писателям, железнодорожникам со следующими словами: «Магистраль призвана соединять экономическое пространство, духовное пространство. Через наши судьбы проходит меридиан железной дороги. Значимые люди — железнодорожники, особое сословие. В который раз ваша газета демонстрирует пристальное внимание к русскому слову. А это сегодня жизненно важно. Уметь писать созидательно, создать образ простого труженика — задачи сложные, гораздо сложнее, чем представить какую-нибудь шоу-певицу с её «забавной» биографией...».

Жюри конкурса много лет возглавляет известный русский писатель Владимир Крупин. Стало доброй традицией уважение тружеников железной дороги к мастерам художественного слова. Премия имени А. Платонова — яркое свидетельство подлинности этого факта.

Юбилей Михаила Ножкина

В Москве, в Колонном Зале Дома Союзов, состоялся юбилейный творческий вечер народного артиста России, лауреата Государственной премии и литературных премий имени А. Твардовского, С. Есенина и В. Розова — поэта Михаила Ножкина. Трудно поверить, но всенародно любимому Бекасу, чей иронично-светлый образ и песня «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок» глубоко запали в душу не одному поколению россиян, исполнилось 70 лет. Хотя, если начать плюсовать судьбы сыгранных Ножкиным героев, то ему должно быть уже далеко за триста — ведь длина его творческой жизни складывается из суммы жизней биофизика Станислава (фильм «Каждый вечер в 11»), подполковника Рощина («Хождение по мукам»), лейтенанта Ярцева («Освобождение»), инженера Яковлева («У озера»), майора Шатохина («Одинокое плавание»), князя Бориса Голицына («Юность Петра») и целого ряда других судеб, блистательно прожитых им в фильмах, театральных ролях и сочинённых песнях.

Поздравить любимого певца, поэта и артиста пришёл председатель Совета Федерации С. М. Миронов, представители Государственной Думы, члены Московского интеллектуально-делового клуба Н. И. Рыжкова, представители силовых структур и другие деятели государства. Свои телеграммы прислали Президент Российской Федерации В. В. Путин, губернаторы областей, руководители общественных организаций.

Поднявшись на сцену со словами поздравления Михаилу Ивановичу Ножкину, председатель СП России В. Н. Ганичев вручил ему в подарок сверкающий острый меч, благословив тем самым юбиляра на дальнейшие литературные подвиги во имя скорейшего возрождения нашей великой Матери-России и её духовного, культурного, идейного и политического освобождения от чуждых влияний.

Шагнул за океан Аршак Тер-Маркарьян

Перед студентами филологического отделения Бостонского университета выступил известный русский поэт Аршак Тер-Маркарьян, прочитавший им цикл лекций о современной русской литературе. Благодаря встрече с ним будущие американские словесники едва ли не впервые узнали, что русская литература — это не только Иосиф Бродский, Василий Аксёнов да Виктор Ерофеев, но ещё и (а точнее сказать — в первую очередь!) Михаил Шолохов, Владимир Солоухин, Валентин Распутин, Николай Рубцов, Михаил Алексеев, Станислав Куняев, Леонид Бородин, Николай Шпилов и целый ряд других — настоящих — русских писателей, книги которых помогают сегодняшней России сохранять свой национальный дух, свою культурную самобытность и живую душу.

Беседы о самом главном

Не совсем обычная творческая встреча состоялась в конференц-зале Международного сообщества писательских союзов, превращённом стараниями организаторов из места проведения официальных мероприятий в гостеприимную дружескую гостиную. Вечер, посвящённый книге Марины Перяесловой “О самом главном”, составленной из её бесед с так называемыми “пассионариями России” — т. е. людьми, активно работающими на подъём национального духа и укрепление интеллектуального, научного и культурного потенциала нашей Родины, представлял собой не традиционное обсуждение плюсов и минусов этой, уже успевшей обратить на себя внимание читателей и критики книги, а — встречу непосредственно с самими её героями. Продолжить начатую ранее беседу с автором и читателями пришли первый секретарь исполкома МСПС критик и шолоховед Феликс Феодосьевич Кузнецов, заместитель председателя исполкома МСПС поэт Владимир Бояринов, актриса и писательница Екатерина Маркова, прозаик и публицист Анатолий Салуцкий, поэт и издатель из г. Тулы Олег Пономарёв и другие герои книги Марины Перяесловой, а также те, кто представляет собой потенциальный резерв для её нового, расширенного издания — редактор “Исторической газеты” поэт Анатолий Парпара, прозаик, автор удивительно добрых и светлых книг для детей Светлана Вьюгина, консультант Союза писателей России по национальным литературам, человек широчайшей эрудиции Марьяна Васильевна Зубавина, возвратившийся из поездки в США поэт Аршак Тер-Маркарьян и многие другие. Как бы сотворяя на глазах присутствующих второй том представляемого издания, пришедшие на встречу говорили о том, что тревожит или радует их в бытии России и в их собственных судьбах сегодня, и что бы они хотели осуществить в ближайшее время.

Внося в ход состоявшейся беседы лирическую ноту, поэт Олег Пономарёв блистательно исполнил для собравшихся несколько своих песен. И тоже — о самом главном.

Недостойный выпад против азбуки

Институт русского языка им. В. В. Виноградова напечатал в издательстве “Эксмо” тиражом 5000 экз. **“Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник”** (ПРОП.ПАС), исхитрившись перед этим в обход Межведомственной комиссии по русскому языку одобрить эти Правила Орфографической комиссией Российской академии наук.

Руководство Института и авторы ПРОП.ПАСа позабыли заглянуть в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”, в котором пунктом 3 статьи 1 порядок утверждения норм современного русского языка, правил русской орфографии и пунктуации возложен на правительство Российской Федерации. Что же касается широкого общественного мнения, то его взяли на измор, а проще говоря, на его мнение начхали и наплевали. В результате родился некий уродец-инвалид.

И всё начинается с самых первых страниц. В аннотации и на последней полосе переплёта написано, что ПРОП.ПАС предназначен для **самого широкого круга читателей**, хотя, по моему мнению, поскольку это справочник, лучше было бы сказать: **пользователей**. Что же такое

самый широкий круг пользователей справочника подобного рода? Им может быть и любознательный ученик 3-4 класса и иностранец, изучающий русский язык как в России, так и в любой стране мира. То есть это пособие для **абсолютно всех**, осваивающих нелёгкий русский язык от мала до велика как носителей этого родного языка, так и изучающих его как иностранный. А вот уже во Введении читаем: “**Русский алфавит** (набор букв, расположенных в условном, но строго определённом порядке) состоит из 33 букв, каждая из которых существует в двух вариантах: (большая, заглавная) и строчная (малая)”.

Спрашивается, а кому это адресованы низкие слова в скобках, разжёвывающие да ещё и с ошибкой в слове “определённом”, что — суть **русский алфавит**, сиречь азбука наша. Только **миллионам тех**, кто считает **азбуку** в жизни русского народа **сакральным явлением** и сделано это, **чтобы Их уязвить**. По законам же формальной логики слова эти совершенно излишни, поскольку банальны и известны любому обучаемому грамоте землянину с 4-6 лет. И тут же пользователь-ребёнок или неискушённый эфиоп разинут рты от изумления: это почему же надстрочный знак в слове “строчная” есть, а вот в “определённом” авторы — все-то они остепенённые учёные, оставили законную букву **Ёё** без её прекрасных точек, изуродовав словосочетание “в строго **определённом** порядке”? Чуюток забегая вперёд, скажу, что эти учёные обеззёшили (лишили **Ёё**) с десятков слов даже там, где сами вроде бы хотели, а по законам их же жанра были должны её оставить, а именно в “Указателе слов к разделу “Орфография” таких, например, как *щелочка, легочный, Трехгорная, ни черту кочерга, сорокаведерный* и т. д.

Но ещё чуднее увидеть на следующей, 12 стр., таблицу с алфавитом, в которой две абсолютно разные и самостоятельные буквы втиснуты в одну клетку: **Ее, Её**. Да, да, именно так!: **Ее, Её**!?! Почему-то вместо большой, заглавной **Ё** изображена **Е**. И Институт настаивает на такой подаче: **Её**? с 2003 года, когда это чудо-юдо появилось и было подвергнуто критике, но вотще. Позже Оно повторилось в других трудах Института, например, в “Русском толковом словаре” супругов Лопатиных в 2004 году и было снова осуждено. И снова в ответ тебе презрительная ухмылочка: “чё ты всё лезишь-то, а кто ты такой?”. Презрительное отношение к оппоненту, увы, дурной знак, и к поиску Истины не ведёт, а лишь плодит ошибку за ошибкой и подрывает престиж Института и авторитет его руководителя члена-корреспондента РАН А. М. Молдована.

В Таблице **вопреки правде и научной истине** 32 клетки, а не 33, как во всех солидных орфографических и толковых словарях русского языка, например: под редакциями С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова; Н. В. Соловьёва; С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; С. А. Кузнецова и ещё во многих других. В сноске 1 к букве **Её** (вглядитесь, пожалуйста, читатель, и снова изумитесь её гибридизации: не **Ёё**, а **Её**) читаем:

*Алфавит из 33 букв (с последовательным употреблением буквы ё) используется только в текстах **особого** назначения. В **обычном** (выд. мною. — В. Ч.) письме буква ё употребляется выборочно.*

Здесь позвольте спросить, видимо, живущих в башне из слоновой кости авторов и редакторов ПРОП.ПАСа: а что текстами **особого назначения** являются издающиеся с последовательным употреблением буквы **ё** тысячи и тысячи названий газет, журналов, книг? И допустимо ли текстами

особого назначения считать прижизненные творения А. С. Пушкина, М. Е. Щедрина, Д. С. Лихачёва или, скажем, “Литературную газету” и журнал “Народное образование”? Что уж говорить, лукавят создатели насквозь дефектного Справочника, рассчитывают на простачков среди своих читателей-пользователей.

И ещё одно замечание по поводу выделенного курсивом абзаца. Снова утверждается идея, что кроме русского алфавита из 33 букв имеется иной еськовский алфавит из 32 букв (еськовский — по имени к.ф.н. Н. А. Еськовой, выступившей с идеей азбуки без **Ёё** в 1999 г.). Разумеется, такой алфавит, поскольку буква **Ёё** содержится в более чем 12 500 словах, в более чем 2500 фамилиях, в свыше 1000 имён граждан России и бывшего СССР, в тысячах географических названий России и бывшего СССР, в тысячах имён и фамилий граждан зарубежных государств — абсолютно невыносим, а замена **Ёё** на совершенно другую букву **Ее** ведёт к искажению смысла текста или нарушает идентификацию личности или географического названия.

Когда же объясняешь руководителям Института, а некоторые из них до сих пор пишут лишь ручкой, что радикальная, особенно в последние 10 лет, компьютеризация печати привела к необходимости рекомендовать всем пишущим-печатающим-издающим употреблять **законную букву ё** во всех своих творениях, то обычно слышишь в ответ что-то вроде: “В демократическом мире осудят нас за **обязательное** введение **Ёё** в русскую письменность”. И при этом сами же употребляют частицу только (см. в цитате выше. — **В. Ч.**) в значении *единственно, исключительно*, то есть для усиления, подчёркивания, что **вот только так нужно — и не иначе**. Например: “Я отпускаю тебя погулять только до девяти!” (и попробуй перегулять!).

В сумме на стр. 12-13 одиннадцать!! ошибок (*твёрдый, твёрдость-мягкость, во всем и др.*) И это в то время, когда в таблице сами же авторы печатают: **твёрдый знак**. Чем объяснить сей парадокс: ленью, нерадением или презрением к пользователям-иностранцам и русскоязычным детям?

Абсолютно излишним, и отцы-создатели ПРОП.ПАСа это тут же показывают, смотрится вывод на авансцену литеры совсем не из нашей азбуки — **j**: “*Общие правила употребления букв определяют передачу на письме парных твёрдых и мягких согласных, а также звука [j] (“йот”)*”.

Речь здесь идёт о буквах **я, ю, ё, е** — о хорошо с детства всем известных **йотированных гласных** — этот термин у нас используются уже в первом классе и эквивоки-заигрывания с латинско-американо-английским **j-отом** это не что иное, как вода на мельницу ультрареволюционеров, с конца XIX века мечтающих уничтожить кириллицу и ввести вместо неё для русского языка латинский шрифт.

Читаем без возражений в § 4. Буква **ё** употребляется: <...> напр.: *ребёнок, гвоздём, лёгкий, осёл, потёртый, растёт; гёрлс, ликёр, Гёте, Гёттеборг, Хёглунд; киоскёр, паникёр; ткёшь, ткём; трёхгодичный, тёмно-красный*; в начале слова и после гласных, напр.: *ёлка, ёж, заём, буёк, остриё*; после согласных; в этом случае перед буквой **ё** пишутся разделительные знаки **ь** или **ъ**, напр.: *пьёт, съёмный, житьё-бытьё*.

Галиматя же выпирает в § 5 (Ах, уж этот ныне почти забытый пятый пункт!), читаем: *Употребление буквы ё может быть последовательным и выборочным. // Последовательное употребление буквы ё обязательно в*

следующих разновидностях печатных текстов: // а) в текстах с последовательно поставленными знаками ударения (см. § 116); // б) в книгах, адресованных детям младшего возраста; // в) в учебных текстах для школьников младших классов и иностранцев, изучающих русский язык.

Оставив на совести учёных травмирование детей младшего возраста обезьяшенными книжками, которых ныне пруд пруди, обратим внимание на то, буква **ё** ими — недругами детей — разрешена лишь и только по четвёртый класс, а дальше — трава не расти. Побывали бы авторы ПРОП.ПАСа хотя бы в школах Москвы, не говоря уж о Северном Кавказе, Казани или Уфе, да посмотрели на обучаемых там на русском детей, подростков, юношей и девушек. В некоторых классах по 60-70 % иностранцев или россиян не носителей русского языка и всех их нужно вывести в русскоязычные люди, а отсутствие **ё** в учебниках — это одно из препятствий и создавать его умышленно могут лишь **враги России или недотёпы**.

Что же до § 116, то здесь ловко упрятана ещё одна диверсия против буквы **ё** и русского языка. Следует читать: *последовательное употребление буквы ё принято в заголовочных словах лингвистических и большинства?* энциклопедических словарей... И только лишь в заголовочных словах? И что же Большая Российская энциклопедия после такого послабления имеет право выйти без **ё** во всех толкованиях? Как это сделано у супругов Лопатиных?

Оскоплённый дубликат или негодная альтернатива “Толкового словаря русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой под названием “Русский толковый словарь” (РТС), М., “Эксмо”, 2004, 928 с., авторы В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина, зачем-то увидел свет. Кстати, в Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеется отдельный словник на букву **Ёё**. К сожалению, в отличие от академика Н. Ю. Шведовой и её творческого коллектива авторы РТС слишком далеки от происходящего в русской лексикографии. Ошибки переполняют отдельные страницы и островами рассеяны по всей книге. Приведу лишь один пример.

Словник, куда вошли слова, начинающиеся на **Ё**, озаглавлен лишь одной литерой **Е**. Следуя этой патологии так же оформлен словник и в лопатинском “Русском орфографическом словаре”. Про **Ё**, как и про батарею Тушина, было забыто (*В пьлу Бородинской битвы*). Так вот, в этом словнике пытливым читателем с изумлением видит:

Её — Принадлежащий ей. **Ее** книга.

Ёж — Небольшой зверек...

Ёжик, ... 1. См. *еж* 2. Мужская прическа... Стричься **ежиком**.

Ёлка,... *Побывать на елке... Елочные игрушки, украшения.*

Ёмкий; ... *Емкая формулировка...*

Ёмкость, ... 1. См. **Емкий**.

Ёрш, ... 2. **Щетка** для чистки бутылок.

И не приведи Господи, если создатели энциклопедий, энциклопедических словарей и справочников, например, улиц Москвы и Петербурга последуют этому безумному совету и примеру профессора и лидера коллектива. Становится не по себе, ведь господин В. В. Лопатин облечён определёнными серьёзными полномочиями и, в принципе, ссылаясь на него, как на административное Светило в русской орфографии, пойдёт разгул порчи справочников, энциклопедий и тому подобных книг. И хочется, чтобы как можно скорее русским народом было

осознано, что господин Лопатин не только никакое не светило, а злейший враг русской книжности.

Вернувшись на стр. 20, читаем: *В обычных печатных текстах буква ё употребляется выборочно. Рекомендуется употреблять ЕЕ в следующих случаях.*

О-хо-хо... Знали бы наивные родители ПРОП.ПАСа как работают в редакциях. **ЕЁ** или не печатают абсолютно ни в одном слове, или, используя имеющиеся компьютерные программы ёфикации и добросовестных корректоров, печатают во всех словах, в которых она — ё, есть, например, в орфографическом словаре того же В.В. Лопатина, М., 2005. Выбирать же и анализировать, вникать в контекст?.. Про это ныне почитай везде забыто. Хуже того. В ряде редакций на вёрстке стоит, основанная на идее еськовского алфавита программа-уничтожитель ёшек, и они — точки над **Ёё**, слетают с *Конёнкова, Неёловой, Вёшенской, сёрфинга, осуждённого, новождённого, Шрёдера* и мало ли ещё с кого-чего.

Слабое слово “рекомендуется”, а тем более исходящее от страдающих ёфобией создателей ПРОП.ПАСа, никого из противников ёфикации не подвигнет ринуться исправлять ошибки в антропонимах и топонимах, которых море разлитое по всей России, и останутся в документах горемычные ФЕдоры, СемЕны, АлЕны, ФЕклы, СоловьЕвы с ВоробьЕвыми да ШЕпелевыми, вместо Шепелёвых, или ЧухрАевы, вместо Чухраёвых. И продолжат изумлённые путники созерцать на дорожных указателях варианты ПРОП.ПАСовой орфографии: “Орёл — на Щёлково”, “Щёлково — на Орел” (п. 3, с. 21).

А далее опять, слава Богу, идёт текст за здравие буквы ё.

§ 18. После **ж, ч, ш, щ** для передачи ударного гласного **о** пишется буква **о** или **ё**.

§ 19. Во всех остальных случаях для передачи ударного гласного **о** после **ж, ч, ш, щ** пишется буква **ё**.

И россыпь (184 слова с ё) примеров на четырёх страницах: *учёба, Хрущёв, Емельян Пугачёв, учёт, лжёшь, печём, размежёванный, лущёвка, тренажёр, жжёнка, прочёл, чёлн, чёрный, бечёвка, кошёлка, щёголь, ещё, жён-премьер, Шёнберг*.

И позвольте на этой оптимистической ноте закончить цитирование рецензируемой книги.

Уважаемые читатели-пользователи ПРОП.ПАСа, неуклонно следуйте только указаниям **§§ 4, 18 и 19** этого Справочника и всегда пишите и печатайте букву **Ёё**, потому что вместо ё печатать **е** — ошибка!

И это осознано десятками миллионов граждан России и позвольте привести лишь одно свидетельство.

В Москве, в Свято-Даниловом монастыре и в Троице-Сергиевой лавре 15-16 мая 2006 года под эгидой Общественной палаты Российской Федерации прошла Всероссийская конференция “Слово и образ — основа отечественной культуры”. Председателем конференции был управляющий делами Московской Патриархии Митрополит Калужский и Боровский Климент. В Троице-Сергиевой лавре заседания вёл ректор Духовной академии митрополит Евгений.

В материалах конференции, в частности, сказано:

“Мы считаем, что настало время решительно потребовать неперменного употребления буквы Ё на письме и в печати в системе образования,

науки, культуры, в официальных документах Федерального собрания Российской Федерации, Министерства внутренних дел, других министерств и ведомств и в издании всей печатной продукции России.

Для этого необходимо:

Институту русского языка им. В. В. Виноградова РАН подготовить соответствующий раздел Свода правил русского правописания, устанавливающий равноправное с другими буквами алфавита обязательное применение на письме и в печати буквы **Ё** и представить его в Совет по русскому языку при правительстве Российской Федерации для утверждения.

Призываем издателей книг и другой печатной продукции, редакторов, писателей и журналистов вводить в практику своей работы регулярное использование буквы **Ё**, следуя примеру тех, кто уже ввёл в своей печатной продукции обязательное применение литеры **Ё**.

Призываем всех учителей школ, гимназий, лицеев и иных учебных заведений начального и среднего образования, преподавателей вузов, родителей и всех, говорящих и читающих на русском языке, поддержать наше предложение о необходимости употребления буквы **Ё** во всей печатной продукции Российской Федерации”.

Здесь же напечатано **Обращение ко всем взрослым гражданам России** учеников “Материнской школы” (ГОУ 1835):

Защитите букву “Ё”, обязательно ставьте ей точки, верните букве её личное **имя и место в словарях**. Мы верим в то, что вы — взрослые граждане России обязательно прислушаетесь к нашей просьбе и выполните её (так в *Обращении!* — **В. Ч.**).

Все эти материалы ещё в мае 2006 года были переданы директору Института русского языка им. В. В. Виноградова. Однако, смеем предположить, что в священной войне с двумя точками превалируют амбиции или жёсткая скованность в связи с требованиями заказчика, а научная репутация Института и большинства его ни в чём не повинных работников пущены на ветер. И хочешь — не хочешь, а обязан напомнить руководству Института и всем его сотрудникам, что наш государственный — русский язык (его речь и графическое оформление) — является одним из наиважнейших приоритетов Державы. Защита русского языка — это не терпящий никаких компромиссов политический вопрос.

Графика русского языка — кириллица.

В русском алфавите 33 буквы, а буква Ёё в нём занимает седьмую позицию.

История России свидетельствует, что вопросами реформ орфографии занимались первые лица государства. Пётр I в 1708-1710 гг.; по поручению Николая II вел. кн. Константин в 1904-1914 гг.; по заданию кн. Г. Е. Львова А. А. Мануйлов в мае 1917 г.; по поручению В. И. Ленина Я. М. Свердлов в декабре 1917 и в 1918 г.; И. В. Сталин в 30-40-е годы.

Вопрос: печатать или не печатать букву **Ёё**, вводить или не вводить её в документооборот государства, в его законодательные акты, в печать, школу, средства массовой информации и т. п. — должно быть безальтернативным требованием соблюдения дисциплины и порядка в государстве. Да! И только так! Вводить букву **Ёё** и печатать — обязательно!

Это вопрос юридической чёткости и однозначности написанного, прочитанного и понятого.

Это проявление уважения к человеку любой национальности, носителю или не носителю русского языка, получающему документы государственного образца или читающему текст на русском языке.

Это вопрос защиты прав человека.

Государственный документ, как и документ, выданный государственным органом гражданину, изданный с последовательным употреблением буквы **ё**, орфографически безупречен и с этой точки зрения его критика невозможна. В противном случае документ становится объектом критики и насмешек, от которых нет защиты, потому что налицо **факт**, что **вместо седьмой буквы азбуки ё** напечатана совсем другая — **шестая буква** — **е**. К тому же часто искажается смысл (семантика) написанного.

И проинформируем, как видно, плохо осведомлённых сотрудников Института русского языка им. В. В. Виноградова, что в учреждениях Российской Федерации системы кодировки подобны, например, задействованной в Сбербанке России, который в своей Системе автоматизированного обслуживания “Телекард” даёт Таблицу кодировки символов контрольной информации. В ней, конечно же, 33 буквы. Написано чётко: “*каждой букве соответствует её порядковый номер в русском алфавите, например, букве **А** соответствует цифра **1**, **Ё** — **7**, **Й** — **11**, **Я** — **33...**”.

Иначе ведь невозможно однозначно идентифицировать граждан России: Алёнина, Ёрохова, Ёргольского, Йордана, Юрчёнкова, Ячменёва и многих других. Аналогичные системы задействованы также во всех крупных библиотеках России.

... Тем временем, в начале декабря 2006 года в Перми открыт уже третий в России памятный знак букве **ё** и злободневный лозунг Союза ёфикаторов ныне таков:

Вместо **ё** печатать **е** — это гораздо хуже, чем преступление, это — ошибка!

Виктор ЧУМАКОВ,
*редактор журнала “Народное образование”,
член Межведомственной комиссии по русскому языку.*

P. S. Подборка этих материалов поступила в “Ниву” от пресс-службы Союза писателей России.

Владимир ШЕСТЕРИКОВ

Казахский батыр, защищавший Пушкина

Отчизне внемлет призыванье...

На фотографии обыкновенный аульный паренёк с надвинутой на голову кепкой тех времён, чуть припухшими губами меньше всего похож на казахских батыров, каких мы привыкли видеть на картинках — с огненным взглядом, могучим телосложением, этакими богатырей, могущих одним ударом меча рассечь недруга надвое.

На фронт Мубарак попал в каких-нибудь шестнадцать мальчишеских лет: в свидетельстве о рождении аульный писарь ошибочно поставил дату рождения 1923 год вместо 25-го.

Его, студента Петропавловского педтехникума, отличника учёбы, вместе с другими призывниками увозят в Семипалатинск с направлением на Дальний Восток. А присущий Мубарак комсомольский задор (парень и в ауле был активистом) заставил его обратиться к областному военному комиссару и выразить желание ехать в действующую армию с таким юношеским пылом, что выдавший виды облвоенком, поняв душевный настрой паренька, одобрительно махнул рукой и, как по мановению волшебной палочки, восточное направление сменилось на западное. “Ты прав, сынок”, — потечески сказал с красными от бессонницы глазами уже немолодой офицер с нашивками на рукаве гимнастёрки: “Ты там сейчас нужнее”.

Аул Караагаш (ныне Есильского района), названный так в народе за бескрайние густые берёзовые леса, издали казавшиеся чёрными, ещё раз проводил рыданиями и причитаниями совсем ещё юного джигита теперь уже в другую сторону, где грохотал гром войны.

А здесь, на восточной стороне, над аулом тоже плыли тяжёлые тучи священной войны, спустя годы отразившиеся в строчках младшего брата Мубарака — Муталлапа, который, когда грохотала война, ребёнком бежал провожать его с громким плачем за околицу, а потом прижался и никак не мог оторваться от жёсткого борта серой шинели. А спустя много лет запечатлел в поэтических строчках суровую картину аула военной поры.

*Аул в снегу и темноте,
Кусочек каменного курта.
В курино-снежной слепоте
Кротоми ползаем по юрте.
Бураном сваленный сарай,
Что был построен старшим братом,
На сердце камень у апай —
Алеет солнце страшным знаком!*

А в голове Мубарака, которого воинский эшелон увозил далеко от родных мест на древнюю русскую землю в заповедные пушкинские места на Псковщину, роились, любимые с детства хрестоматийные поэтические строки, со школьных лет символизирующие родину, которую казахский паренёк призван был защищать.

*У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...*

Пушкин был олицетворением Родины — и малой, и большой. И села Михайловского, и Тригорского монастыря, и родного аула Караагаш и рядом с ним отходящего от огромной сини чаши Тарангула озера Балыкты, в котором водилось столько рыбы, хоть лови её руками.

С именем русского поэта в представлении Мубарака были как бы воедино связаны и пушкинская няня Арина Родионовна, и его мама Батиш-апа, которая, как и хрестоматийная няня, знала наизусть сказки, легенды, а ещё читала дастаны, прекрасно пела и доносила до своих детей всю прелесть народных сказок, и великий казахский поэт Абай, первый познакомивший потомков кочевников с пленительным образом милой пушкинской Татьяны.

А тот шалун из пушкинского творения, что катался со снежной горки на санках и отморозил пальчик, — ну кто как не младший братишка Муталлап...

А первая любовь к девушке, с чёрной дымчатой косой, при воспоминании о которой, кажется, в самом сердце вспыхивают строки:

*Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...*

Ему, совсем ещё юному джигиту, теперь выпала честь защищать. И “у Лукоморья дуб зелёный”, и “аллею Анны Керн”, и “приют спокойствия, трудов и вдохновенья”, на котором закружилось чёрное вороньё фашизма.

А вот истинное птичье царство к моменту боевого поединка нашей армии — Пушкиногорье — заметно поредело.

“Пока сердца для чести живы”

По свидетельству энтузиаста-пушкиноведа С. Гейченко, гитлеровцы, три года хозяйничавшие на пушкинской земле, были большими любителями птиц и пчёл. “Любили” вальдшнепов, тетеревов, куропаток, уток. В парках Михайловского и Тригорского срезали старинные липы, в дуплах которых жили большие семьи пчёл, и лакомились чудесным липовым медком. “Любили” и птицу певчую — ловили и отсылали её к себе в Германию в качестве особо ценных трофеев. Трофеи из заповедного имения великого русского поэта пользовались у завоевателей успехом.

По свидетельству современников, сразу же после оккупации Пушкинских Гор гитлеровцы начали расхищать музейные ценности — картины, книги. А осенью 1943 года комендант Пушкиногорской комендатуры распорядился вывезти в Германию почти всё оставшееся музейное имущество. Присланный из Vaterlanda инженер зимой 1943 года руководил вырубкой леса в Пушкиногорье. В заложниках оказался и вековой заповедный бор.

На территории заповедника была проложена часть мощной оборонительной линии с грозным названием “Пантера”.

Уже перед вступлением в Михайловское наших войск фашисты сожгли Дом-музей, разобрали домик Арины Родионовны, уничтожили арку при входе в Михайловское, надругались над портретом поэта, прострелив его в нескольких местах.

Под могилой Пушкина был вырыт туннель, а в него заложены десять авиабомб и специальные мины.

И потомок Абая из Казахстана, и все остальные воины были проникнуты одной мыслью: “Вернём Родине национальную святыню — места, где жил Пушкин...”.

О том, как он выполнял свой воинский и братский долг свидетельствуют и медаль “За отвагу”, и “Похвальное письмо”, посланное в 1943 году командиром части, майором Седельниковым матери Мубарака Батиш Кангожиной.

“Ваш сын сержант Мубарак в части считается лихим, смелым разведчиком. В боях с фашистскими оккупантами за свободу и независимость нашей любимой Родины, за счастье и светлое будущее нашего народа он как сын братского казахского народа показал себя бесстрашным, мужественным воином.

Не считаясь ни с какими трудностями, не жалея сил, рискуя своей жизнью, под сильным артиллерийско-миномётным и пулемётным огнём врага, в непосредственной близости от противника разведывал вражеские огневые точки, которые уничтожались нашей артиллерией. Он пользуется большим доверием со стороны командования части, которое высоко ценит его заслуги перед Родиной.

Слава лихому разведчику-артиллеристу! Слава семье, воспитавшей бесстрашного воина!”.

Стоит ли говорить о том, какое впечатление произвело это письмо на жителей аула, передававших из натруженных рук в руки, зачитанное чуть ли не до дыр фронтовое послание о караагашском джигите. И тем горестнее стала похоронка, словно чёрная птица, затрепетавшая в доме Кангожиных и наполнившая аул горькими причитаниями аульчан, стенаниями близких и измученной горем Батиш-апы:

“Ой, родной мой! Кто вырвал тебя из сердца моего, сломал беркутиные крылья, закрыл очи соколиные...”.

Спустя годы эти горькие слёзы, скорбь близких выразились глубоко и сильно в стихах, посвящённых матери о днях военного лихолетья ныне члена Союза писателей Казахстана, почётного гражданина Есильского района, заслуженного работника культуры РК Муталлапа Кангожина:

*Словно страшный, жуткий сон
Помню: ты рыдала,
Расцарапала лицо,
В клочья платье рвала.
Вопль отчаянья с тоской
Купол неба рушил.
Плакал весь аул с тобой,
Рвал на части души.
Ты фашистов и войну
В горе проклинала,
И аллаха, и судьбу,
Что всю жизнь сломала.
Сын погиб... Надежда-сын
В страшной лютой схватке.
Рвала клочья из косы
В яростном припадке.
Вот такой тебя пришлось
Мне увидеть, мучась...
Сколько выплакано слёз
Было в этом случае!
Как болит твоя душа,
Видел я воочью...
До сих пор стоит в ушах
Крик твой — днём и ночью!*

“Я отыщу тот крест смиренный...”

Может быть, этот не смолкающий материнский крик, непрекращающаяся все эти годы печаль о единственном, унесённом военной грозой брате и заставили Муталлапа написать в далёкие от Северного Казахстана края — на Псковщину и обратиться к потомкам Пушкина помочь установить место гибели брата, съездить туда с горстью родной земли и привезти оттуда ту самую, пушкинскую, за которую брат сложил голову.

Ответ заместителя главы администрации Пушкиногорского района В. К. Алексеевой не заставил себя долго ждать, не стал, как порой бывает в иных случаях, отпиской, а был преисполнен глубокого уважения и сочувствия к далёкому казахстанскому другу и давал подробное описание того, что происходило в заповедных пушкинских местах в годы войны.

“Уважаемый Муталлап!

На территории нашего Пушкиногорского района (бывшего Пушкинского) Псковской области до Великой Отечественной войны существовала деревня Уткино. Район был оккупирован фашистами ровно три года с июня 1941 по 12 июля 1944 года. По территории района они устроили мощную оборонительную линию “Пантера”, которая прошла, в том числе, и по деревне Уткино.

За период оккупации и в ходе боевых действий более двухсот деревень в районе были сожжены (восстановлено всего 58), в том числе и указанная деревня.

При прорыве линии “Пантера” погибло 3600 советских воинов. Все они, в том числе и Ваш брат, похоронены в братской могиле на Чёртовой Горе. В 1965 году здесь установлен памятник. Надпись на нём гласит: “26 марта 1944 года воины 578-го и 435-го стрелковых полков и 208-й стрелковой дивизии форсировали р. Великую, прорвали оборонительную линию противника, закрепились на плацдарме дер. Чёртова Гора, обеспечив условия для успешного освобождения территории Пушкинского заповедника и п. Пушкинские Горы от немецко-фашистских захватчиков.

Вот как записано в журнале боевых действий 44-го стрелкового корпуса за 25-26 марта:

“В ночь с 25 на 26 марта 1944 года войска корпуса форсируют Великую, выбивают противника из укрепленных позиций, овладевают деревнями Кузовиха, Бельково, Заворово. В середине дня 26.03.1944 года в бой вводятся 8-я гв. стрелковая дивизия и 26-я стрелковая дивизия. Развивая успех, войска корпуса к 14 часам 26.03.1944 года перерезают дорогу и овладевают деревнями Глыжино, Чёртова Гора, Гнилуха, Мишины, Горушка, Забоево”.

Враг предпринимал все усилия, чтобы вернуть потерянное, но столкнуть советских воинов с плацдарма ему не удалось. Однако и наши войска не смогли выйти на оперативный простор.

Плацдарм был очень мал, занимал всего 8 км по фронту и 2-4 км в глубину. Вдобавок лес скрывал передний край неприятельской обороны. Противостояли же нашим дивизиям части 16-й немецкой армии. Враг прочно держал оборону.

Вновь наступление началось лишь в начале июля 1944 года. В настоящее время ежегодно, в дни воинской славы: 9 мая, 23 февраля и 12 июля — в день освобождения района от фашистов на Чёртовой Горе проводятся торжественно-траурные церемонии, выступают ветераны, возлагаются цветы и венки.

Всего на территории района 18 могил воинов, партизан, подпольщиков и мирных жителей, погибших в период Великой Отечественной войны. В них захоронено свыше 7 тыс. человек. Над захоронениями шефствуют учащиеся школ, администрации волостей.

Заместитель главы района В. И. Алексеева”.

“Со стягом, не знавшим попрапия”

В год 60-летия Великой Победы в июле 2005 года Муталлап принимает решение, которое уже давно зрело в его душе, — совершить несмотря на все свои хвори и недуги далёкое путешествие на место захоронения брата, поклониться его праху и однополчан, а также праху гения русской поэзии, так горячо любимого великим сыном казахского народа Абаем. Администрация Пушкиногорского района Псковской области проявила щедрое русское гостеприимство по отношению к гостю из Казахстана, брат которого защищал родину Пушкина и которую Муталлап с помощью привезённой из родного Приишимья земли породнил с казахстанской.

Теперь и в Караагаше будет в некотором роде свой пушкинский мини-заповедник, или, вернее, мини-мемориал — ведь Муталлап привёз сюда

обильно политую кровью землю Пушкиногорья и собирается установить здесь памятный знак доблести казахского батыра и его однополчан, людей разных национальностей, не давших фашистам надругаться над русской национальной святыней. На том знаке можно начертать бессмертные пушкинские строки:

*Сражѣнный бурей вековой
На прахе дуб лежит, перунами разбитый,
С ним гибкий плющ, его обвитый,
О, дружба, это образ твой!*

Или абаевские, в которых угадываются такие его соотечественники, как Мубарак:

*Со стягом, не знавшим попражня,
Страх смерти отвергший в дерзаниях.
С врагами сражавшийся рьяно,
Со стойкостью, чуждой блужданий,
Сумевший прожить без изъяна.*

Хотелось бы также надеяться, что администрация Есильского района (хочется верить, что найдутся и спонсоры для такого благородного дела) позаботится о том, чтобы установить в памятном месте барельефы с ликами Пушкина и Абая и тем самым подчеркнуть, что нас объединяет великая культура, что нас породнила священная кровь наших предков, отдавших жизнь за идеалы добра и справедливости.

И надо понять, какой заряд душевных сил, патриотизма получит “племя младое, незнакомое”, как получают его на священной пушкинской земле.

Муталлап Кангожин стал свидетелем (а его экскурсоводами были представители администрации Пушкиногорского района) безмерной любви людей к национальным святыням, частице мировой культуры, проявившейся в неиссякаемом людском потоке в музеях пушкинского заповедника, в не пустеющих аллеях старинных парков. И кажется, что он воочию увидел и услышал здесь, как и в своём родном Приишимье, “луга и нивы золотые”, “и иволги напев живой”, и “шёпот речки тихоструйной”.

А главное — навестил братскую могилу, где погребён со своими однополчанами Мубарак, защищавший Пушкина, который, одетый в бронзу на постаменте в Тригорском, словно призадумавшись, обращается к нам, ныне живущим:

*Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую славу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон,
Пройдёт он мимо нас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.*

Гюльнар МУКАНОВА,
кандидат исторических наук, доцент

Время в поэзии Абая и Пушкина

Задавшись вопросом, что же такое Время, получим разные ответы. Дипломат скажет: “Время — это сущность, объединяющая всё человечество в данный момент”. Воин заметит: “Время дано, чтобы ставить цель и верить в её достижение, а также чтобы защищать завоевания”. Поэт резюмирует: “Время отпущено, чтобы воспеть любовь к жизни”. Банкир подчеркнёт: “Время работает на тех, кто умеет им воспользоваться”. Врач поправит: “Надо соответствовать Времени по духу и физическому состоянию”.

Отношение в прошлом к сущности Времени определяется по записям фольклора. Жанр волшебных сказок, при внимательном разборе, наводит на размышления о представлениях народов о времени.

В творчестве А. С. Пушкина сказочные сюжеты занимают особое место. “Сказка о спящей царевне и семи богатырях”, поэма “Руслан и Людмила”, “Сказка о царе Салтане и его сыне царевиче Гвидоне” и т. д. Абай умел искусно вплетать узоры восточных арабесок в ткань своих произведений.

Воображаемое действие в любой сказке выдаётся за действительное. Сказки, так любимые всеми в детстве, в большинстве своем содержат примеры растяжения (сжимания) времени. Персонаж “Тысячи и одной ночи”, к примеру, за двое суток конного путешествия преодолевает расстояние, на которое обычные смертные потратили бы до семидесяти месяцев, и т. п. Джинны переносят героев сказок в мгновение ока через огромные пространства.

Время и его восприятие наводят на рассуждения, что забавно, об одновременной объективности и субъективности данной категории. Понаблюдайте за собой — общаясь с детьми и пожилыми людьми, воспринимаешь Время иначе, чем проводя Время со взрослыми. Вместе с тем Время — некая сущность, данная человечеству в форме испытания ради осознания чего-то очень важного...

... Достоянием прошлого стал Год Пушкина в Казахстане и Год Абая в России. Но не иссяк наш интерес к их наследию. Свет творений гениев проходит сквозь туманности лет, подобно сиянию звёзд. Они покоряют своей изумительной красотой всё новые и новые поколения землян, сближают человечество, учат добру и любви.

Души прекрасные порывы и дум высокое стремление Абая и Пушкина заставляют нас преклонять главу перед их человечностью. Как поэты девятнадцатого столетия воспринимали своё Время?..

Ныне существует достаточно остроумных и глубоких замечаний о сути Времени. Одно из них: “Время проходит!” — привыкли мы говорить вследствие установившегося неверного понятия. Высказывание “Время вечно: проходите вы!” принадлежит М. Сафиру.

Если обернуться в далёкий XIX век, то забавным покажется факт, что “в его начале уже были секунд-майоры и секунданты, но не было ещё секундных стрелок в обиходных часах” (!). Когда надо было сказать о секундах, говорили о мгновеньях, и каждый при этом полагался на своё ощущение мгновенья. Часами отсчитывали лёгкое времяпрепровождение: “В часы забав или праздной скуки” (Пушкин). Народные выражения: “Делу время, потехе — час”, “скоротать время” и другие.

Расстоянья в XIX столетии одолевались с сонной медлительностью. Но как много люди тогда успевали — и увидеть, и пережить, и почувствовать, и написать обо всём этом!.. Удивительное то время, трепетные отношения к друзьям. Из письма Чаадаева к Пушкину: “Моё пламеннейшее желание, друг мой, — видеть вас посвящённым в тайну времени”(?!).

По-видимому, в разгадке, если это вообще возможно, сущности времени, пространства, жизни заключается некая притягательная сила. Как правило, люди тонкого душевного склада, какими являются поэты, чутко реагируют на эти феномены. Гёте принадлежит грустное изречение: “Потеря времени тяжелее всего для того, кто больше знает”. У юного Лермонтова — “Герой нашего времени”.

Величие Времени, Космоса кроется в строках гениальных Пушкина и Абая. О временах года писали оба поэта-классика, чудесными строками обрисовав картины природы равнин и степей. Привычные пейзажи обрели в них неподражаемые оттенки.

Э. Кедрина в статье “Бессмертное слово” так характеризовала творчество Абая: “Может быть, основной чертой его гения, позволившего ему стать для тюркоязычных народов тем, чем был для России Пушкин, заключается в необычайной восприимчивости творческого интеллекта, в страстной целеустремлённости мысли”.

В начале XX века Миржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев — яркие представители тюркоязычной культуры, высоко оценили гениальность Абая. Сегодня их высказывания не утратили своей актуальности.

Творчество Абая остаётся непревзойдённым в казахской литературе. К нему обращаются, его хотят прочесть на родном языке другие народы. Поводом к поиску мною тематических материалов стал интерес, вызванный переводом на русский язык стихотворения Абая Кунанбаева “Отнюдь не досужий...” (пер. А. Кодара).

Обращает на себя внимание тема Времени, вдохновившая казахского поэта А. Кунанбаева второй половины XIX века на создание таких строк:

*Отнюдь не досужий — часов перестук.
Толкует он нам: “Всё проходит вокруг!”
Минута равна человеческой жизни,
Прошла, умерла, не воскреснуть ей вдруг.*

*Часы — это воры, стучащие в такт
Тому, что уходит, скрывая свой шаг,
Не зная покоя, проносится время:
Пришло и ушло, не вернётся никак.*

И ничто не порадует душу?
 В тяжкой скорби, таюсь, как изгой.
 Что ж меня в этой жизни так мучит?
 Может, сердцу во мне уж не петь?
 Может, миг был мной важный упущен?
 Я о прошлом не стану жалеть,
 Иль надежды питать о грядущем.
 Я шшу только сладкого сна,
 Чтоб забыть обо всём и забыться...

Так мог написать только человек с чистой совестью. Имена гениев сближают народы. Каждому отмерено его время земного бытия. Абай и Пушкин успели многое выразить в своих чудесных произведениях, полных красоты, вдохновения и мудрости.

Пушкин скончался 29 января, в пятницу, в 1837 году, в 2 часа 45 минут дня, или, как раньше писали, пополудни. Впервые эти сведения были опубликованы в кратком, но страстном некрологе, написанном В. Ф. Одоевским и помещённом в чёрной рамке в газете “Литературные прибавления” к “Русскому инвалиду” 30 января 1837 г.

“Солнце нашей Поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сём не имеет силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина!.. К этой мысли нельзя привыкнуть!”

Министр народного просвещения Уваров был недоволен этим некрологом и сделал соответствующие внушения редактору Краевскому за чёрную рамку и за высокую оценку Пушкина, которая была в тексте Одоевского...

Но во все времена истинный талант имел своих почитателей и ценителей, невзирая на официальные суждения.

Абай сказал:

*Бессмертные слова ты оставляешь миру,
 Так можно ли сказать: “Ты превратишься в тлен?”...*

В музее-квартире Пушкина на Мойке, 12 в Санкт-Петербурге есть несколько часов, которые остановлены именно на двух часах сорока пяти минут пополудни — на времени ухода Поэта.

Уход Поэта... Ушли ли пушкинские времена? Нет, кумиры времени не подвластны...

г. Петропавловск.

Алия АХЕТОВА

Казахи покоряют Европу

Мир художника своеобразен пластикой, цветом, как особым восприятием окружающего, внутренней позицией.

Искусство — не спорт, где непременно надо кого-то победить (соображение, что важна не победа, а участие, борьба — лицемерно).

Нужно одно, чтобы тебе было что сказать, чтобы, глядя на твои картины, человеку многое хотелось передумать. Ведь художник — переводчик с быденного. Он останавливает наш первичный взгляд, замедляет наши торопливые шаги, низводит на нет суетность. Мастер слышит ленивое биение пульса города, уставшего от полдневного зноя, видит, как из-за радуги солнечных бликов встаёт новый день. Благодаря художнику, и мы обнаруживаем в себе это умение видеть. День — который радость. Или печаль. Лица — которые лики. И тогда несёшь это в себе. Наше сознание незаметно, но прочно формируют музыка, поэзия, живопись. Ведь красота заключена в бытии человека, в самом неумолимом беге времени, в природе. Задача художника — суметь её отразить.

Булат Мекебаев с детства был не как все. Любимцу матери, ему разрешалось разрисовывать все стены в их большой квартире в двухэтажном старом доме, затерявшемся в густой зелени акаций.

Булат очень рано потерял отца, которого любил неистово и горячо. В домашнем архиве Мекебаевых хранятся его письма к отцу, трогательные и нежные. Он вырос в окружении матери и старших сестёр. В семье наперекор

Булат Абусагитович МЕКЕБАЕВ

родился 22 августа 1964 года в Кокчетаве, в возрасте тринадцати лет поступил в детскую художественную школу. В 1990 году окончил художественно-графический факультет Казахского педагогического института имени Абая.

После завершения учёбы, в 1991 году выставляет свои работы в историко-краеведческом музее г. Кокшетау. Начиная с 1998 года, художник — участник многих международных, автор персональных выставок живописных произведений в галереях

Берлина, Ганновера, Люксембурга.

Булат Мекебаев — лауреат международной ассоциации «Искусство народов мира» (Москва, Россия), в 2005 году назначен её вице-президентом на территории Германии. Художник является автором и исполнителем двух настенных росписей «Три жуза», «На защиту» в посольстве Республики Казахстан в Берлине.

Картины мастера живописи находятся в частных коллекциях Казахстана, Украины, России, США, Германии, Франции, Англии, Австрии, Хорватии.

его воле и не пытались вставать, наоборот, всегда лишь поощряли его страсть к рисованию.

Неисповедимы пути Господни. Служить Булату довелось в ГДР. Мог ли он знать, будучи советским солдатом, что, спустя годы, ему, признанному художнику, доверят расписывать стены посольства независимой страны — Республики Казахстан, что именно на немецкой земле впервые появится его собственная мастерская и что свои персональные выставки он будет открывать в Берлине и Кёльне, Ганновере и Франкфурте-на-Майне, Эрфурте и Хассене, Пушкинском музее Люксембурга и Киеве. Что наступит время, и его све-

тящиеся полотна разлетятся по свету: их хранят во Франции и Австрии, США и Англии, России и Хорватии...

После армии Булат учился на худграфе КазПи имени Абая в городе мистического слияния культур Европы и Азии. Ночью волшебная луна восходила из великих белых гор, освещая тонувший в зелени город-сад, город, в котором снятся тигры с голубыми глазами. Кроны деревьев в солнечном городе с ласковым именем уходят куда-то в небо. И всё же заложенная в материнском лоне казахского Кокшетау склонность к поэтическому созерцанию и унаследованная от предков неразрывность с землёй великих кочевий изначально питали творчество Булата Мекебаева. Его обращение к народным истокам не дань моде — для него глыба и родная земля благословенного края Кокшетау, и его люди, и родной до боли старый двор, и всегда ждущий его дом, где висит сотворённый им портрет матери.

В организованной Германии, где царит строгий порядок, в извечной круговерти его жизни, полной успеха, признаний, неразрешимых сомнений и тревог, единственное окно света — воспоминания о родном Кокшетау. “Мой город” — в интонации мужественного голоса Булата и отсвет тоски, и невыразимая нежность, и гордость.

На родине остались его родные, друзья. В народе нашем говорят: “Сокол делит добычу со всеми, ворон в одночасье доедает падаль”. Приезжая в родной город, Булат использует любую возможность помочь местным художникам выехать в Европу, выставляться за рубежом, щедро делится информацией.

У Булата своя точка зрения: “Художник должен увидеть мир своими глазами. Учиться мастерству, самосовершенствованию всю жизнь. Для меня главное — показать миру Казахстан. На всех своих выставках я представляю родину, свой народ. Люди посредством моих картин узнают больше о Казахе. Просто есть память. И с годами она обостряется на чужбине”. Друг Булата, московский художник Андрей Овнуков-Суворов как-то написал в книге отзывов: “Булат! В твоих работах столько восточной мудрости, что хочется грустить и думать о смысле жизни”.

Для художника картина — живое существо, наполненное его дыханием и его чувствами. У каждой своя аура, своя история радости и света, ожидания и тревог.

Под одним из полотен Булата Мекебаева я прочитала поразившую меня надпись:

*Мне хочется выть,
что я раненый зверь
По снегу ползу,
проклятая судьбу,
И алая кровь, словно
брызнувший сок
Дозревшего плода
на белом снегу.*

Сам художник, иронично посмеиваясь над собой, шутит: “Человеческий детёныш живёт там, где его кормят”.

За сегодняшним признанием Булата (чего стоит вот этот отзыв: “Наши предки завоёвывали Европу мечом и копьями, ты — кистью и цветом!”) — годы одиночества на чужбине, работа в подвалах с никудышным освещением, было время — писал карандашами на картоне от коробок.

*Не упиваясь словесами,
Жизнь убеждает нас опять, —
Талантам нужно помогать,
Бездарности пробьются сами.*

Атташе по культуре казахстанской дипмиссии в Германии, впервые увидев картины Мекебаева, предложил ему выполнить роспись стен посольства. В казахских степях люди верят в аруахов — святых духов предков, берегущих своих избранников. Аруахи ещё задолго до рождения Булата Мекебаева решили — быть ему художником. Да будет он ими храним! Картины казахского мастера в далёкой Германии служат связующим мостом народов и культур — пленительный мир кочевой цивилизации номадов покоряет воображение прагматичных европейцев.

И всё же Булат истово верит, что самая надёжная и верная дорога его жизни и творчества — дорога к дому. Своих четверых детей: дочек Кристину и Асем, сыновей Тимура и Артура, жену Елену каждое лето он старается отправить в Казахстан. Не забывать о корнях, помнить, кто ты есть, жить думами о судьбе родины — этому он учит своих самых близких людей.

Личность, способная вести за собой, Булат — сын своего времени, сын своего народа. Он сумел сохранить здоровое честолюбивое стремление: превзойти себя, испытать в экстремальных условиях, сотворить актуальнее всех, с истинным размахом своего щедрого таланта. Кочевник по крови, художник милостью Божьей, Булат Мекебаев приближает бесконечно далёкое и недостижимое завораживающей магией и волшебной силой своих картин.

Владимир КУПРИН

Звёзды над озером Маралды

(Фёдор Достоевский в Павлодарском уезде)

Мать Ф. М. Достоевского происходила из старинного рода татарских князей Иртищевых, давших в одной из своих ветвей боярскую фамилию Ртищевых. Далёкие предки этой семьи пришли из кипчакских земель на Русь и попросились на жительство (причиной тому было несогласие с татарами-монголами и непрощаемые обиды, нанесённые нойонами Чингисхана). Новым подданым фамилию дали по прозвищу от названия реки, вдоль которой кочевали родичи-кипчаки. Ертисчи, иртищени — пришельцы с берегов Иртыша. Поместье Иртищевых получили в Белоруссии, где по истечении нескольких сотен лет в начале XIX века породнились с потомками польских шляхтичей Достоевских.

Об этом постоянно вспоминал Фёдор Михайлович, оказавшись на Иртыше. После выхода из омского острога ("Мёртвого дома"), переведённый на солдатчину, Достоевский каждый раз, как только представлялся случай, предпринимал розыск сведений, которые могли бы привести его к достоверным подтверждениям своего тюркского происхождения.

С момента выхода из омского острога в 1854 г. и до благословенного дня прекращения срока наказания в 1859 г. Ф. М. Достоевский первое время обязан был находиться в солдатской казарме семипалатинского гарнизона. Получив статус вольноопределяющегося (перед присвоением офицерского звания), Достоевский смог жить и столоваться отдельно от солдат. С 1855 года благодаря сочувствию семипалатинского правителя А. Врангеля, который принимал непосредственное участие в облегчении тяжёлой доли ссыльного писателя, Достоевский регулярно получал служебные поручения (особенно после присвоения младшего офицерского чина).

Согласно уставу, каждая поездка (командировка) утверждалась командиром воинской части, к которой был приписан Достоевский. Штаб находился в с. Песчаном Павлодарского уезда, и прапорщик Достоевский обязан был являться туда затем, чтобы расписаться на приказе о командировке и поручаемом задании, получить дорожное довольствие и прогонные деньги, либо подать прошение (рапорт) о разрешении совершить отлучку по личным делам.

Переписываясь с братом Михаилом Михайловичем, писатель сообщал ему обо всём, что видел в поездках, с кем встречался. Разумеется, во всех письмах доминировала тема знакомства с М. Исаевой и женитьбы на ней. О поисках генеалогического характера Достоевский умалчивал, потому что брат его критически относился к идее тюркского происхождения со стороны матери, так занимавшей Фёдора Михайловича. Зато от своих семипалатинских друзей и покровителей он не скрывал своего горячего желания изучить те факты, которые могли ему предоставить степняки. Чокан Валиханов первый из всех старался помочь своему другу, выписывая и вычерчивая для него родословные древа и выделяя в них все имена, которые могли привести к искомому результату.

Сопоставление фрагментов из переписки Ф. М. Достоевского того периода с разными людьми помогает хотя бы частично реконструировать ход событий, связанных с генеалогическими поисками писателя. Главным ориентиром были, конечно, имена собственные. К сожалению, Фёдор Михайлович мог опереться только на русифицированную фамилию первопродка матери — Иртищев. Наиболее близкий тюркский вариант — Ертисши. Мягкий шипящий звук “ш” искажался русскими писарями-дьяками до “щ”. Отсюда — Иртищей, как прозвище по месту рождения или проживания.

Подводила и непривычка к тому, что у казахов не было фамилий. По одним личным именам трудно было что-то установить. Кое-чем помог Григорий Потанин, собиравший былички и легенды по всем казахским местностям. Из его записей мало что удалось выудить, но из некоторых биографических быличек стали прорисовываться обнадёживающие детали. Перед своей женитьбой на М. Исаевой Достоевский, исполнив требования устава и узаконив свою очередную поездку по личным делам, приехал из Песчаного в Коряковку. Здесь он в ожидании смены почтовых лошадей нанял казахскую подводу и поехал по просёлку через правобережную десятивёрстную полосу офицерских пахотных земель.

За день они добрались до большого пресного озера, о котором нанятый возница сказал, что называется оно Маралды из-за того, что тут порой появляются маралы. С помощью того же возницы Фёдор Михайлович посетил аулы, расположившиеся поблизости от озера на летовку. Там у него состоялись беседы с аксакалами. Поглядывая в свои записи, он задавал вопросы, и аульные старейшины объясняли приезжему все хитросплетения степных родственных отношений.

Ночевал Достоевский на берегу озера, удобно расположившись на толстой кошме. Новостей, которые он получил, ещё не хватало для полной ясности, но путь к истине уже виделся более чётко. Повторяя про себя все пояснения аксакалов, Фёдор Михайлович мысленно видел густое кружево из имён и линий, похожее на генеалогические чертежи милого друга Чокана. А сквозь весь этот ажур светили неправдоподобно крупные звёзды в небе над водным зеркалом.

Вернувшись в Коряковку, Достоевский в ожидании своей казённой упряжки написал брату Михаилу письмо, и в нём, описывая поездку “по окрестностям Коряковки”, как бы между прочим упомянул, что “таких звёзд, как над озером Маралды, я нигде не видел”. Потом стремительно стала меняться жизнь писателя — он получил разрешение на брак, обвенчался, начались семейные и денежные хлопоты, и поиски родственных тюркских корней отошли на задний план. Впрочем, углубляться в них писатель больше не собирался. Того, что ему объяснили маралдинские аксакалы, было вполне достаточно для укрепления своих внутренних помыслов о своём призвании и предназначении.

Возможно, было бы лестно узнать, что линии родства в прошлом где-то пересекаются с судьбами “потрясателя вселенной” и его потомков-торе (один из них — любезный сердцу Чокан Валиханов). Но обрётённая свобода торопила братья за перо, навёрстывать время, отнятое каторгой и ссылкой, и новый пласт знаний был кстати — он развернул мировоззрение Достоевского от великорусских настроений до более широких горизонтов евразийского видения, получившего опору в кровном родстве воедино слитых культур.

г. Павлодар.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (3172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (3272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Корректор **Ю. В. Демиденко.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Учредители:

В. Р. Гундарев и ТОО «Издательство «Фолиант».

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 05.04.2007 г.

Подписано к печати 15.05.2007 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 2624.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».
